

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1979

СОДЕРЖАНИЕ

Мельничук А. С. (Киев). О генезисе индоевропейского вокализма	3
---	---

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ахманова О. С., Минаева Л. В. (Москва). Еще раз о так называемой «теоретической лингвистике»	17
Биренбаум Я. Г. (Магнитогорск). Горизонтальные синтаксические связи	28
Соболева П. А. (Москва). Дефектность парадигмы и семантическое тождество слова	37
Умарходжаев М. И. (Андижан). Современные проблемы фразеологии	48
Привалова М. И. (Ленинград). Собственные имена и проблема омонимии	56

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Абдуллаев З. Г. (Махачкала). Соотношение и роль формального и содержательного в дефиниции синтаксических категорий в дагестанских языках	68
Цыкин В. А. (Москва). Полуаффиксация в системе китайского словообразования	80
Карамшов Д. (Душанбе). Проблемы категории рода в памирских языках	92
Шерер В. Э. (Ростов-на-Дону). О выражении пространственных отношений в кетском языке	103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Ширшов И. А. (Грозный). Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке	109
Канделаки Т. Л. (Москва). Терминологическая работа в системе научных учреждений АН СССР	123

Рецензии

Горлэтяну Н. Г., Чобану А. И. (Кишинев). Р. А. Будагов. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени	133
Дэжёл Л. (Дебрецен). «Принципы описания языков мира»	138
Калыгин В. П. (Москва). М. Dillon. Celts and Aryans	141
Степанова М. Д. (Москва). «Linguistische Studien. Beiträge zur Klassifizierung der Wortarten»	144
Керашева Э. И. (Майкоп). А. К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков	148
Чернов В. И. (Куйбышев). «Русская разговорная речь. Тексты»	152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	155
--------------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, Ф. М. Березин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, А. И. Домашнев, Ю. Н. Караулов, Г. А. Климов (отв. секретарь редакции), В. З. Панфилов (зам. главного редактора), В. М. Солнцев (зам. главного редактора), О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин (главный редактор), В. Н. Ярцева

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 202-92-04

Зав. редакцией И. В. Соболева

МЕЛЬНИЧУК А. С.

О ГЕНЕЗИСЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ВОКАЛИЗМА

И. Сто лет тому назад Ф. де Соссюром была развита плодотворная мысль о том, что отдельные гласные фонемы индоевропейского праязыка возникли в результате слияния существовавших в прошлом фонетических элементов более древнего происхождения. Эта мысль касалась в основном долгих гласных \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} , которые были объяснены Соссюром как продукты соединения гласного e с так называемыми сонантными коэффициентами, обозначенными у него в виде символов A и φ . Рефлексом сонантного коэффициента A в самостоятельной позиции Соссюр считал индоевропейский гласный a , к коэффициенту φ он возводил в части случаев гласный o , не чередующийся с e . Что же касается кратких гласных e и чередующегося с ним o , то вопроса об их происхождении Соссюр не рассматривал, принимая эти звуки в индоевропейском праязыке за изначальные¹.

После того как сонантные коэффициенты Соссюра (A и φ) были отождествлены Г. Меллером с исчезнувшими ларингальными согласными, возникла тенденция к объяснению качественных различий индоевропейских кратких гласных слиянием различных ларингальных согласных с первоначальным единственным гласным². Начиная с 1935 г., большинство сторонников ларингальной теории вслед за Ю. Куриловичем принимает, что индоевропейские краткие гласные e , o , a возникли из прежних сочетаний единственного первоначального гласного e с тремя различными ларингальными согласными ε_1 , ε_2 и ε_3 : $\varepsilon_1 e > e$, $\varepsilon_2 e > a$, $\varepsilon_3 e > o$ ³. Поскольку в хеттском языке, сохранившем непосредственные рефлексы части древних ларингальных, а также в других индоевропейских языках многие факты противоречат такой схеме, делаются попытки увеличить количество предполагаемых индоевропейских ларингальных, чтобы таким образом устранить обнаруживающиеся несоответствия. Так, отдельные авторы выдвигают предположение о существовании в прошлом четырех⁴,

¹ Ф. де Соссюр, Труды по языкознанию, М., 1977, стр. 347—348, 365, 389—390, 402, 409—411, 423—424 и др.

² А. Суну, Notes de phonétique historique. Indoeuropéen et sémitique. «Revue de phonétique», II, 1912, и др.

³ J. Kurujowicz, *Indoeuropéen et h hittite*, «Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski», I, Cracoviae, 1927, стр. 95—104; Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955 (Paris, 1935), стр. 179—180; W. С. Оувегер, De Hettitische *H*. Een bijdrage tot de studie van het Indo-Europeesche vocalisme, Louvain, 1937, стр. 285—286; E. Polomé, Zum heutigen Stand der Laryngaltheorie, «Revue belge de philologie et d'histoire», 30, 1952, стр. 444—471, 1041—1052.

⁴ J. Kurujowicz, Etudes indoeuropéennes, Kraków, 1935, стр. 30—75; егже, L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 166—169; E. Sapid, The Indo-European words for «tear», «Language», XV, 3, 1939, стр. 181—182 (примеч.); E. H. Sturtevant, The Indo-Hittite laryngeals, Baltimore, 1942; E. H. Sturtevant, E. A. Hahn, A comparative grammar of the Hittite language, I, New Haven, 1951, стр. 17, 47—55; W. P. Lehmann, Proto-Indo-European phonology, Austin, 1955, стр. 8, 99.

пяти⁵, шести⁶, восьми⁷ и даже десяти⁸ ларингальных согласных. Наряду с этим некоторые авторы допускают существование всего лишь двух⁹ или только одного индоевропейского ларингального¹⁰. Ясно, что в последнем случае никакой связи между качественными различиями гласных и древними ларингальными усмотреть невозможно.

Отмеченный разницей во мнениях относительно количества предполагаемых индоевропейских ларингальных говорит об отсутствии каких-либо ясных признаков зависимости качества индоевропейских гласных от исчезнувших ларингальных. Хеттский язык, письменность которого отражает, по меньшей мере, два индоевропейских ларингальных — один щелевой, идентифицированный Ю. Куриловичем с хеттскими клинописными обозначениями *ḫ*¹¹, и один взрывной, обнаруженный нами в случаях двойного или тройного написания одних и тех же гласных¹², — свободно допускает сочетания этих ларингальных как с гласным *a* (= ие. *a*, *o*), так и с гласным *e* (*i*), а также функционирование этих гласных вне сочетаний с ларингальными, т. е. свидетельствует об абсолютной независимости качества унаследованных из индоевропейского праязыка хеттских гласных от сохранившихся в нем ларингальных. Поэтому даже отдельные лингвисты, принимающие достаточное для такой цели количество ларингальных, приходят к полному отрицанию какой бы то ни было их роли в образовании качественных различий индоевропейских гласных¹³. Правда, такое обобщенное заключение следует признать излишне прямилинейным. Помимо участия ларингальных в образовании индоевропейских долгих гласных, имеются веские основания для вывода о том, что ларингальные (в том числе и не сохранившиеся в хеттском языке) участвовали на разных этапах в формировании гласного *a* (см. ниже). Что же касается участия ларингальных в формировании качественной природы остальных индоевропейских гласных, то подтвердить его какими-либо фактами, действительно, не представляется возможным¹⁴.

⁵ H. M ö l l e r, *Die semitisch-vorindogermanischen laryngalen Konsonanten*, København, 1947; A. C u n y, *Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques*, Bordeaux, 1946, стр. 47, 133—145; В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, О некоторых рефлексах индоевропейских ларингальных в праславянском, ВЯ, 1959, 2.

⁶ J. P u h v e l, *Evidence in Anatolian*, сб. «Evidence for laryngeals», ed. by W. Winter, London — The Hague — Paris, 1965, стр. 92.

⁷ A. C u n y, *Le phonème ḫ du hittite résulte de la fusion de plusieurs phonèmes «nostratiques» différents*, «Revue hittite et asiatique», 6, 1942, стр. 93—94; J. P u h v e l, *Laryngeals and the Indo-European verb*, Berkeley, 1960, стр. 156.

⁸ A. M a r t i n e t, *Les «laryngales» indo-européennes*, «Proceedings of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1958.

⁹ H. P e d e r s e n, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938, стр. 180—181; H. H e n d r i k s e n, *Untersuchungen über die Bedeutung des Hethitischen für die Laryngalthorie*, København, 1941, стр. 88—89; Th. H. M a u r e r, *Unity of the Indo-European ablaut system: the dissyllabic roots*, «Language», 23, 1947.

¹⁰ L. L. H a m m e r i c h, *Laryngeal before sonant*, København, 1948, 3; е г о ж е, *Ketzereien eines alten Indogermanisten*, сб. «To honor Roman Jakobson», II, The Hague—Paris, 1967; L. Z g u s t a, *La théorie laryngale*, AO, 19, Praha, 1951; A. V a i l l a n t, *Grammaire comparée des langues slaves*, I, Lyon, 1950, стр. 241—246; В. П и з а н и, *Общее и индоевропейское языкознание*, сб. «Общее и индоевропейское языкознание», М., 1956, стр. 133; В. В. И в а н о в, *Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии*, «Вестник МГУ», Историко-филологическая серия, 2, 1957, стр. 23—46.

¹¹ J. K u r y l o w i c z, *ḫ indoeuropéen et ḫ hittite*.

¹² А. С. М е л ь н и ч у к, *Следы взрывного ларингального в индоевропейских языках*, ВЯ, 1960, 3.

¹³ Ср.: W. P. L e h m a n n, указ. соч., стр. 110.

¹⁴ Отсутствие в хеттском языке данных, которые свидетельствовали бы о влиянии ларингальных на качество соседних гласных, подчеркивает Р. Кроссланд (R. A. C r o s s -

Одним из исходных положений современной ларингальной теории остается традиционное представление об индоевропейских гласных *i*, *u* как о фонетических элементах, принципиально отличных от гласных в собственном смысле *e*, *o*, *a* и являющихся, якобы, лишь слогообразующими вариантами сонантов *ĭ*, *ǔ*. В истории индоевропейского вокализма этим сонантам с самого начала отводится сравнительно скромная роль вторых компонентов дифтонгов. А между тем внимательное изучение большой совокупности фактов, отражающих древнейшие фонетические соотношения индоевропейского праязыка, позволяет утверждать, что основная роль в формировании качественных различий индоевропейских гласных принадлежит не ларингальным согласным, а сонантам *ĭ* и *ǔ*¹⁵.

II. Одним из первых этапов решения вопроса о генезисе индоевропейского вокализма может быть рассмотрение широко распространенных в индоевропейских языках фактов явно архаического параллелизма или смешения гласного *e* с *i* и гласного *o* с *u* в тождественных индоевропейских корнях. Среди общеизвестных явлений индоевропейского вокализма эти факты по широте своего распространения уступают только классическим видам количественного и качественного чередования гласных типа $\acute{e} : \bar{o}$.

В ряде глаголов балтийских и славянских языков основы настоящего времени образуются с корневым гласным *e*, изредка *o*, а основы инфинитива — с *i* (*ь*), изредка *u* (*ѣ*). Ср.: лит.* *dilti* «стираться, уменьшаться», *dilaĩ*, диалектн. *delù* (литер. *dylu*), лтш. *diļt* «изнашиваться», *dilu*, *dēlu*; лит. *gīmti* «родиться», *gimiaĩ*, *gemù*, лтш. *dzimt*, *dzimu*, *džemu*; лит. *giñti* «гнать», *ginù*, *genù*, лтш. *dzinu*, *dženu*; лит. *miñti* «помнить, вспоминать, называть», *miniaĩ*, *menù*; прасл. *brati* «братъ», *berǫ*; *drati* «драть», *derǫ*; *prati* «бить, ударять», *perǫ*; *stolati* «стелить», *steljǫ*; *zъvati* «звать», *zovǫ*; *gъnati* «гнать», *gonjǫ*, *ženǫ* и др.

На первый взгляд может показаться, будто огласовка корней типа *dilti*, *giñti* в балтийских основах инфинитива отражает в данном случае обычную для положения перед согласным слогообразующую природу ие. *r*, *l*, *m*, *n*, чередующихся с вокализированными вариантами *er*, *el*, *em*, *en* перед гласным в основах настоящего времени. Однако, как видно из примеров, огласовка *i*, *u*, параллельная огласовке *e*, *o*, проявляется не только в таусиллабических сочетаниях *il*, *im*, *in* в балтийских основах инфинитива типа *gilti*, *giñti* (их можно было бы истолковывать как ступень

I a n d, A reconsideration of the Hittite evidence for the existence of «laryngeals» in primitive Indo-European, «Transactions of the Philological Society», Oxford, 1951, стр. 119). Ю. Курилович, на протяжении ряда лет приписывавший ларингальным решающую роль в образовании качества гласных, в последних своих работах несколько отошел от этой точки зрения. Ср. об этом С. W a t k i n s, [реп. на кн.:] J. Kuryłowicz, L'arophonie en indo-européen, «Language», 34, 1958, стр. 389; E. P o l o m é, The laryngeal theory so far, сб. «Evidence for laryngeals», стр. 33.

¹⁵ К подобному выводу в известной степени приблизились те сторонники ларингальной теории, которые реконструировали ларингальные палатализованного (*H'*, *x'*) и лабиализованного (*H^w*, *x^w*) тембров; см.: Н. Д. А н д р е е в, Периодизация истории индоевропейского праязыка, ВЯ, 1957, 2, стр. 5; Т. В. Г а м к р е л и д з е, Хеттский язык и ларингальная теория, «Труды Ин-та языкознания [АН ГрузССР]», Серия восточных языков, III, Тбилиси, 1960, стр. 89—90; А. M a r t i n e t, Non-arophonie o-vocalism in Indo-European, «Word», IX, 3, 1953, стр. 253—262.

* В статье приняты следующие сокращения: балтосл. — балтославянский, брет. — бретонский, гот. — готский, гр. — греческий, драугл. — древнеанглийский, дрвн. — древневерхненемецкий, дринд. — древнеиндийский, дрисл. — древнеисландский, др.-макед. — древнемакедонский, ие. — индоевропейский, корн. — корнийский, лат. — латышский, лит. — литовский, лтш. — латышский, норв. — норвежский, оск.-умбр. — оскско-умбрский, п. — польский, прус. — прусский, псл. — праславянский, срвн. — средненижненемецкий, стсл. — старославянский, ч. — чешский (примеч. ред.).

редукции сочетаний *el*, *en* и т. д.), но и в гетеросиллабических сочетаниях типа *-i-lau*, *-i-nu*, *-b-ra*, *-b-la* в части балтийских основ прошедшего времени и в славянских основах инфинитива (они не являются рефлексамии слоговых *r*, *l*, *m*, *n*, а содержат исконные гласные *i*, *u*). Поскольку во всех остальных случаях основы инфинитива в балтийских языках обнаруживают огласовку, абсолютно тождественную с основами прошедшего времени, было бы необоснованно считать, что в данном случае огласовка инфинитива восходит к слоговым *r*, *l*, *m*, *n*, представляющим собой ступень редукции сочетаний *er*, *el*, *em*, *en*, и тем самым отличается от огласовки основ прошедшего времени с исконными *i*, *u*. Поэтому следует признать, что основы инфинитива типа *dilli*, *giñti* содержат такие же исконные *i*, *u*, как и основы прошедшего времени типа *dilaũ*, *ginũ* или основы славянского инфинитива типа *bъrati*, *stьlati*, *gъnati*.

Отсутствие какой-либо связи сочетаний типа *ir*, *il* с так называемой ступенью редукции типа *r*, *l* в рассматриваемых случаях подтверждается наличием в праславянском языке другого распределения параллельных огласовок *er* — *ir* (*ьr*), *el* — *il* (*ьl*) и т. д., при котором в таугосиллабической позиции оказываются не сочетания *ьr*, *ьl* и т. д., выступающие на этот раз в основах настоящего времени, а, наоборот, сочетания *er*, *el* и т. д., характеризующие основы инфинитива. Ср. псл. **perti* «переть»: *pьrǫ*; **inerti* «умирать»: *mьrǫ*; **žerti* «пожирать»: *žьrǫ*; **terti* «тереть»: *tьrǫ*; **verti* «запирать»: *vьrǫ* и др.; ср. также псл. *žьmǫ* (< **gimo-*) «жму», *želi* «жать, давить» — гр. γέλω «я полон»; псл. *žьnǫ* «жну», *žeti* «жать» — лит. *geniũ*, *genėti* «очищать ствол от сучьев, обрубить», лтш. *dzenēt* «то же», гр. θείνω (< **θευλω*) «бью». Вместе с тем, эти примеры показывают, что параллелизм корневых звукосочетаний типа *ir* (*ьr*):*er* в балто-славянских языках не связан последовательно с какой-нибудь одной строго определенной словообразовательной или морфологической функцией.

В ряде случаев параллелизм огласовок типа *ir:er* в балтийских языках оказался использованным для фонетической дифференциации различных семантических (и словообразовательных) вариантов одних и тех же глагольных основ. При этом одна и та же огласовка последовательно распространяется на все морфологические формы основы. Ср. лит. *bērti* «сыпать», *beriu*, *beriaũ* — *birti* (*byrėti*) «сыпаться», *byrũ*, *pabiraũ*, лтш. *bērt* «сыпать», *beru*, *bēru* — *birt* «сыпаться, падать, течь», *birstu*, *biru*; лит. *gėrti* «пить», *geriu*, *gėriau* — *girdyti* «поить», *girtauti* «пьянствовать», *gira* «квас», лтш. *dzert* «пить», *dzeru*, *dzėru*, *dzirdināt* «поить», *dzira* «напиток»; лит. *sveiti* «весить», *sveriu*, *sveriaũ* — *svirti* «наклоняться», *sviru*, *sviraũ*, лтш. *svėrt* «поднимать рычагом; взвешивать», *sveru*, *svėru* — *svirėt* «поднимать рычагом», *svirat* «множественно поднимать», *svira* «рычаг»; лит. *nėrti* «нырять, погружаться», *neriu*, *nėriau* — *nirti* «то же», *nyrũ* или *nirstu*, *niraũ*, лтш. *nėrt* «стягивать носок лаптя», *neru*, *nėru* — *nirt* «нырять», *nirstu* или *niru* (наст. вр.), *niru* (прош. вр.); лит. *gėlti* «болеть; жалить», *geliu*, *geliaũ* — *gilti* «то же», *gilstu* или *giliũ*, *giliaũ*, лтш. *dzelt* «жалить, кусать, обжигать», *dzeļu*, *dzėlu* — *dzilināt* «то же», ср. псл. *želėti* «жалеть» — *žilo* «жало», *žiljati* «жалить»; лит. *remti* «подпирать, поддерживать», *remiu*, *remiaũ* — *rimti* «утихать, переставать», *rimstu*, *rimaũ*, лтш. *rėmdėt* «успокаивать» — *rimt* «утихать, прекращаться», *rimstu*, *rimu*; лит. *tėmti* «темнеть», *tėmsta*, *tėmo*, *temà* «темнота» — лтш. *timt* «темнеть», *timst* «то же», ср. псл. *tьma*, лат. *tenebrae* (< **temaifra*) «темнота», *temere* «вслепую, наобум» и др. Эти факты свидетельствуют о широком распространении параллелизма огласовок *e : i* (в меньшей степени *o : u*) как обычного фонетического явления на ранних этапах развития балтийских и славянских языков.

Но случаи параллелизма *e : i*, *o : u* не ограничиваются глагольными

основами балто-славянских языков. Они имеют место и в других лексических основах балто-славянских, а также в морфологически различных основах остальных индоевропейских языков. В преобладающем большинстве этих случаев, как и в приведенных примерах из балто-славянских языков, гласные *i*, *u*, соответствующие гласным *e*, *o*, занимают положение перед сонорными *r*, *l*, *m*, *n* или после них.

Ср. примеры с сонантом *r*: псл. **bredti* «брести», *bredŋ* — **br̥ānŋti* (п. *brnāc* «брести, застревать», стсл. *непрѣбрѣдомъ*), лит. *brėdũ* (*brėndũ*) «бреду» — *bristi* «брести», *bridaũ*, *brĩdinti* «заставить бродить», лтш. *brĩedu* (<**brėndō*) «бреду» — *brist* «брести», *bridu*, *brĩdināt* «заставить брести»; псл. *гьси* — повелительное наклонение (2-е л. ед. ч.) от **rekti*, *rekŋ* «говорить»; лит. *drėbti* «бросить, шлепнуть», *drėbiũ*, *drėbiaũ* — *dribti* «падать, течь, шлепаться, размякать», *drimbũ*, *dribaũ*, лтш. *drėbt* «лепить» (о мокрой метели), *drėbju*, *drėbu*; гр. *κέρας* «рог», лат. *cerebrum* «мозг» — дринд. *śĩras-* «голова»; гр. *τέρμα* «конец, край, предел», лат. *termin* «то же», дринд. *tārati* «перевозит, переезжает, преодолевает, превосходит» — дринд. *tirāti* «то же», *tiraŋ* «через, сбоку»; гр. *ὀρέγνυμαι* «протягиваю, протираю» — *ὀρίγνυμαι* «устремляюсь»; *χεράννυμι* «вишу, вешаю» — *κρίννυμι* «то же»; *χεράννυμι* «смешиваю» — *κίρννυμι* «то же»; лат. *fermē* (<**ferimē*) «весьма часто» — *firmus* «крепкий, прочный»; *ferctum* «жертвенный пирог», *firctum* «то же»; *stercus* «навоз, помет» — диал. *stircus* «то же»; *εργεχ* «борона» — *irpex* «то же»; (*h*)*erneum* «пирог, испеченный в глиняной форме» — *hirnea* «кружка, пекарная форма», *hirnula* «кружечка»; алб. *riēð* (<**re-*) «теку, капаю» — лат. *rigo* «орошаю», а также гр. *χρόμαδος* «скрип, скрежет» — лит. *grumėnti* «глухо греметь»; гр. *βουρα* «муравей» — *μόρμηξ*, *βύρμαξ* «то же»; *ἀγορά* «собрание» — *ἄγορις* «собрание, толпа»; *ῥσφέω* «хлебаю» — *ρυφέω* «то же».

Примеры с сонантом *l*: псл. *tylo* «основание, дно», лит. *tĩlės* «настил в лодке» — лат. *tellũs* «земля», гр. *τήλια* «игральная доска», дринд. *ta lam* «плоскость»; псл. *želŋdŋ* «желудь» — лит. *gĩlė*, *gylė*, лтш. *zĩla*, прус. *gila* «то же»; гр. *πέλας* «близко, вблизи» — *πĩλναμαι* «приближаюсь»; *κελαϊνός* «черный» — *κιλλός* «серый»; *πελιός* «серый» — *πĩλνος* «то же»; *χέλλιοι* (эол.) «тысяча» — *χĩλιοι* «то же»; *λεχροί* «ветви оленьих рогов» — *λιχροί* «то же»; *λέχριος* «наклонный, косой» — *λιχριφίς* «в сторону, сбоку»; лат. *felix* «счастливей» — *filix* «то же»; *scabellum* «скамеечка» — *scabillum* «то же»; *paxellus* «колышек» — *paxillus* «то же»; *pistillum* «пестик» — *pistillum* «то же»; *mellum* «собачий ошейник с шипами» — *millus* «то же»; *vellus* «шерсть, ворс» — *villus* «то же»; *cēlo* «прячу» — *cilium* «веко»; гр. *μελίνη* «просо» — лат. *miliun* «то же»; лат. *lego* «собираю» — *lignun* «дерево, дрова»; гр. *πλέκω* «плету» — лат. *plico* «складываю, свертываю», а также псл. **kolti* «колоть», лит. *kālti* «ковать, долбить», лтш. *kālt* «ковать» — псл. *kьlь* «клык», лит. *kũlti* «молотить; бить, колотить», лтш. *kũlt* «то же»; псл. *loza* «лоза» — гр. *λόγος* «прут, лоза»; гр. *πόλις* «город» — дринд. *purĩh* «то же», *pũram* «вал, город»; лат. *folium* «лист» — гр. *φύλον* «то же»; лат. *tolo* «мелю» — гр. *μύλη* «мельница, жернова».

Примеры с сонантом *m*: псл. *mečь* — *mьčь* «меч»; дринд. *śāmyati* «трудится» — *śĩmyati* «то же»; дринд. *ambhas-* (<**embh-*) «вода», *ambu* «то же», гр. *ὄμβρος* «дождь, ливень» — лат. *imber* «дождь»; дринд. *lambatē* (<**lamb-*) «висит, опускается, падает» — лат. *limbus* «кайма, обшивка»; лат. *semel* «однажды, раз» — *simplex* «простой»; *nebula* «туман» — *nimbus* «облако, туман; буря, гроза; нимб»; *similis* «подобный», *simul*, *simitu* «одновременно» — др.-лат. *semol*, *semul* «то же»; *me* «меня» — *mihi* «мне», а также гр. *ὄνομα* «имя» — эол. дор. *ὄνομα* «то же»; *πρόμος* «передовой, первый» — *πρυμνός* «крайний»; *στόμα* «рот» — эол. *στόμα* «то же»; лат. *homo* «человек» —

humus «земля», *hūmānus* «человеческий»; возможно, также псл. **gomъ-ziti* «ползать, копошиться» — **gъmъziti* «то же»¹⁶.

Примеры с сонантом *n*: псл. *klenъ* : *kъnъ* «клен»; лит. *tevas* «тонкий, стройный», лат. *tenuis* «тонкий» — псл. *тъnъкъ* «то же»; гр. *πένομαι* «работаю» — псл. *ръно* «пну», *рѣти*, лит. *pinù*, *pinti* «плести»; лат. *menda* «телесный недостаток» — дринд. *minda* «то же»; гр. ἐν «в», прус., оск.-умбр., корн., брет. *en* — гр. *iv*, лат. *in* «то же»; гр. *στλεγγίς* «скребница» — *στλιγγίς* «то же»; -*ue* (местоименный компонент) — -*vi* «то же»; ст.-сл. *рАгнжти* (<**reng-*) «зять» — лат. *ringor* «открываю рот, скалю зубы»; гр. *τέγγω* «смачиваю, увлажняю» — лат. *ting(u)o* «то же; пропитываю»; гр. *πέντε* «пять», лит. *penki* — лат. *quinque* «то же»; гр. *νεβρός* «молодой олень» — лат. *nigrus* «черный»; лат. *penna* «перо» — *pinna* «то же»; *venustulus* «хорошенький, прелестный» — *vinnulus* «медоточивый, льстивый»; *mēns* «ум», *commentus* (причастие перфекта к *comminiscor* «вспоминаю»); *gingiva* «десна» — **geng-*, **gong-* «ком, комковатый», ср. гр. *γόγγρος* «нарост», *γογγρόνη* «припухлость на шее»; *sincērus* «чистый, настоящий» — *semel* «одновременно» (+*prō-cērus* «длинный, долгий»); *ne-* «не-» — *ni-* (*nikil*, *nimis*, *nisi*), а также псл. *goniti* «гнать», *ženo* — *гъnати* «то же»; псл. *nokъt* «ночь», лат. *nox* — гр. *νόξ* «то же»; псл. *noga* «нога», *nogъtъ* «ноготь» — гр. *ὄνοξ* «то же»; гот. *manags* «многий» — псл. *тъnogъ* «то же» и др.

Положение гласных *i*, *u*, этимологически соответствующих гласным *e*, *o*, в непосредственном соседстве с сонорными *r*, *l*, *m*, *n* настолько обычно, что это может вызвать мысль о какой-то причинной зависимости параллелизма *e* : *i*, *o* : *u* от сочетания данных гласных с сонорными. Во всяком случае, многие исследователи, отмечая *i*, *u* на месте *e*, *o* (или, как Г. Гюнтерт, только *u* на месте *o*), указывают при этом на сопровождение таких гласных сонорными¹⁷. Но вывод о какой-либо зависимости замены гласных *e*, *o* гласными *i*, *u* от соседства этих гласных с сонантами *r*, *l*, *m*, *n* не может быть признан правильным. В основе такого вывода лежит неточное представление об удельном весе сонорных согласных в звуковом составе общей совокупности корней индоевропейского праязыка. Частотность сонантов *r*, *l*, *m*, *n* в звуковом составе индоевропейских корней в данном случае явно преуменьшается. Она как бы принимается соответствующей тому месту, которое занимают четыре сонанта в общей системе индоевропейского консонантизма, состоявшей не менее чем из 22 согласных. При таком представлении наличие сонанта в составе корня воспринимается как некий довольно частный и специфический случай, способный своей специфичностью объяснить сопутствующие ему менее обычные фонетические явления в структуре корня, в том числе и замену гласных *e*, *o* гласными *i*, *u*. А между тем сонанты *r*, *l*, *m*, *n* по частоте встречаемости в составе индоевропейских корней намного превосходят все остальные согласные индоевропейского праязыка вместе взятые (в это соотношение не включены полугласные *j*, *u*, обнаруживающие тоже довольно большую частоту, и предполагаемые ларингальные). Если в роли второго согласного компонента корня 15 прорывных согласных и свистящий *s* в этимологическом словаре Ю. Покорного встречаются 405 раз¹⁸, то 4 со-

¹⁶ А. А. Потобня, К истории звуков русского языка, III. Этимологические и другие заметки, РФВ, III, 1880, стр. 164; F. B e z l a j, Etimološki slovar slovenskega jezika, I, Ljubljana, 1976, стр. 160.

¹⁷ Ср.: K. B r u g m a n n, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Straßburg, 1904, стр. 215—217; H. G ü n t e r t, Indogermanische Ablautprobleme, Straßburg, 1916, стр. 6, 20, 32; E. S c h w y z e r, Griechische Grammatik, I, München, 1939, стр. 352, и др.

¹⁸ В подсчетах могли быть допущены мелкие неточности.

нанта *r, l, m, n* в той же роли (не считая корней с начальными *r, l, m, n*) зафиксированы в общей сложности 781 раз, т. е. почти в 2 раза больше (из них *r* — 335 раз, *l* — 240 раз, *m* — 63 раза, *n* — 143 раза). Кроме этого, *r, l, m, n* в 325 корнях выполняют роль первого согласного компонента (*r* 49 раз, *l* — 92 раза, *m* — 139 раз, *n* — 45 раз). В целом сонанты *r, l, m, n* встречаются в 1106 корнях, между тем как без этих сонантов или полугласных *i, u* в начальной или второй позиции зафиксировано только 405 корней, т. е. в 2,7 раза меньше. Таким образом, соседство корневого гласного с одним из четырех сонантов *r, l, m, n*, предшествующих гласному или следующих за ним, является самой обычной для индоевропейского корня ситуацией, и поэтому нет никаких оснований усматривать какую-то особую внутреннюю зависимость замены гласных *e, o* гласными *i, u* от их соседства с одним из четырех сонантов. Такая замена часто имеет место рядом с сонантом только потому, что сами сонанты являются наиболее частыми компонентами индоевропейских корней.

Отсутствие внутренней зависимости замены гласных *e, o* гласными *i, u* от соседства с сонантами подтверждается тем, что такая замена имеет место и в корнях, содержащих одни только шумные согласные, причем частота случаев появления гласных *i, u* на месте *e, o* в таких позициях приблизительно соответствует частоте шумных согласных в роли компонентов индоевропейских корней. Ср. примеры на отдельные корни по различным индоевропейским языкам: ие. **i* — «он, тот» — **e* — «то же»; псл. *iz*(τ) «из», лит. *iš* (*iž*), лтш. *iz* — гр. ἔξ (*èx*), лат. *ex* «то же»; псл. *čtyre* «четыре», гр. πέντε — псл. *četyre*, гр. τέσσαρες, τέτταρες «то же»; псл. *čyso* «чего» — *čego* «то же»; *žyžlʹ* «палка» — *žezlʹ* «то же»; *vyčera* — *večera*; *ryci, tyci, žydzi* — повелительное наклонение (2-е л. ед. ч.) от **pekti, peko, *tekti, teko, *žegti, žygo* (*žego*); псл. **bzděti* «фистен», лит. *bizdelėti* (*bizderėti*) «немного пахнуть», *bizdžius* «Furzer, Stänker» — лит. *bezdėti* «furzen, fisten», лтш. *bezdet* «furzen»; вост.-лит. *gisti, gystù* (<*gistù*), *gisai* «гаснуть» — лит. *gèsti, gèstù, gesai* «то же», лтш. *dzist* «гаснуть», *dzižstu, dzisu* — *dzèst* или *džest* «гасить», *dzèšu* (*dzešu*), *dzèsu* (*dzesu*); лит. *kvipti* «пахнуть», *kvimprù, kviprai* — *kvèpti* «вдыхать», *kvèpiù, kvèpiai*, лтш. *kvèpt* «коптить, чадить», *kvepstu, kvepu*; лит. *kibti* «цепляться, хвататься», *kimbù, kibaù* — *kebėklis* «зацеп», *keblùs* «затруднительный»; лтш. *gist* «заметить, показаться», *giedu, gidu* — *gedèt* «вспомнить», лит. *pasigėsti* «спохватиться; заметить отсутствие»; лтш. *sikt* «исчезать, иссякать», *sikstu, siku, sikt, sieku* или *sik(st)u, siku* — лит. *sėkti* «убывать, мелеть; иссякать», *senkù, sekaù*; лит. *tižti* «размякать; размокать», *tižtù, tižai* — *tėžti* «становиться скользким, размякать, набрякать», *težtù, težai*; гр. -*di* (местоименный компонент) — *-de* «то же»; ἰδρῶ «усаживаю» — ἕδος «седалище»; ἰδρῖς «скопец» — ἕδρῖς «то же»; πίτυρι «распростираю» — πετάριον «то же»; σκιδνῆρι «рассеиваю, разгоняю» — σκεδάριον «то же»; διφθέρα «кожа, шкура» — δέφω «мну»; γῆριά «вчера» — γῆρες «то же»; ἰστῖη «домашний очаг» — ἕστια «то же»; гр. ἵππος «конь» — лат. *equus* «то же»; лат. *tibi* «тебе» — *te* «тебя»; *sibi* «себе» — *se* «себя»; *vitulus* «теленочек» — *vetus* «старый»; *dignus* «достойный» — *decet* «украшает, облакает»; *signum* «знак» — *secare* «сечь, вырезать, вырубать»; лтш. *stēga* «палка, жердь», лит. *stegeris* «сухой длинный стебель» — лат. *ignum* «балка, брус; строительный материал», а также псл. *zvati* «звать» — *zovō; kōgr̥da, tōgr̥da* — *kog̥da, tog̥da*; псл. **ūgnī* (ч. *vjheň*) «огонь», лит. *ugnīs*, лтш. *uguns* — псл. *ognь* «то же»; лат. *uterus* «живот», дринд. *udaram* — гр. ὄδρα «то же»; дринд. *gudāh* «кишка, anus» — др.-макед. γόα «кишки» и др.

Таким образом, факты показывают, что параллелизм гласных *e — i, o — u* в однокоренных словах индоевропейских языков не обусловлен никакими особенностями соседних согласных звуков, шумных или со-

норных. В связи с этим довольно близкой к истине следует признать точку зрения А. Лескина, считавшего, что *ь* в славянских языках (*i* в балтийских) является ступенью чередования к *e*, наиболее частой перед гетеросиллабическими *r*, *l*, *m*, *n*, но встречающейся также и в других условиях¹⁹. Только что приведенные примеры показывают, что такое понимание соответствующего явления могло бы быть распространено и на другие индоевропейские языки.

В некоторых индоевропейских языках раннеисторических периодов сохранились данные, свидетельствующие о более широком масштабе рассматриваемого параллелизма в доисторическом прошлом. Так, в древнегерманских языках параллелизм кратких гласных *e* — *i* был настолько обычным, что большинство исследователей склонно рассматривать оба звука в прагерманском в качестве вариантов одной фонемы²⁰. «Все это, — писал А. Мейе, — происходит примерно так, как если бы в общегерманском был один гласный, который в зависимости от данного случая становился бы *i* или *e*»²¹. Ряд фактов свидетельствует об исконной генетической связи герм. *u* с *a* (соответствующим лат., гр. *o*): дрисл. *tappa* «цедить, наливать» — норв. диал. *tuppa* «дергать, теревить», дрисл. *skaka* «трясти, размахивать» — срнн. *schuke* «качалка», дрисл. *skokka* (<**sku-*) «колебательное движение», дрвн. *scoc* «то же»; дрисл. *stafn* (<**stabna-*) «ствол» — дрисл., драгл. *stofn* (<**stubna-*) «то же»; дрисл. *des* «копна сена» — *dys* (<**dusia*) «куча камней» и др. В непосредственной связи с этим состоянием древнегерманского вокализма следует, по-видимому, рассматривать и особенность так называемых младших рун, в которых имелось только по одному общему знаку для *i* и *e* (а также *æ*, *ø*, *y*, *j*, *æj*) как, впрочем, и для *u* и *o* (а также *y*, *ø*, *w*, *au*)²².

Несомненным отражением параллелизма *e* и *i* в хеттском языке является неразличение на письме этих двух гласных в одной части клинописных слоговых знаков (*ri*, *li*, *iz* и др.) и колебания в употреблении другой части знаков то с *e*, то с *i* (*e*, *me*, *ne*, *el*, *eš* — *i*, *mi*, *ni*, *il*, *iš*) при написании одних и тех же слов²³. Соотношение гласных *u* и *a* (= лат., гр. *o*) в хеттском языке остается неясным из-за недостатка соответствующих письменных данных.

Многие случаи замены не. *e* гласным *i* и не. *o* гласным *u* издавна констатируются в латинском языке²⁴; широко представлена такая замена в кельтских и в армянских языках²⁵.

¹⁹ А. Л е с к и н, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg, 1909, стр. 8.

²⁰ См.: «Сравнительная грамматика германских языков», II, Фонология, М., 1962, стр. 91—92 и др. Там же дополнительная литература вопроса.

²¹ А. М е й е, Основные особенности германской группы языков, М., 1952, стр. 55.

²² См.: М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й. История скандинавских языков, М.—Л., 1953, стр. 37 и др. Наличие отдельных знаков для *e*, *i*, *o*, *u* в так называемых старших рунах, возникших под влиянием письменности одного из южноевропейских языков, вовсе не обязательно должно рассматриваться как более точное отражение свойств древнегерманского вокализма.

²³ См. И. Ф р и д р и х, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, стр. 45—46; Е. Н. S t u r t e v a n t, Did Hittite have phonemes *e* and *o*?, «Language», XVIII, 3, 1942, стр. 181—185.

²⁴ М. N i e d e r m a n n, *e* und *i* im Lateinischen. Ein Beitrag zur Geschichte des lateinischen Vokalismus, Darmstadt, 1897; W. M e y e r - L ü b k e, Über *o* und *u* im Lateinischen, «Philologische Abhandlungen H. Schweizer-Sidler... gewidmet...», Zürich, 1895; F. S o m m e r, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, 2. und 3. Aufl., Heidelberg, 1914, стр. 56—58, 64—67 и др.

²⁵ Г. Л ь ю и с, Х. П е д е р с е н, Краткая сравнительная грамматика кельтских языков, М., 1954, стр. 26—28; Н. Н ü b s c h m a n n, Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, KZ, XXIII, Berlin, 1876, стр. 32; J. S c h r i j n e n, Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft, Heidelberg, 1921, стр. 244.

Общеиндоевропейский характер имеет практически до сих пор не объясненный параллелизм *e* — *i* в индоевропейском глагольном удвоении типа гр. γέγονα «я родился» (перф.) — γίγνομαι «рождаюсь» и др. (см. ниже).

III. Чаще всего гласные *i*, *u* в случаях их этимологического параллелизма с *e*, *o* квалифицируются как результаты ослабления или редукции первоначальных индоевропейских гласных *e*, *o*²⁶. При этом предполагается, что *e*, *o* изменились соответственно в *i*, *u* в безударной позиции. Но вероятность такого предположения слишком мала, поскольку одновременно с этим допускается также редукция *e*, *o* в *a* или сохранение гласных *e*, *o* в безударной позиции без изменений, а при объяснении качественного чередования *e* : *o* принимается, что безударное (редуцированное) *e* изменилось в *o*²⁷. Предположению о позиционном изменении индоевропейских безударных *o*, *e* в *u*, *i*, по-видимому, противоречит соотношение ударного *u* (*i*) и безударного *a* (= *o*) в окончании именных основ литовского языка, отражающего обычно наиболее архаические состояния огласовки (хотя размещение ударения здесь может быть и не первичным). Ср. лит. *ingas* «ленивый» — *angùs* «то же», *āklas* «слепой» — *akis* «глаз», *aidas* «эх» — *aidlūs* «громко звучащий», *akstinas* «шип» — *akstis* «вертел», *āpstas* «изобилие» — *apstūs* «обильный», *artimas* «близкий» — *artūs* «то же», *arti* «близко», *ōtas* «морская камбала» — *atīs* «то же» и мн. др. Аналогичное распределение ударения и огласовок отмечается и в древнеиндийском (ср. *ūrah* «грудь» — *urūh* «широкий»; *āmah* «этот» — *amū-* «тот»; *āmhaḥ* «страх, угнетенность» — *amhūh* «тесный»; *āryah* «хозяин дома» — *arih* «чужеземец, чужой»; образования типа *agnīh* «огонь», *atasih* «нищий», *aratnīh* «локоть», *alīh* «пчела», *asīh* «меч» и др.), однако здесь распределение ударения и огласовок *a* — *u*, *i* имеет более свободный характер, чем в литовском.

По мнению ряда крупных исследователей, *i*, *u*, находящиеся в отношении параллелизма с однокоренными *e*, *o*, являются рефлексамии особого индоевропейского гласного, возникшего якобы в результате редукции кратких гласных *e*, *o*, *a*. Этот особый индоевропейский гласный (иногда представляемый в виде трех разных вариантов кратких гласных — *e*, *o*, *a*) определяется просто как ступень редукции кратких гласных (Г. Хирт, А. Мейе, Г. Гюнтер) или как слоговая иррациональная гласная (Ф. Ф. Фортунатов) и обозначается по-разному — то при помощи знаков *ь* и *ъ*²⁸, то в виде *o*²⁹, то греческой буквой α ³⁰, то знаком *ə*, означающим в данном случае так называемое шва индоевропейское второе (*schwa indogermanicum secundum*)³¹. Эта наиболее распространенная попытка объяснения параллелизма *e* — *i*, *o* — *u* в однокоренных словах при ближайшем рассмотрении оказывается лишенной какой-либо основы в реальных фактах языка. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в этой ги-

²⁶ P. K r e t s c h m e r, Indogermanische Akzent- und Lautstudien, KZ, XXXI, 3, 1894, стр. 375—380; J. S c h r i j n e n, указ. соч., стр. 242; W. V o n d r á k, Vergleichende slavische Grammatik, I, 2-te Aufl., Göttingen, 1924, стр. 60—62; J. O t r e b s k i, Gramatyka języka litewskiego, II, Warszawa, 1965, стр. 314—319, 320; С. Б. Б е р н ш т е й н, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Чередования. Именные основы, М., 1974, стр. 33—38, и др.

²⁷ Ср.: J. K u r y ł o w i c z, L'apophonie en indo-européen, стр. 36—41; O. S z e m e r é n y i, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 112—113, и др.

²⁸ Н. Н и р т, Indogermanische Grammatik, II — Der indogermanische Vokalismus, Heidelberg, 1921, стр. 78—79 и сл.

²⁹ А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 126—127.

³⁰ Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, Избранные труды, I, М., 1956, стр. 235 и сл.

³¹ Н. Г ü n t e r t, указ. соч.

ипотезе гласные полного образования *i*, *u* должны мыслиться не как прямые рефлексы древнего редуцированного гласного, в обычных условиях нигде не сохранившегося, а как результаты его вторичного усиления под влиянием какого-либо изменения просодических условий его произношения (например, вследствие перехода на него ударения или образования при исчезновении редуцированного гласного неудобопроизносимой группы согласных). Но поскольку предполагается, что такой особый индоевропейский гласный на ступени редукции, т. е. в безударном слоге, возникал в условиях подвижного ударения, он не мог не осознаваться всего лишь как безударный вариант тех гласных, которые произносились в соответствующих морфемах под ударением. Поэтому во всех случаях вторичного усиления такого редуцированного гласного он должен был приобретать звучание того самого гласного полного образования (*e*, *o* или *a*), редуцированной ступенью которого он якобы являлся³². В тех относительно редких случаях, когда вариант основы с гласным полного образования, соответствующий данному варианту с редуцированным гласным, мог оказаться полностью утраченным или же перестать осознаваться как этимологически связанный с данным редуцированным вариантом, редуцированный гласный в условиях, требовавших его усиления, должен был приобретать звучание одного из тех же трех гласных *e*, *o*, или *a* по аналогии к остальным случаям. Поэтому на месте этимологических гласных *e*, *o*, *a*, подвергшихся редукции, никакого другого гласного, кроме тех же *e*, *o*, *a*, появиться не могло (о ступени редукции гласных *i*, *u*, которая могла бы вторично давать гласные полного образования *i*, *u*, в рассматриваемой гипотезе ничего не говорится). Гипотеза о возникновении *i*, *u* в результате редукции гласных *e*, *o*, *a* не находит фактических подтверждений и в каких-либо смежных явлениях, причинно связанных с возникновением *i*, *u* в индоевропейских языках³³.

Массовый характер фактов параллелизма *e* — *i*, *o* — *u*, наличие их в различных индоевропейских языках, сохранивших в той или иной степени древнейшие соотношения в области кратких гласных, заставляют отнести этот параллелизм к числу наиболее древних, собственно первоначальных явлений индоевропейского вокализма. В качестве единственного и наиболее естественного объяснения этого параллелизма может быть выдвинуто положение о первоначальной генетической связи между *e* и *i* и между *o* и *u*. Всестороннее рассмотрение соответствующих данных приводит к заключению, что члены каждой из этих двух пар гласных имеют общее происхождение, различающееся лишь некоторыми дополнительными условиями.

IV. Приступая к раскрытию происхождения *e* и *i*, с одной стороны, и *o* и *u*, — с другой, следует прежде всего подчеркнуть, что уже сама постановка вопроса о происхождении качественных различий гласных предполагает мысль о первоначальном отсутствии таких различий на ранних этапах развития языка. Некоторые авторы, ссылаясь на то, что в настоящее время якобы неизвестен ни один язык, который не обнаруживал бы

³² Ср. близкую точку зрения К. Бругмана (K. Brugmann, указ. соч., стр. 141).

³³ Положение о соответствии гр. *i*, балтосл. *i* (якобы возникших из редуцированного *e*) латинскому *a* опровергается П. Перссоном (P. Persson, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Uppsala—Leipzig, 1912, стр. 145—152). Ср. также: Fr. Edgerton, Sievers's law and IE. weak-grade vocalism, «Language», X, 3, 1934, стр. 245—246, 263—265; W. Petersen, The evidence of schwa secundum in Latin and Greek, «Language», XIV, 1, 1938, стр. 39—59; Т. В. Гамкрелидзе, указ. соч., стр. 22. По мнению У. П. Лемана, рефлексом предполагаемого ие. *e* в греческом и в большинстве других индоевропейских языков, является *a*, между тем как рефлексацию *e* в виде *i* он приписывает индоиранским языкам (W. P. Lehmann, указ. соч., стр. 96—98).

качественных различий гласных, и отрицая утверждаемое другими авторами наличие такого состояния в отдельных языках (например, в кабардинском³⁴), а также исходя из чисто умозрительных теоретико-фонологических построений, считают состояние языка без качественно различающихся гласных невозможным³⁵. Таким образом, эти авторы пытаются перенести на доисторические этапы формирования систем вокализма данные, характеризующие языки с уже сформировавшимся вокализмом. Ясно, что такой подход логически несостоятелен³⁶. Факты индоевропейских языков, поддающиеся сопоставлению и обобщению, подтверждают положение о том, что на первоначальном этапе развития индоевропейского праязыка имелись одни только согласные фонемы — шумные и сонорные, произношение которых сопровождалось качественно неопределенным гласным призвуком (а), лишенным какой-либо самостоятельной фонологической функции³⁷.

Каждая согласная фонема, сопровождаемая неопределенным гласным призвуком, составляла вместе с ним в потоке речи отдельный слог (рл, ѝл, гл, тл, нл, ѝл, цл и т. д.)³⁸. Поскольку каждый такой звуковой компонент представлял собой нерасчлененное сочетание единиц двух разных фонетических уровней — фонемы и слога, он может быть назван силлабофонемой. Фонологическое качество силлабофонемы определялось исключительно образующим его согласным звуком, между тем как конкретное звучание неопределенного гласного призвука, не обладавшее фонематической значимостью, могло приобретать различные оттенки в зависимости от качества сопровождаемого им согласного. В частности, неопределенный гласный призвук, сопровождавший сонант *ɨ*, наиболее естественно должен был звучать как некий закрытый гласный переднего ряда, близкий к современному *i*, а призвук, сопровождавший сонант *ɥ*, — как закрытый гласный заднего ряда, близкий к *u*. В остальных позиционных условиях неопределенный гласный призвук мог проявляться как нечто среднее между *a*, *e* и *o* с преобладанием того или другого из этих оттенков в зависимости от конкретных условий.

³⁴ А. Н. К u i p e r s, Phoneme and morpheme in Kabardian, 's Gravenhage, 1960, стр. 22—23.

³⁵ В. J a k o b s o n, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Proceedings of the VIII International congress of linguists», стр. 23; О. S z e m e g é n y i, указ. соч., стр. 106, 130.

³⁶ Ср. И. М. Т р о н с к и й, Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции), Л., 1967, стр. 45—47.

³⁷ Аналогичная точка зрения выдвигалась уже многими исследователями. Ср.: Н. P e d e r s e n, Linguistic science in XIX century, Cambridge, 1931, стр. 289—290; J. v a n G i n n e k e n, Ein neuer Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen, TCLP, 8, 1939; С. Н. B o r g s t r ø m, Thoughts about IE. vowel-gradation, NTS, XV, 1949, стр. 137—187; е г о ж е, Tonkawa and Indo-European vowel-gradation, NTS, XVII, 1954, стр. 119—128; С. Д. К а ц е л ь с о н, К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы, ВЯ, 1958, 3, стр. 46—49, 53—55; Т. В. Г а м к р е л и д з е, указ. соч., стр. 24; В. В. И в а н о в, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965, стр. 19—20; R. S c h m i t t - B r a n d t, Die Entwicklung des indogermanischen Vokalismus, Heidelberg, 1967, стр. 92—94, и др. О подобных соотношениях в вокализме некоторых других языков мира см.: Л. В. Щ е р б а, О «диффузных звуках», сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 451—453; Н. Я к о в л е в, Д. А ш х а м а ф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941, стр. 427; Н. Ф. Я к о в л е в, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.—Л., 1948, стр. 318—323, 336, 339—340, 343—344.

³⁸ О возможности подобного состояния праязыка, но, кажется, уже при наличии качественно определенных гласных фонем говорится в статье: А. А. В и е л е с к и ј, Akzentologische Voraussetzungen der Theorie der indoeuropäischen Wurzeln, сб. «Aktuelle Probleme der gegenwärtigen Germanistik», Kiew, 1975, стр. 19.

Совокупность рассматриваемых в настоящей статье данных говорит о том, что фонологическая система, не знавшая качественно различающихся гласных фонем, сохранялась в индоевропейском праязыке довольно долго, вплоть до образования из силлабофоном первоначальных многосложных слов типа *raṭa*, *maṭṭaṭa* и т. п. Учитывая сравнительную немногочисленность первоначальных согласных силлабофоном, следует предположить, что каждая из них обладала высокой степенью частотности в речи. Известно, что к числу наиболее активных элементов звукового состава на всех этапах развития индоевропейских языков принадлежали сонанты *ɨ* и *ʉ*. Нет оснований сомневаться в том, что такими они были и в раннеиндоевропейский период. Поэтому особенно частыми в раннеиндоевропейских словах должны были быть сочетания слогов типа *taṭa*, *taṭa* (где буква *t* обозначает любой согласный — шумный или сонорный).

Присоединяясь к предыдущей силлабофонеме, сонант *ɨ* или *ʉ* попадал в окружение двух неопределенных гласных призвуков — принадлежащего предыдущей силлабофонеме и своего собственного. Как показывают факты ряда языков (например, греческого, латинского, частично славянских, готского), сонанты *ɨ* и *ʉ* в положении между двумя гласными обнаруживают склонность к исчезновению, в результате которого два смежных с ними гласных вступают в непосредственный контакт и затем сливаются, превращаясь в новую качественно определенную фонему. Именно такой процесс исчезновения сонантов *ɨ* и *ʉ* между гласными призвуками, происходивший в конце раннеиндоевропейского периода, и привел к образованию четырех гласных фонем *e*, *i*, *o*, *u* сразу: в зависимости от акцентуационных условий (о которых см. ниже) первоначальное сочетание сонанта *ɨ* с двумя неопределенными гласными призвуками — *ɨa* — превращалось в *e* или в *i*, а сочетание сонанта *ʉ* с гласными призвуками — *ʉa* — в *o* или в *u*.

Таким образом, не связанным с изменением сонантов *ɨ*, *ʉ* остается возникновение только одного из пяти индоевропейских кратких гласных — гласного *a*. Это единственный гласный, качество которого может быть признано обусловленным с самого начала воздействием одного или двух древнейших ларингалов, исчезнувших еще до распада индоевропейской языковой общности и поэтому уже не отраженных в памятниках хеттской письменности. Учитывая, что в хеттских памятниках отражены ларингальные *x* (глухой щелевой, обозначаемый клинописными знаками для слогов с *h*) и ' (взрывной, артикулированный как гортанная смычка и обозначаемый двойным или тройным написанием знаков для гласных, например, *da-a-i* «берет»), следует предположить, что в раннеиндоевропейском существовал еще один, менее стойкий ларингальный типа украинского или чешского фарингального *h* (а возможно, и два таких ларингальных — глухой и звонкий). Находясь в положении между двумя неопределенными гласными призвуками, слабо артикулируемый ларингальный *h*, обуславливавший произношение следовавшего за ним (а частично и предшествовавшего ему, кроме *ɨa*, *ʉa*) гласного призвука как открытого гласного заднего ряда, постепенно прекратил свое существование, в результате чего два смежных с ним призвука слились в один новый фонологически определенный гласный *a*³⁹ (но сочетания *ɨh*, *ʉh* должны были превратиться в *ɨi*, *ʉu*). Такое понимание роли ларингального в развитии качественно определенной гласной фонемы избавляет языковеда от необходимости рассматривать лишенный объективной почвы и в принципе

³⁹ Мысль о том, что после выпадения ларингального в слове сохранялся сопровождавший его неопределенный гласный призвук, высказывалась и раньше. Ср.: J. K u r y ł o w i c z, Les effets du *ə* en indo-iranien, «Prace filologiczne», XI, 1927, стр. 233 и др.

неразрешимый вопрос о том, каким образом ларингальный согласный мог приобретать характер гласного⁴⁰.

Образование гласного *a* из первоначального звукосочетания *h̥h* могло произойти еще до начала формирования гласных *e/i* и *o/u*. Таким образом, гласный *a* явился первой качественно определенной гласной фонемой раннеиндоевропейского праязыка, отличавшейся от нефонематического гласного призвука, по-прежнему сопровождавшего произношение согласных фонем во всех остальных случаях. Если теперь принять длительность звучания каждой первоначальной силлабофонемы за одну мору, то образовавшийся новый слог с гласным *a* представлял собой долготу в две моры. Совершенно аналогичное этому состояние вокализма в настоящее время прослеживается в кабардинском языке. «В исконном материале, — говорится в одном из описаний этого языка, — встречаются преимущественно гласные *a* (так называемое „долгое“), *э*, *ы* (так называемые „краткие“). Эти гласные в сочетании с полугласными (*й*, *у*) образуют все остальные гласные»⁴¹ (имеются в виду, в частности, гласные *e*, *и*, *о*, *у*).

Рассмотренное выше формирование гласных *e/i*, *o/u* в раннеиндоевропейском языке происходило уже после того, как гласный *a* закрепился в качестве особой и пока что единственной гласной фонемы. К завершению процесса образования гласных *e/i*, *o/u* в индоевропейском появилась уже определенная диалектная разобщенность. В различных территориальных частях индоевропейского праязыка соотношения между вновь образующимся гласным на месте первоначального звукосочетания *h̥h* (> *o*) и имевшимся уже гласным *a* сложились неодинаково. В одной диалектной области (легшей в основу греческого, италийских, кельтских, армянского и, возможно, других языков) этот новый гласный занял особое место в складывавшейся системе вокализма в качестве фонемы *o*, отличной от фонемы *a* и соотносительной по происхождению с *и*; в другой диалектной области (послужившей, в частности, основой для развития германских, балтийских, славянских и, вероятно, индоиранских языков) новый фонематический рефлекс первоначального звукосочетания *h̥h* совпал с наличествовавшей уже фонемой *a*, причем дальнейшее развитие возникшей таким образом генетически сложной гласной фонемы, лишь частично соотносившейся по происхождению с фонемой *и*, пошло различными путями: в славянских языках — в направлении лабиализованного *o*, в остальных — в направлении нелабиализованного *a*.

Более сильно артикулируемые индоевропейские ларингальные *x* и *'* оставались некоторое время в произношении и после образования гласных *e/i*, *o/u* и были унаследованы всеми индоевропейскими языками из праиндоевропейского после его распада. В хеттском языке они сохранились до периода их письменной фиксации в виде иероглифических знаков звуковых комплексов с согласным *h* или удвоенных (утроенных) написаний знаков 'одних и тех же гласных в случаях со взрывным ларингальным'. Эти ларингальные могли занимать положения как после любой фонологически определенной гласной — *a*, *o*, *и*, *e*, *i*, так и после согласных, сопровождаемых фонологически неопределенным гласным призвуком, который на более поздних этапах мог уже в части случаев исчезать. Сами ларингальные *x* и *'*, в свою очередь, могли сопровождаться либо фонологически определенными гласными (*xa*, *xe*, *xi*, *'a*, *'e*, *'i* и т. д.), либо

⁴⁰ Ср. A. R. Keiler, A phonological study of the Indo-European laryngeals, The Hague — Paris, 1970, стр. 6, 83—84; W. F. Wyatt, Structural linguistics and the laryngeal theory, «Language», XL, 1964, стр. 148, и др.

⁴¹ А. К. Шагиров, Кабардинский язык, в кн.: «Языки народов СССР», 4, М., 1967, стр. 166.

неопределенным гласным призвуком ($x\lambda$, $'\lambda$), который тоже в части случаев мог исчезать. С течением времени артикуляция ларингальных x и $'$ постепенно ослабла, и они, подобно исчезнувшему в раннеиндоевропейский период ларингальному h , также прекратили свое существование — в одних индоевропейских языках раньше, в других позже. При этом, исчезая в положении после фонологически определенного гласного, ларингальные x и $'$ предоставляли этим гласным возможность слияния с сопровождавшим ларингальным другим определенным гласным или неопределенным призвуком, что вело к образованию долгих гласных или дифтонгов (axa , $a'a$, $ax\lambda$, $a'\lambda$, как и λxa , $\lambda'a$, $>\bar{a}$; eXe , $e'e$, $eX\lambda$, $e'\lambda$, λXe , $\lambda'e > \bar{e}$; axi , $a'i > ai$ и т. д.). Если же ларингальный оказывался в позиции между двумя неопределенными гласными призвуками, то звукосочетания $\lambda x\lambda$, $\lambda'\lambda$, как и более древнее звукосочетание $\lambda h\lambda$, после исчезновения ларингальных x , $'$ в большинстве индоевропейских языков превращались в a , совпадавшее с имевшимся уже a из $\lambda h\lambda$ (и, в части языков, из $\lambda \underline{h}\lambda$). Однако в индоиранских языках, где к этому времени с гласным a (= лат. гр. a , o) совпал гласный e , сфера функционирования фонемы a по сравнению с i и u стала настолько обширной, что дальнейшее увеличение ее за счет рефлексов $\lambda x\lambda$, $\lambda'\lambda$ оказалось невозможным. Поэтому в индоиранском рефлекс $\lambda x\lambda$, $\lambda'\lambda$, возможно, продержавшись некоторое время в качестве особой гласной фонемы типа \bar{y} (1), впоследствии совпал с гласным i ($<\lambda \bar{y}\lambda$): ср. гр. $\delta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, дринд. *duhitār-* из **dhugλ'λter-*. Таким образом, гласный звук, который принято называть «шва индоевропейским» (ə), не является результатом редукции каких-либо других гласных — долгих или (как считал, в частности, Г. Гюнтерт) также кратких ⁴², а представляет собой такой же результат слияния двух неопределенных гласных после выпадения производившихся между ними ларингальных x или $'$, как и обычное a более раннего происхождения, возникшее после выпадения ларингального h .

В ряде индоевропейских языков (в частности, в славянских, балтийских, германских) неопределенный гласный призвук, предшествовавший ларингальным x , $'$, редуцировался, по-видимому, уже перед исчезновением этих ларингальных. Поэтому исчезновение ларингальных x , $'$ не привело здесь к образованию нового гласного (ср. прагерм. **duhter* $<$ $< *duktēr$, лит. *duktė*, псл. **dъkti* из **dhugλ'λter-* $<$ **dhugλ'λter-*).

(Окончание следует)

⁴² Н. Г ü n t e r t, указ. соч., стр. 14—18.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

АХМАНОВА О. С., МИНАЕВА Л. В.

ЕЩЕ РАЗ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
«ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ»

В 1978 г. издательство «Прогресс» выпустило в свет в русском переводе книгу Дж. Лайонза «Введение в теоретическую лингвистику». Она привлекла наше внимание по целому ряду причин. Прежде всего вызывает недоумение сам факт появления ее на русском языке. Ведь книга Дж. Лайонза в оригинале (на английском языке) была опубликована еще в 1968 г., т. е. в период расцвета так называемой «генеративной» грамматики¹. В то время с особенной настойчивостью восхвалялась новейшая «лингвистическая теория», которая в образе хомскианской доктрины, наконец, спустилась на землю из заоблачных высот чистого, трансцендентного дедуктивизма для того, чтобы совершенно освободить языкознание от соприкосновения с фактами конкретных языков и забот о методах их изучения. Почему же эта книга оказалась выпущенной у нас многотысячным тиражом теперь, когда несостоятельность «генеративной» грамматики все более и более определенно и наглядно раскрывается в огромном количестве разнообразных, насыщенных фактами и в высшей степени компетентных публикаций?

Посмотрим, о чем же должны узнать тысячи советских читателей. Понятно, что прежде всего каждый захочет узнать, что такое «теоретическая лингвистика», в которую его «вводит» издательство «Прогресс». На этот вопрос советский читатель ответа не найдет. Сам же Дж. Лайонз (стр. 21)² ограничивается следующим «пояснением», совершенно непонятным как на русском, так и на английском языке, т. е. как в переводе, так и в оригинале. Лингвистика (linguistics) определяется как «научное исследование языка». Путем сложения элементов получается, что «теоретическая лингвистика» — это «теоретическое научное исследование языка» (sic!). Как же следует понимать различия между «теоретическим научным исследованием языка» и «не теоретическим»? Как будет показано ниже, ответ на этот, казалось бы, неразрешимый вопрос очень прост: книга Дж. Лайонза является не введением в какую-то загадочную «теоретическую лингвистику», а последовательным обоснованием генеративной трансформационной лингвистики Хомского, написанным в духе периода «расцвета» этой последней. Весь смысл и все содержание работы заключается в том, чтобы показать, каким образом американская лингвистика (понимаемая Лайонзом как «языкознание вообще») постепенно преодолевала свои «традиционные» узы и, слегка задев

¹ Хотя на титульном листе и стоит цифра «1972», это не меняет положения, так как никаким изменениям текст книги с 1968 г. не подвергался.

² Ссылки на страницы даны по русскому тексту.

на пути структурное языкознание XX в. (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Л. Блумфилд и др.), наконец вступила в светлую эру модной и всеобъясняющей генеративно-трансформационной модели.

Итак, Дж. Лайонз начинает с «традиционной лингвистики». Это — «традиция лингвистического исследования, которая зародилась в Древней Греции, была продолжена в Риме и средневековой Европе и перенесена на новые языки в эпоху Возрождения и в последующий период» (стр. 37). Она исходила из того, что «предложения состоят из слов, а слова — из „звуков“» (стр. 114), и именно слово и предложение являются основными единицами лингвистического описания (стр. 182). В «традиционной» же грамматике была разработана теория частей речи (стр. 159) и введено понятие «категории» (стр. 286). Для их развития весьма существенным оказалось определенное еще аристотелевской философией противопоставление «материи» и «формы» (стр. 287). Таким образом, был сделан вывод, что «лексические единицы обладают как „лексическим“ („вещественным“), так и „грамматическим“ („формальным“) значением» (стр. 462).

Хотя Дж. Лайонз все время говорит о «лингвистике» в о о б щ е, он ни одним словом ни упоминает о языкознании так называемой «Восточной Европы». Это неизбежно приводит его к однобокости изложения и даже прямому искажению подлинного положения дел³. Конечно, и он признает, что в Европе языкознание имело определенные успехи. «Традиционная» лингвистика разработала основные категории языкознания. Нельзя также совсем сбросить со счетов достижения фонологии XX в., забыть о семиологической теории Ф. де Соссюра и открытиях других великих «таксономистов». Однако все это фигурирует в книге только как своего рода фон, предыстория, изложение которой позволяет яснее и ярче раскрыть сущность хомскианской «революции», ввести читателя в царство подлинной «лингвистической теории» (или «теоретической лингвистики»).

Однако великие откровения «теоретической лингвистики» тщательно (чтобы не сказать «кабалистически») зашифрованы в невиданной доселе «формализации описания». Понять эту премудрость неискушенному языковеду совсем не просто. Дж. Лайонз вполне отдает себе в этом отчет и сам выражает беспокойство по поводу того, как читатели смогут работать с его книгой (стр. 19). Ведь от них же потребуются особое умственное усилие, чтобы разобратся в символах и формулах «современной лингвистики» (читай «генеративной грамматики»), которая опирается «как на традиционный гуманитарный подход к языку, так и на выработанный относительно недавно точный подход, обусловленный успехами формальной логики, вычислительной математики и теории автоматов» (стр. 19). Однако пусть читатель «не падает духом» и не жалеет себя в своем стремлении к высокой цели.

Начав с «традиционной» лингвистики и лишь коснувшись сравнительно-исторического языкознания, Дж. Лайонз переходит к краткой характеристике еще одного понятия — «современной лингвистики» (кроме «традиционной» и «теоретической», есть, оказывается, еще и «современная лингвистика»). «Современная лингвистика» утвердила первичность устной формы языка, отказалась от норм и предписаний классической грамматики, проявила интерес ко всем языкам и установила приоритет их синхронического описания. Понимая «структурализм» как направление, которое изучает язык с точки зрения систем отношений, существующих между его элементами» (стр. 67), Дж. Лайонз подходит к понятию «структуры

³ В середине шестидесятых годов Дж. Лайонз всецело ориентировался на американскую лингвистику. Эта позиция несколько изменилась в его последней книге «Semantics», I—II, Cambridge, 1977, где принимается во внимание также и британское языкознание.

языка» (глава 2), для разъяснения которого ему и потребовалось перечисление основных категорий языкознания. Следует подчеркнуть, что хотя об этом специально в книге не говорится, из всего характера изложения можно заключить, что эти «категории» не поддаются точному распределению между «традиционной» и «структурной» лингвистиками. И там и здесь это «звуки» и «слова», двойная артикуляция (*double articulation*), грамматика и семантика, форма и субстанция (выражение и содержание).

Разграничение субстанции и формы важно для Дж. Лайонза потому, что оно все ближе подводит его к конечной цели всего изложения: «В лингвистике, как и в других науках, абстрактная теория и ее практическое применение идут рука об руку; однако теория предшествует практическому применению и оценивается независимо, способствуя более глубокому пониманию предмета своего исследования» (стр. 86). «Теория», таким образом, выдвигается на передний план.

Этот вывод является своеобразной подготовкой к разъяснению ф о р м а л ь н о й лингвистики (еще одна разновидность: «традиционная», «современная», «теоретическая» и «формальная») в ее господствовавшем тогда варианте — теории Хомского. Здесь нам необходимо сделать некоторое отступление, поскольку «формальное» языкознание, т. е. дедуктивно-логистические рассуждения «генеративной» грамматики, нельзя смешивать со структурным языкознанием, сложной и разветвленной совокупностью различных систем, которым в советском языкознании посвящены многие исследования. При этом у нас обычно выделяются следующие направления в лингвистическом структурализме: американская дескриптивная лингвистика, копенгагенский структурализм и пражская лингвистическая школа, которая может быть определена как функционально-структурная (к ней примыкает функциональная школа А. Мартине) и жевская школа Ф. де Соссюра. Эти направления следует принципиально отличать от формализма и «логицизма» теории Хомского. Тем более, что для Хомского и его последователей представители в с е х этих направлений — просто несчастные «таксономисты», сводящие свою науку к кропотливому изучению фактов и неспособные воспарить к высотам подлинной «лингвистической теории», строящейся на основе формальной математической (теоретической) логики⁴.

Все последующие главы строятся по одному и тому же плану: наблюдения, сделанные «традиционной лингвистикой» (они якобы не дают нам возможности проникнуть в сущность языковых процессов), завершающиеся описанием «гениальных» открытий «генеративной» грамматики. Исключением является только третья глава («Звуки языка»), что, по-видимому, объясняется отсутствием у Хомского сенсационных открытий в этой области, — конечно, если не считать «открытием» отказ от фонологии и подмену семиологически релевантных оппозиций своеобразным вариантом «морфонологии», ориентированной на систему более или менее механических правил (стр. 132). Наиболее же отчетливо замысел Дж. Лайонза —

⁴ В этой связи небезынтересно привести следующую выдержку из «Исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева: «В ученом отношении Беккер не умел определить настоящих границ между грамматикой и логикой, по той причине, что, не имея достаточного запаса исторических сведений в языках, он нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке, с пути, предначертанного В. Гумбольдтом, и принял ложное направление старинных, так называемых, *общих грамматик*, имевших целью решение весьма странной задачи оправдать язык логически, то есть доказать, что параграфы схоластической логики удобно применяются к грамматическим фактам» (Ф. И. Буслаев, *Историческая грамматика русского языка*, М., 1959, стр. 572; разрядка в конце цитаты наша. — А. О., М. Л.).

показать величие теории Хомского — раскрывается в главах, посвященных «грамматике» (главы 4—8).

Лайонз начинает с противопоставления «формального» «понятийному» (notional) как основы для противопоставления традиционной и современной лингвистик (стр. 147). В свою очередь термин «формальный» (formal) употребляется Дж. Лайонзом в двух значениях: 1) «как эквивалент „формализованного“ или „эксплицитного“ в противоположность „неформальному“ или „интуитивному“» (чуть ниже Лайонз указывает, что в том же смысле этот термин употребляется и Хомским) и 2) «в противоположность „понятийному“» в том смысле, в котором этот термин употреблялся Есперсеном (стр. 149). Работы О. Есперсена, однако, не занимают существенного места в изложении грамматических теорий; правда, в отличие от других крупных ученых, он упоминается не в уничижительном тоне. Основной же фигурой этих глав является Н. Хомский, чья теория выступает как образец «формальной грамматики» (стр. 150—169). В этом разделе Дж. Лайонз подробно описывает методiku генеративной грамматики, ее основные категории («приемлемость», «уровни приемлемости», «идеализация» данных и т. д.).

Сохраняя общую направленность книги («Введение в хомскианство»), Лайонз лишь изредка сообщает разрозненные факты из истории языкознания, но либо с отрицательной оценкой, либо в весьма наивной форме, постоянно подчеркивая, что для «теоретического» осмысления этих фактов необходима формализация всех методов анализа. Так, например, изложив теорию непосредственно составляющих по Блумфилду, Лайонз пишет, что «сам Блумфилд всего лишь ввел это понятие и пояснил его посредством примеров... Его последователи, особенно Уэллс и Хэррис, сформулировали принципы анализа по составляющим более подробно и заменили довольно туманную рекомендацию Блумфилда „учитывать значение“ эксплицитными дистрибуционными критериями. Наконец, в последние несколько лет теория структуры составляющих была формализована и подвергнута математической интерпретации Хомским и другими учеными, которые уделяли значительное внимание природе правил, необходимых для порождения предложений с соответствующей структурой составляющих» (стр. 225).

Через несколько страниц Лайонз снова возвращается к Блумфилду, чтобы опять показать его «ограниченность» (стр. 248). Сказанное относится и к таким ученым, как М. А. К. Холлидей, К. Л. Пайк, С. М. Лэм, которые не понимали «важности» разграничения «поверхностной» и «глубинной» структур предложения (стр. 220). Эту же «ошибку» совершил и Ч. Фриз, книга которого «была написана до создания современной теории трансформационного синтаксиса»⁵, в связи с чем он «рассматривал исключительно поверхностную структуру (в рамках довольно ограниченной концепции). Поэтому многое из того, что он говорит об этих „функциональных“ понятиях („субъект“, „объект“, „определение“.— А. О., М. Л.), хотя и является верным, однако вряд ли имеет отношение к семантическому анализу. То же самое можно сказать и о большинстве современных лингвистических теорий» (стр. 463).

Интересно, что многие хорошо известные факты Дж. Лайонз обязательно старается представить при помощи символов и формул, хотя в этом нет никакой необходимости (стр. 126, 216, 222 и др.), причем нередко формализация ведет к прямым ошибкам в интерпретации языковых фактов. Так, например, вводя понятие, «грамматической неоднозначности» (ambiguity),

⁵ C. C. Fries, The structure of English. An introduction to the construction of English sentences, New York, 1952.

Лайонз приводит в качестве примеров сочетания *fresh fruit market* «рынок для продажи свежих фруктов» и *new fruit market* «новый рынок для продажи фруктов». Такие заявления не могут не вызвать недоумения, потому что никакой «неоднозначности» здесь нет, так как эти словосочетания четко различаются правилами их просодического оформления.

Для Лайонза основной задачей синтаксического исследования является не проникновение в реальную, фактическую природу данного лингвистического объекта, а изыскивание наиболее эффективного способа его «формализованного», большей частью графического, изображения на бумаге. Поэтому «теоретическая лингвистика» уже не просто разъясняет классическое предложение Блумфилда *Poor John ran away* как пример разделения на *Poor John* и *ran away* (группа подлежащего и группа сказуемого), а представляет его в виде схематического чертежа, по-видимому, для приближения к стилю естественных наук (стр. 227). Лайонз подробно излагает «правила», при помощи которых можно «спродить» сложное предложение (стр. 231—238).

Не менее подробно излагается сущность таких понятий, как «сильная» и «слабая эквивалентность» (стр. 240), т. е. разграничение таких грамматик, которые, обладая разными формальными свойствами, не только порождали бы один и тот же набор предложений, но и обеспечивали бы им одно и то же структурное описание. Таким образом, все больше увлекаясь построением вполне абстрактных схем, гипотетико-дедуктивная логистика приходит к следующей ступени отвлечения — «категориальной грамматике» (стр. 241—245). Основой описания становится математическая логика с ее сложнейшим метаязыком. На этом уровне фраза *Poor John ran away* уже выглядит так: $(\overline{nn}) \cdot n \cdot (\overline{\Sigma n}) \cdot \{(\overline{\Sigma n})(\overline{\Sigma n})\}$. Это становится возможным потому, что еще более абстрактная и «математизированная» формализация в «категориальной грамматике» вообще признает только две «грамматические» категории: «предложение» (Σ) и «имя» (n). Но все равно высшим достижением «теоретической лингвистики» остается трансформационная грамматика (ср. стр. 262—285).

Лайонз настойчиво пытается убедить читателя в том, что изобразить язык как систему формальных правил не только возможно, но и необходимо. Так, например, при рассмотрении грамматических категорий он пишет, что хотя они и были определены традиционной грамматикой и «...могут применяться в весьма широких пределах, они нуждаются в переформулировании на базе современной порождающей грамматики, которая первичным считает синтаксис, а словоизменение рассматривает лишь как один из способов уточнения синтаксических отношений в предложении» (стр. 290—291). Напомним еще раз в этой связи, что книга всецело ориентируется на а м е р и к а н с к у ю лингвистику первой половины XX в. Даже такие известные английские языковеды, как Дж. Фёрс, М. А. К. Холлидей, Р. Робинс упоминаются лишь изредка и то, в основном, в примечаниях. Зато постоянно цитируются Э. Хэррис, Ч. Хоккет и, конечно, Н. Хомский, который открыл «новые» перспективы перед лингвистами. «Несколько лет назад большинство лингвистов отвергло бы саму возможность построения универсальной теории грамматических категорий. Теперь этого уже нет. Как пишет Хомский, „современные исследования... показали огромное разнообразие поверхностных структур языков“, но „глубинные структуры, универсальность которых утверждается, могут быть совершенно отличны от поверхностных структур предложений, как они выступают в речи“. Отсюда следует, что „результаты современной лингвистики... не расходятся с гипотезами сторонников универсальной грамматики“. И снова лингвисты с одобрением цитируют знаменитое изречение Роджера Бэкона об универсальной грамматике» (стр. 352).

Завершается книга двумя главами под названием «Семантика. Общие принципы» и «Семантическая структура». Как поясняет сам Лайонз (стр. 513), эти главы представляют собой фактически воспроизведение первой части его книги «Structural semantics» (Oxford, 1963). Эта работа у нас неоднократно рецензировалась⁶, причем следует обратить особое внимание на посвященные ей статьи А. Ф. Лосева⁷.

Через два года после издания «Введения в теоретическую лингвистику» вышла агнографическая книга Дж. Лайонза под названием «Ноам Хомский»⁸, где Лайонз вновь подробно излагает всю систему трансформационно-генеративной грамматики (в ее тогдашнем варианте). В обеих книгах он неизменно обнаруживает прекрасное знание материала. В то время он был совершенно убежден в том, что это действительно «революция», великое открытие, призванное полностью изменить все устои языковедческой науки.

Но с тех пор столько уже было сказано и написано⁹ и о Хомском и о его «грамматике», что даже такой поклонник «теоретической лингвистики» вообще, как В. А. Звегинцев, автор предисловия к русскому переводу книги Дж. Лайонза, выражает принципиальное несогласие с основной концепцией Лайонза: Лайонз все сводит к несовершенству некоторых технических процедур, на самом же деле «потерпел крушение сам теоретический замысел» Хомского (стр. 15).

Теперь уместно еще раз спросить: почему же все-таки сейчас вышла книга более чем десятилетней давности? Может быть, причина этого непонятого происшествия раскрывается в предисловии, написанном В. А. Звегинцевым, где уже упомянутые тысячи читателей получают необходимые разъяснения? Может быть, именно там им скажут, что же такое «теоретическое научное изучение языка» и чем оно отличается от «нестеоретического»?

К сожалению, ничего подобного в предисловии нет. Основная его часть посвящена изложению собственных представлений В. А. Звегинцева о лингвистике вообще, о ее «современном» состоянии (и задачах языкознания), в частности. Предисловие написано в обычном для него безапелляционном тоне и на таком русском языке, который затрудняет понимание и без того сложных проблем. О самой же книге написано мало, поверхностно и сбивчиво.

Что же все-таки можно узнать о книге Дж. Лайонза из статьи В. А. Звегинцева под хлестким названием «Теоретическая лингвистика на перепутье (о книге Дж. Лайонза «Введение в теоретическую лингвистику»)»? Статья эта, по-видимому, мыслится как своеобразное предисловие

⁶ Эту книгу у нас обсуждали: О. С. Ахманова (ВЯ, 1968, 5); О. Н. Селиверстова (сб. «Семантическая структура слова», М., 1971, стр. 195 и сл.).

⁷ А. Ф. Лосев, Семантика языка и его структурное изучение, «Сборник трудов по русскому языку и языкознанию», 2, М., 1976; его же, О противоречивости основного принципа асемантического структурализма, «Вопросы филологии. Сборник трудов», М., 1974. В последней работе А. Ф. Лосев пишет: «построение асемантического структурализма у Лайонза оказалось возможным только при помощи невероятной путаницы исходных понятий и фактического изложения» (стр. 134).

⁸ J. L o n z, Noam Chomsky, New York, 1970.

⁹ Одновременно с настоящей статьей завершена работа над сборником рефератов работ зарубежных авторов «Трансформационно-генеративная грамматика в свете современной научной критики» (в печати), где, кроме большого числа и разнообразия статей-рефератов, публикуется вступительная статья (авторы — О. С. Ахманова и Л. В. Полубиченко), в которой подробно анализируются причины возникновения и распространения «хомкианской авантюры».

ж рассматриваемой книге. Постараемся воспроизвести то немногое, что относится к книге (мы вынуждены главным образом цитировать, так как изложить своими словами этот текст нельзя).

Итак, в книге Дж. Лайонза «...нет оригинальной теоретической концепции, но она не представляет собой и очердного варианта догматического лингвистического требника» (sic! — стр. 11). Вместе с тем «... мы имеем дело с чем-то, напоминающим скорее ответ очень прилежного ученика некоему неведомому экзаменатору... Естественным образом (sic! — стр. 11), ничего цельного при таком изложении не могло получиться». «Пожалуй, наиболее характерной чертой книги Дж. Лайонза является... избирательная эклектичность». В результате этого «за пределами книги осталось многое, что имело все основания быть отнесенным к „наиболее значительным направлениям в современной лингвистике“, ... а многое из того, что есть, никак не укладывается в понятие „современной лингвистики“». Заключение же самое неожиданное: «...не следует делать вывода, что книга Дж. Лайонза совсем лишена единых общих принципов и оригинальности мышления... Свообразие ее проявляется в самом отборе теоретических ориентиров, но в еще большей мере — в трактовке проблем, включенных в книгу» (sic! — стр. 11).

Следующий за этим абзац — вообще плод невнимательного отношения В. А. Звегинцева к тексту книги. Он смешал отдельные высказывания, которые Лайонз делал в совершенно разной связи. Тезис, что лингвистика должна быть описательной, а не нормативной, подтверждается цитатой из раздела «Современная лингвистика», где речь идет о Ф. де Соссюре (стр. 60), а тезис о том, что нет разницы между абстрактными теориями современной лингвистики и более «практическими» подходами к языку (стр. 67) и тезис об универсальном характере грамматики (стр. 352) находятся в противоречии с первым: что же можно описывать, если мы везде имеем дело с одним и тем же явлением, поскольку грамматика универсальна? Кроме того, было бы странно предположить, что положения «таксономического» европейского структурализма (принцип 1) были «руководящим началом» для Дж. Лайонза 60-х годов.

Столь же небрежно В. А. Звегинцев выделяет «направления», составляющие содержание книги Лайонза (стр. 12—15). Ниже (стр. 15) они фигурируют как «три кита», на которых стоит «лингвистическая вселенная Дж. Лайонза». Это: традиционная лингвистика, формальный анализ дескриптивной лингвистики и трансформационная модель структуры непосредственно составляющих, «порожденная Н. Хомским». Традиционная лингвистика «составляет общую подоснову книги, на которую затем „накладывается“ все то, что можно отнести к новейшим „направлениям“» (стр. 12). Это, по-видимому, объясняется тем, что она «...такой же абстрактный, не определяемый и не очень ясный конструкт, как и теоретические конструкты формальных теорий» (sic! — стр. 13). Далее на стр. 13 следует длинная фраза, содержание которой весьма туманно. Ее следует привести полностью, чтобы еще раз показать недопустимость формы изложения, принятой в предисловии: «Важно при этом отметить, что образ (или конструкт) традиционной лингвистики, хотя во многом и имеет единые источники (с чем или кем? — А. О., М. Л.), обусловлен и исторически и лингвистически (находится в зависимости от структуры языка) конкретными факторами, а потому даже и в пределах европейских стран в рамках общей европейской традиции несколько модифицируется» (sic!).

Дальше идет нечто уже совершенно непонятное. Оказывается, что «русские лингвисты, изучая свой язык, подвергают анализу, с точки зрения их существования и взаимоотношений, слово, словосочетание и предложение, а английские лингвисты, изучая свой язык, выделяют, устанавливая

отношения между ними, слово, фразу, кюз (в русском переводе последнее приближенно передано как „несамостоятельное предложение“) и предложение. Таким образом, русским и английским языковедам приходится оперировать не сводимыми друг с другом категориями и понятиями, вследствие чего нередко возникают всякого рода недоразумения и недопонимания» (стр. 13). Каким образом стр. 182—184 книги Дж. Лайонза могли дать повод к этому абсолютно фантастическому утверждению? Ведь там изложены самые простые и общеизвестные сведения об основных единицах синтаксического и морфосинтаксического описания.

Затем мы узнаем, что Лайонз «...иногда злоупотребляет формальными построениями и применяет их не всегда по надобности (sic!), ... он превращает логические интерпретации в универсальный объяснительный язык. Такой прием позволяет, правда, отмыслиться (sic!) от дискуссионных вопросов... Но вместе с тем он затрудняет изложение» (стр. 14). Читатель, следовательно, должен сделать вывод, что эти части книги не представляют ценности? Тем более, если «именно эти части книги, в которые автор включает и свои гипотетические соображения или указания на потенциальные пути решения тех или иных вопросов, представляются ныне не только недостаточными, но и просто не выдержавшими испытания временем» (стр. 14).

Наконец, «третьим китом» является концепция Хомского, причем последний «принимает очертания почти что оперного искусствителя-злодея» (sic! — стр. 14). Поэтому хотя «для Дж. Лайонза ясны недостатки концепции Н. Хомского, и он их не замалчивает», он все же выбирает генеративную грамматику как главную линию в своем изложении (стр. 14). В. А. Звегинцев дает отрицательную оценку и этой части книги, поскольку «...существенным изъяном описания Лайонзом генеративной лингвистики является однобокость ее изложения» (стр. 15).

Как это ни странно, В. А. Звегинцев отказывается от обсуждения «трех китов», потому что «давать оценку... едва ли здесь уместно. Во-первых, это особое дело, требующее соответствующего размаха, а, во-вторых, это уже сделано советскими языковедами — и хотя далеко не однозначно (sic!), зато с полным знанием всех методических величин» (стр. 15). Комментарии, как говорится, излишни.

В. А. Звегинцев пытается кончить «во здравие». Читатель не должен впадать в уныние, так как «...главный методический недостаток книги — ее эклектичность — Дж. Лайонз сумел представить как ее достоинство» (стр. 15). Кроме того, «...уклонение от жанровых предписаний — конечно, все это далеко от того, что мы привыкли находить в учебнике. Но это, пожалуй, составляет самую привлекательную сторону книги Дж. Лайонза» (стр. 16). Еще о книге сказано в самом конце статьи, причем создается впечатление, что как-то похвалить книгу все-таки было нужно, хотя бы для того, чтобы оправдать ее издание. И вот здесь выясняется, что «она приобрела уже иные качества» (стр. 18). «Ее изложение покрывает период в развитии мировой лингвистики, чрезвычайно насыщенный событиями, идеями и темпераментными полемическими баталиями. Без знания того, что происходило в это время, трудно понять современную лингвистику и дать трезвую оценку отдельным ее явлениям» (стр. 18).

Это все, что сказано о книге Дж. Лайонза. Основная же часть статьи посвящена изложению «лингвистической картины мира», как ее понимает В. А. Звегинцев. В обычном для него «глобальном» стиле он прежде всего объясняет, почему языкознание вообще теперь сводится к извивам и перипетиям американской лингвистики. «В бурном развитии науки о языке... Великобритания занимала несколько стороннюю позицию» (стр. 5), «...единственный вклад, внесенный англий-

скими лингвистами в борьбу идей, которая развернулась в это время в мировой лингвистике, сводился к созданию так называемой Лондонской школы лингвистики, которую возглавил Дж. Фёрс» (стр. 6). Школа эта, по мнению В. А. Звегинцева, не сделала ничего оригинального или существенного, так как просто развивала концепцию «контекста ситуации» Б. Малиновского. Ученик Дж. Фёрса М. Холлидей «остаётся верным заветам своего учителя, но вместе с тем уже стремится учесть концепции, зародившиеся в недрах современной социолингвистики и функциональной лингвистики» (стр. 6). К тому же, как полагает В. А. Звегинцев, школа Дж. Фёрса «выполняла в значительной мере оборонительные функции», но «усилия Дж. Фёрса не ознаменовались, однако, полным успехом, и ряд наиболее восприимчивых к новым веяниям английских лингвистов (среди прочих к ним относится и Дж. Лайонз) восприняли многое из того, что шло из заокеанской дали» (стр. 6): сначала блумфилдианскую, потом постблумфилдианскую лингвистику и, наконец, «следующее звено в цепи становления современной лингвистики, связанное с именем Н. Хомского» (стр. 6).

Однако «таксономическая лингвистика Л. Блумфилда вовсе не канула в прошлое, но сохраняет свои позиции в некоторых областях лингвистического исследования и таким образом выступает в сегодняшней лингвистике в качестве живой силы» (стр. 6). «Все теоретическое содержание дескриптивной лингвистики вполне укладывается в „Ряд постулатов для науки о языке“ Л. Блумфилда, которые своей нарочито „строгой“ формой изложения... производят ныне даже несколько комичное впечатление» (sic! — стр. 6—7).

В. А. Звегинцев убежден, что «дескриптивная лингвистика... твердо усвоила тезис Ф. Боаса о совершенной непригодности традиционной „европейской“ лингвистики для описания индейских языков... Ф. Боас требовал независимого от заранее заданных схем описания языков, описания их „изнутри“» (стр. 7). Он считает, что все выработанные в пределах дескриптивной лингвистики описательные процедуры получили наиболее полное выражение в работах З. Хэрриса и представлены «ее наследниками» — тагмемикой, стратификационной грамматикой и грамматикой зависимости (стр. 7). Все они якобы требовали «...полного отказа от учета значимой стороны лингвистических единиц... вычленения лингвистических единиц посредством чисто формальных процедур, опирающихся на окружение (аранжировку), последовательность и встречаемость, упора (sic!) на устную речь» и т. д. (стр. 7). «Но превыше всего этого стояли два принципа: строгость и объективность» (стр. 8). Именно «так дело обстояло в США в 30-е, 40-е гг. и в первой половине 50-х гг.». И, наконец, великий перелом: «в 1957 г. вышла в свет небольшая книжечка ученика З. Хэрриса Н. Хомского „Синтаксические структуры“, с которой началась так называемая „хомскианская революция“» (стр. 8). Далее следуют две страницы, посвященные изложению содержания генеративной грамматики, которое поражает своей поверхностностью, поскольку совершенно не учитывает современное состояние науки в этой области.

Следующий раздел начинается с весьма любопытной классификации В. А. Звегинцевым книг по теоретической лингвистике. Этот раздел посвящен книге Дж. Лайонза, но даже на этих немногих страницах, как было показано выше, В. А. Звегинцев постоянно стремится сообщить читателю разного рода собственные соображения о том, что такое вообще «традиционная лингвистика», почему английские и русские языковеды не могут общаться между собой и т. д.

Последний раздел рассказывает читателю о лингвистике в течение «постлайонзовского» десятилетия. В. А. Звегинцев указывает, что «нау-

ка в наши дни развивается чрезвычайно быстрыми темпами» (стр. 16). Поэтому изменился «лингвистический ландшафт». Оказывается, что, по мнению В. А. Звегинцева, он имеет следующий вид: «Традиционная лингвистика, разумеется, осталась традиционной — и на том же самом месте, и с теми же самыми функциями, которые ей полагается иметь» (sic! — стр. 16). «Прямыми продолжателями» дескриптивной лингвистики «являются тагмемика и стратификационная грамматика, оживившие свою деятельность после того, как основательно была потеснена генеративная лингвистика» (стр. 16). И опять В. А. Звегинцев знакомит читателя с деятельностью Хомского, который «по-прежнему отстаивает доброкачественность предложенных им методов описания. Но он просто отошел от них, занялся более общими вопросами и теперь стремится к более масштабным целям» (стр. 17).

Теперь «теоретическая лингвистика на перепутье» (не а м е р и к а н с к а я теоретическая лингвистика, а лингвистика в о о б щ е). Приходится сделать вывод, что «теоретические лингвисты», для которых ничего, кроме американской лингвистики, не существует, стоят, затаив дыхание, и ждут, кто же теперь выведет их из «создавшегося теоретического тупика».

*

Как было подробно разъяснено в первой части настоящей статьи, Дж. Лайонз — типичный представитель правоверных «хомскианцев по эту сторону океана». Для него «теоретическая лингвистика», в которую, с огромными трудностями и оговорками, он все же пытается ввести отдельных европейцев (по-видимому, прежде всего своих соотечественников) — это а м е р и к а н с к а я «теоретическая лингвистика», т. е. генеративная грамматика. Понятно, что если Лайонз практически игнорирует английское языкознание (две цитаты из Фёрса да для особенно любознательных читателей несколько работ английских лингвистов, упомянутых в примечаниях), то языкознания «Восточной Европы» вообще и советского языкознания в частности в книге совсем не представлено. Поэтому думается, что именно на это обстоятельство В. А. Звегинцеву следовало бы обратить внимание в его вводной статье. Необходимо было также показать советскому читателю (ведь именно для него, для его просвещения опубликована эта книга), что описываемое в книге — д а в н о п р о ш е д ш и й этап в истории а м е р и к а н с к о й лингвистики. Поэтому эта книга теперь может быть интересна только для историка американского языкознания, поскольку она представляет собой зеркало пертурбаций, возникших в результате установления хомскианского «аракчеевского режима».

Но и для историка американского языкознания это только м а т е р и а л, который он должен научно осмыслить и поставить в правильную перспективу. Ведь в Соединенных Штатах не только были, но есть и сейчас языковеды, серьезно и систематически занимающиеся языком, работы которых не только замалчивались, но и фактически отвергались громогласными сторонниками «генеративной грамматики»¹⁰.

Почему же В. А. Звегинцев не сделал этих необходимых разъяснений? Да по той простой причине, что он сам настойчиво и постоянно вообще сбрасывает со счетов советское языкознание, либо замалчивая его достижения, либо пренебрежительно сообщая о нем небылицы¹¹. Нигде

¹⁰ Среди наиболее известных американских лингвистов можно назвать Д. Боллинджера, Г. Глисона, Ф. Хаусхолдера, Р. А. Холла мл., М. Джуса и многих других, не говоря уже о целой плеяде славистов школы Р. Якобсона.

¹¹ См.: Р. А. Б у д а г о в, [рец. на кн.:] В. А. Звегинцев, Язык и лингвистическая теория (ВЯ, 1974, 1).

в предисловии мы не найдем ни одного слова о методологии советского языкознания, о философии марксизма, которые позволили советским ученым далеко опередить своих коллег на Западе в решении всех основных вопросов нашей науки.

Необходимо было назвать вещи своими именами и показать принципиальное различие между борьбой разных видов идеализма, с одной стороны, и борьбой этих последних с философией диалектического материализма, с другой. Вся путаница и эклектика происходит именно потому, что у разных американских школ и направлений нет твердой философской научной общеметодологической основы. Поэтому по кускам и кусочкам то вдруг «открывают» связь языка и общества, или языка и мышления, или же выходит, наконец, перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и «доходят» сведения о структурализме.

А между тем то, что человеческий язык как особого рода объективное явление неразрывно связан с мышлением и культурой, не только давно известно советскому языкознанию, но и составляет его основу. Марксистская методология позволила нашей науке разработать теорию функциональных стилей, понятийные категории, универсалии и типологию, не говоря уже об открытиях в области морфонологии, морфологии, учении о сверхфразовом единстве, о словосочетании и т. д. и т. п. — все это у нас создавалось и разрабатывалось задолго до того, как об этом был только «поставлен» вопрос за океаном.

В. А. Звегинцев тем не менее вновь и вновь встает в позу демиурга «теоретической лингвистики». Он снисходительно пишет о лингвистической школе Дж. Фёрса, теоретическом содержании дескриптивной лингвистики (см. выше) и роняет между прочим замечание по поводу того, «...что известно теперь (кому? — А. О., М. Л.) под именем таксономической блумфилдской и постблумфилдской лингвистики» (стр. 7).

В. А. Звегинцев делится с читателями своими соображениями и о месте, которое занимает в лингвистике теория Хомского. Оказывается, что Хомский сделал много хорошего и облагодетельствовал мировое языкознание тем, что «предал анафеме всю таксономическую лингвистику и подверг полному разгрому бихевиоризм» (стр. 8). Его концепция никак не противоречит традиционной грамматике, и отношение Хомского к лингвистической традиции «припимает такую глубокую форму, что уходит в забытую современной наукой о языке даль — к принципам „картезианской“ лингвистики, а точнее философии» (стр. 9). Величие Хомского заключается в том, что он «предложил заняться большими, глобальными проблемами теоретической лингвистики. Он потребовал еще большего, ...чтобы наука о языке... превратилась из науки описательной в науку объяснительную» (стр. 9—10).

И хотя В. А. Звегинцев вынужден признать, что идеи Хомского «потерпели крушение» (стр. 15), он все же продолжает говорить о Хомском как о человеке, который открывает глаза языковедам всего мира на то, что они «упустили» в своих исследованиях. Он не устает сообщать о новых «откровениях» Хомского (стр. 17), после чего следует вывод: «при такой постановке (sic!) приходится говорить уже об иных научных перспективах». Каких именно, В. А. Звегинцев не уточняет.

Что можно сказать в заключение? В результате недостаточно продуманного отбора публикуемой переводной литературы издательство «Прогресс» под видом «последнего слова» в зарубежном языкознании выпустило в свет труд, отражающий вчерашний день лингвистики. Тысячи людей, прочитав эту книгу и предисловие к ней, станут жертвами дезинформации, получат совершенно превратное представление о сущности и задачах современного научного языкознания.

БИРЕНБАУМ Я. Г.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

В качестве постулата настоящей статьи примем положение, что грамматические отношения между элементами предложения определяются четырьмя механизмами синтаксиса: 1) подчинительными связями; 2) горизонтальными связями; 3) механизмом «гармошки», при котором несколько слов функционируют как один синтаксический элемент, например, во фразеологических сочетаниях и типовых конструкциях; 4) механизмом пространства вводности, т. е. вводными единицами, вставками, междометиями, обращениями и др. Ведущим среди этих механизмов является первый. Подчинительные связи включают и отношение между подлежащим и сказуемым, которое мы считаем двойным подчинением.

Темой настоящей статьи является общее описание второго механизма синтаксиса — горизонтальных связей. В общем случае необходимым и достаточным условием для конституирования горизонтальных связей является наличие у членов предложения, между которыми они устанавливаются (и которые поэтому целесообразно назвать *горизонтантами*) одинаковых подчинительных связей с одной и той же господствующей единицей. Под одинаковой подчинительной связью понимается гомогенность не только в терминах членов предложения, но и в семантических и структурных подклассах членов предложения: дополнений, обстоятельств, детерминантов, контекстуально однородных атрибутов. В механизме подчинительных связей горизонтанты независимы друг от друга.

Горизонтанты имеют следующие свойства: 1) они отвечают на один и тот же вопрос или удовлетворяют условиям любого другого подстановочного преобразования, направленного на идентификацию функциональной единицы; 2) горизонтанты выражаются теми частями речи, их словоформами и, шире, синтаксическими формами, которые характерны для данного члена предложения; 3) горизонтанты связаны с господствующим словом одинаковой формальной зависимостью: согласованием, управлением или примыканием. Поэтому управляемые горизонтанты имеют один и тот же падеж, но не обязательно одинаковые род и число, а примыкающие горизонтанты могут не совпадать ни по одной грамматической категории; 4) горизонтанты обычно расположены контактно по одну сторону от господствующего слова; 5) один из горизонтантов никогда не может включать в себя другой; 6) в структурной схеме предложения, в формуле насыщения валентностей господствующего слова два или более горизонтантов занимают одну и ту же позицию ¹, так что можно оставить один из них, а все остальные отбросить, — при этом структурная схема предложения не изменится ².

В разное время представители различных школ относили к сочинению однородные члены предложения, приложение и иногда уточнение. Постановка вопроса о соотношении подчинительных и горизонтальных связей — это попытка подойти более широко к кардинальному вопросу синтаксиса:

¹ Ш. Б а л л и, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 116.

² Л. С. Б а р х у д а р о в, Структура простого предложения современного английского языка, М., 1966, стр. 117—118, 124—125.

противопоставлению подчинения сочинению, субординации координации, гипотаксиса паратаксису³. Расширяя вывод А. М. Пешковского, мы считаем горизонтальные связи лишь эпизодом на фоне подчинительных и представляем их в виде объединенных на одном горизонтальном уровне соподчиненных членов предложения⁴. Горизонтальные связи хорошо было бы передавать на письме с помощью раздвоения текста на параллельные строчки, как в некоторых объявлениях и рекламах:

не | курить
 | сорить

Все формальные средства, которыми располагает язык, используются для выражения подчинительных связей. Горизонтальные связи могут выражаться теми же средствами, но они используются вторично. Это соотношение (совпадение) словоформ, служебных слов, интонация уточнения, приложения или перечисления (ср.: *I saw her father and his friend — I saw her, father and his friend*), компенсационные паузы при отсутствии союзов или других слов, используемых для передачи горизонтальных связей (мы называем их *к о н ъ ю н к т о р а м и*), ударение (например, одинаковая сила произношения однородных членов), контактное расположение и порядок по отношению друг к другу. Даже в случае соединительной сочинительной связи, при которой порядок однородных членов предложения кажется безразличным (ср. текст А. М. Пешковского на обратимость), он несет значительную стилистическую функцию, например, названия двух глав в первой части романа Дж. Голсуорси «The White Monkey»: «Old Forsyte» and «Old Mont» (VI), «Old Mont» and «Old Forsyte» (VII). Поскольку горизонтальные связи имеют вторичный характер и вторично используют языковую форму, они не противопоставляются друг другу так четко и недвусмысленно, как подчинительные связи. В основу их внутренней классификации целесообразно положить взаимную референтную и денотативную соотношенность слов, выступающих в качестве ведущих компонентов горизонтантов. Неоднократно отмечалось, что, например, однородные члены предложения обычно выражают логически сопоставляемые понятия. Как бы разнообразны ни были горизонтанты, они должны объединяться по смыслу вообще или только в данном контексте⁵. Зевгма и стилистический прием выстраивания в один ряд несопоставимых понятий — это исключения, которые только подтверждают наше положение.

В зависимости от соотношения референтов у горизонтантов мы делим горизонтальные связи на два типа: *к о р е ф е р е н т н ы е* и *н е к о р е ф е р е н т н ы е*. В последних общность референта у горизонтантов не требуется, но возможна. Они служат слабым, немаркированным членом этой привативной оппозиции. К некорреферентным связям относятся сочинительные, а конституируемые ими горизонтанты — это однородные члены предложения: «Her solitary condition or the bad weather or both united, made Mrs. Lupin thoughtful...» (Ch. Dickens, Martin Chuzzlewit). Однородные члены маркируются сочинительными союзами или возможностью их введения. Мы делим корреферентные связи на два типа: *в к л ю ч а ю щ и е*, при которых денотат, обозначенный одним из горизонтантов, полностью и с остатком включает в себя по объему значения денотат дру-

³ В. А. Белошапкина, Сложное предложение и словосочетание (К вопросу об изоморфизме в синтаксической системе), сб. «Грамматическое описание славянских языков. Концепция и методы», М., 1974, стр. 83—84.

⁴ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, стр. 55—60.

⁵ «Современный русский язык», ч. II, под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, М., 1964, стр. 457; Е. Д. Максимова, Предложения с однородными сказуемыми в современном английском языке. АКД, Ростов-на-Дону, 1961, стр. 6.

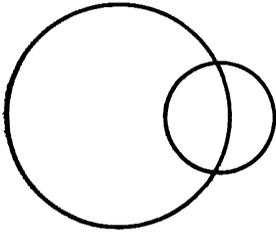

Рис. 1

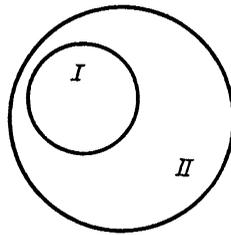

Рис. 2

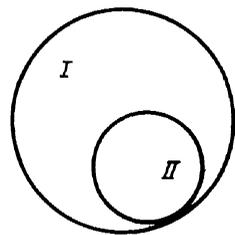

Рис. 3

того горизонтанта, как гипероним включает один из своих гипонимов (рис. 2 или 3); и не включающие в связи, при которых нет включения с остатком. Невключающие кореферентные горизонтальные связи могут быть двух разновидностей: реитеративные и иноденотативные. При реитерации горизонтанты полностью совпадают своими денотатами, например, повтор или абсолютные синонимы. Иноденотативная связь предполагает частичное совпадение денотатов у горизонтантов (рис. 1).

Включающие кореферентные горизонтальные связи тоже делятся на две разновидности. Если денотат первого горизонтанта включается во второй, связь называется аппозитивной, а ее члены — аппозитивным (I) и приложением (II) (рис. 2); а если денотат второго горизонтанта включается в первый, то связь называется уточнительной, а ее члены — уточняемым (I) и уточнением (II) (рис. 3). Соотношение разных горизонтальных связей представлено на таблице:

горизонтальные связи				
некорреферентные	кореферентные			
	невключающие		включающие	
сочинение	реитеративная	иноденотативная	аппозитивная	уточнительная

Рассмотрим кореферентные связи подробнее.

Реитеративная связь обычно не выделяется среди горизонтальных связей⁶. При совпадении горизонтантов мы говорим о формальной реитерации. Большинство синтаксистов исключает повтор из сферы синтаксиса, считая, что повторяющиеся элементы представляют собой синтаксическое единство. Но есть мнение, к которому присоединяемся и мы, что каждое из повторяющихся слов является самостоятельным членом предложения⁷. Повтор может быть с усилением: «*We and we only can stand between you and the stake...*» (B. Shaw, *Saint Joan*); «*It was... most of the scientific spies, who had their own share, sometimes a modestly disguised share, in producing results...*» (C. P. Snow, *The new men*). При реитерации содержание горизонтантов совпадает и виртуально (они обозначают одно и то же понятие), и актуально (они обозначают один и тот же референт).

⁶ Термин заимствован у Б. Хэтэуэя: (B. N a t h a w a y, *A transformational syntax. The grammar of Modern American English*, New York, 1967, стр. 178—180).

⁷ Г. Г. Почепцов, *Конструктивный анализ структуры предложения*, Киев, 1971, стр. 116—117; Ю. М. Скребнев, *Очерк теории стилистики*, Горький, 1975, стр. 139.

Тем не менее они не равноценны в контексте, так как именно последующий горизонтант рематичен и создает эффект реитерации. При повторе с усложнением реитерация приближается к уточнению, так как второй реитерант с зависимыми словами передает сложное понятие, более узкое по объему, чем понятие, выраженное первым реитерантом: «I was to have a *child* — *his child*» (V. Holt, On the night of the seventh moon). На уровне господствующих слов это реитерация, а на уровне всех сочетаний — уточнение.

Не любой повтор можно считать реитерацией. Если одинаковые слова обозначают разные референты, то это разновидность сочинительной связи: «There are apples and apples» (G. C. Fernald Expressive English), о чем говорит сочинительный союз.

Формальной реитерации противостоит смысловая, при которой последующие реитеранты являются абсолютными синонимами, переводом, иными именами или другими равноценными обозначениями того же референта и понятия. Реитерантом, а не приложением, как считают многие англисты, является усиленное возвратное местоимение: «He admitted *he* had not been able to deal satisfactorily with the complex subject *himself*» («Morning Star» July 30, 1973). Реитерацию обслуживает конъюнктор *or*, передающий не выбор предметов, а выбор способа выражения⁸, конъюнктор *alias* и ряд выражений, выступающих как конъюнкторы: *in other words, or rather, or better, or let us say, or one might say, or else* и др.: «...he had summoned his Chef de Cabinet, *or* chief of personal staff» (Fr. Forsyth, The day of the Jackal); «Sure enough I found his chubby face smiling up at me from the rogues' gallery, „James Winter, *alias* Morecroft, *alias* Killer Evans“, was the inscription below» (A. Conan Doyle). Серию имен можно тоже считать реитерацией: *Николай Васильевич Гоголь; Percy Bysshe Shelley; So I do not call ye my brothers any more, but sag (dogs) as a man should* (R. Kipling, The jungle book).

Иноденотантная связь, насколько нам известно, выделяется здесь впервые. Она основана на подведении одного и того же референта под разные понятия, которые не включаются друг в друга. Это обычно имеет место тогда, когда один из горизонтантов не является собственным именем или личным местоимением, обозначающим индивидуальные предметы, или когда горизонтанты не находятся в гипонимическом соотношении. Иноденотантность представляет собой общий случай связи именных горизонтантов, так что без ее выделения трудно разграничить приложение и уточнение. Например, в одной и той же работе совершенно идентичные примеры рассматриваются то как (1) приложения, то как (2) уточнения: (1) *ему, этой пучеглазой скотине*, (2) *вам, филологам*, (1) *Николай Бугров, миллионер*, (2) *Клава Мухина, санитарка*, (1) *брат ее мужа, пьяница*, (2) *отец его, дворянин, полковник в отставке*, (1) *его сосед, стройный красавец в желтой шелковой рубаше*, (2) *сосед Клима, худощавый студент с большим носом на изрытом оспой лице*⁹. Четыре последних примера в определенных контекстуальных условиях можно отнести к иноденотантной связи. При обособленных иноденотантах, как и в общем случае приложения и уточнения, рематическим является второй по порядку горизонтант. Но широко распространены и необособленные иноденотанты, которые имеют тенденцию к слиянию в сложное слово, что отражается в их дефисном написании; *красавица-зорька, сын-красавец, туча-буря, лапы-листья, механик-самоучка*,

⁸ В подобных примерах конъюнктор *or* перестает быть сочинительным союзом. Если его все же считать союзом, то связывает он не содержания, а звучания.

⁹ М. Г. Шагух, Структурно-семантические разряды приложений в современном русском языке, сб. «Вопросы языковедения», Львов, 1955, Книга первая, стр. 20—41.

подросток дочь, девочка подросток, девицам сиротам, интеллигент революционер¹⁰. В этих примерах не всегда легко установить рематический элемент (даже в контексте). А. М. Пешковский считает рематическим то имя, которое в данном контексте менее предметно, например, учитель в сочетании *брат-учитель*, М. Г. Шатух — более метафоричное слово *огонь-молодица*, *город-красавец*. Следует учитывать также степень эмоциональности иноденотанта.

Необособленные иноденотанты в английском языке, как и в русском, обычно парные: «The name she mentioned was... a quite famous *actress-singer*» (J. D. Salinger, *Raise high the roof beam, carpenter*). Но встречаются и более длинные цепочки, включая и явно необычные, например: «His curse was his desire to live in the Ritz, to be a Breton without living in Brittany, to be the best *poet explorer film-star orator artist statesman tennis-champion scientist* of his time. He was mentally aged fourteen» (H. Mac Innes, *Assignment in Brittany*). К этому типу примыкают распространенные в английском языке сочетания *woman doctor, man servant, Gentleman farmer*, и более редкие *Lord Justice, knight-templar*, в которых статус синтаксического сочетания и горизонтальная связь подтверждаются раздельноформленностью при выражении числа: «We have two *women-servants* and six men and a gate keeper» (M. Allingham, *The crime at Black Dadley*). Союзные сочетания с общим референтом *my friend and adviser, his son and heir, the painter and decorator* следует отнести вслед за О. Есперсеном¹¹ к однородным членам предложения.

Обособленное приложение в постпозиции, у которого первый горизонтант (или аппозируемое) выражен собственным именем или личным местоимением — это один из самых частотных случаев горизонтальных связей в английском, русском и ряде других языков: «I met Rudney, a *refugee from the nightclub circuit*»; «Sigmund, *an artist*»; «Anne and Pedro, *onetime circus performers*» (National Geographic 152, 510). Уже давно обратили внимание на описательную роль приложения (из-за чего его считали разновидностью определения) и предикативное отношение аппозируемого и приложения, что связано с гипонимическим отношением их денотатов. Об этом же говорит обычная постпозиция приложения, хотя возможен и эмфатический вынос приложения в начало предложения: «*Always a highly intelligent man*, he now became conscious of the resources opening out to him...» (A. Christie, *Ordeal by innocence*). Нужно только подчеркнуть, что это предикативное, или псевдопредикативное отношение имеет место среди горизонтальных, а не подчинительных связей, а поэтому не может служить базой для образования самостоятельного высказывания, исключая надписи к рисункам, заглавия и пр., которые опираются на предикативность в контексте. Аппозитивная связь принципиально двучленна, и если одно аппозируемое имеет несколько приложений, то они с ним образуют ряд аппозитивных пар: «And Beata, the good, the patient, the silent, the beautiful» (Th. Wilder, *The eighth day*). К приложению относится обобщающее слово в конце ряда однородных членов, а также местоимения *both, all, each, everyone*, числительные, сочетания *most of them, neither of us, one and all* и т. д., которые могут располагаться дистантно: «They were

¹⁰ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 488; А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 54, 141; М. Г. Шатух, указ. соч., стр. 20—41.

¹¹ О. Есперсен, *Analytic syntax*, Copenhagen, 1937, стр. 19. Их нельзя считать аппозируемым и приложением (M. Brunt, *A functional English grammar*, Boston, 1945, стр. 282) или неразложимым сочетанием, выходящим из сферы компетенции синтаксиса («Структурный синтаксис английского языка», под ред. Л. Л. Иофик, Л., 1972, стр. 74). Сочинительная связь маркируется сочинительным союзом.

neither of them young...) (D. H. Lawrence, *The fox*); «We'll lose the land and the money *both*» («National Geographic», 151, 507). Постпозитивные необособленные приложения, выраженные существительными или субстантивизированными частями речи, входят в собственное имя или обращение: *Winnie the Pooh, Charles the Fat, you young men*.

Уточнительная связь уже давно отмечалась среди обстоятельств места и времени: «*There, in Dr. Kleine's clinic, I should have the child*» (V. Holt, *On the night, of the seventh moon*). Многие исследователи заметили, что уточнение (нередко называемое пояснением) — это такая же горизонтальная связь («сочинение»), как и другие, только с последующим сужением объема денотата¹², например, «*The terrified Germans, those who were able, scattered*» (A. Coppel, *Order of battle*). Наиболее характерными сочетаниями уточняемого и уточнения являются местоимение и существительное, нарицательное и собственное имена: «*In this way, through the broken window, our momentous acquaintance with Miss Greville was begun*» (A. G. Cronin, *A song of sixpence*); *I had spoken to my patron deity, Hermes*» (G. Vidal, *Julian*). Уточнительная связь имеет широкое распространение, особенно в английском языке, где уточняемым является обобщающее слово перед перечислением однородных членов и предваряющее (anticipatory) *it* перед герундиальными, инфинитивными построениями, придаточными предложениями, а иногда и именными группами: «*At best, it remains a seesaw struggle, this war against the rat*»... («National Geographic», 152, 75). В уточнительной связи используется серия отстоявшихся конъюнктивов: *namely, that is (i. e., viz.), to wit, for example (instance)* и их эквиваленты *like, say, especially, particularly, this is, that is to say, let us say*, а также многие элементы пространства вводности *I mean, probably* и т. д.: «*The only exception might be if someone in authority — say, the hotel manager — knew in advance... what was going to happen...*» (A. Hailey, *Hotel*). Особенно необходимы конъюнктивы, без которых уточнительная зависимость не будет очевидна¹³, например, «*His resolution... had been quite different, namely, so to bear himself through life as if the secret of his birth was not known to him...*» (W. M. Thackeray, *The history of Henry Esmond, Esq.*). Конъюнктивы уточнения образовались из некоторых строевых элементов сравнительных конструкций: *such as, such — as*, реже — *so — as*: «*Is there no such thing as an evil man...?*» (A. Christie, *The pale horse*).

Различие между обособленными приложениями и уточнениями провести не так трудно, поскольку отмеченным, рематическим горизонтантом, создающим связь, является второй. Кроме характерной для ремы постпозиции, об этом же говорит интонация. Большую трудность представляют необособленные горизонтанты: существительные со значением титула, ранга, профессии, степени родства, «прилепы вежливости» перед собственными именами, названия родового понятия перед географическими названиями, названиями различных объектов или просто иллюстрации, например, *Cousin Jolyon, Mrs. Copperfield, Dr. Mason, the River Thames, the morphete «ism*». Связь между ними относится к кореферентному включающему подтипу, однако трудно определить, является ли она аппозитивной или уточнительной. Согласно традиционной точке зрения, рематическим элементом (приложением) служит первый горизонтант. В пользу этого говорит соотношение с постпозитивным приложением: *Aunt Polly — Polly, his aunt*, употребление некоторых существительных без артикля, такие «престижные поправки», как *я вам не Сидоров, а младший сержант Сидоров, не Смит, а мистер Смит*. Некоторые авторы считают рематичным не пер-

¹² «Структурный синтаксис английского языка», стр. 80—82.

¹³ E. A. Nida, *A synopsis of English syntax*, The Hague, 1966, стр. 102.

вый, а второй элемент ¹⁴, тогда он является уточнением ¹⁵, а первый элемент — уточняемым. В пользу этого говорит порядок горизонтантов, ударность второго элемента и большая редукция первого (ср. сокращения на письме *Mr., Dr.*), а также согласование в роде и числе в ряде языков не со вторым компонентом, а с первым, например, *деревня Дубровка вся сгорела* ¹⁶. Вопрос о характере этих сочетаний в предлагаемой классификации остается спорным.

*

Горизонтальные связи устанавливаются как вторичная зависимость между членами предложения, одинаково подчиненными одному и тому же слову. Но закрепившись в языке, располагая своей системой формальных маркеров (конъюнкторов), горизонтальные связи приобретают в ряде конструкций самостоятельность и «работают» без поддержки подчинительных связей. Получается, что горизонтальные связи могут проецироваться за пределы обычной сферы своего действия. Конечно, имеется в виду не история возникновения, а структурные соотношения в синхронии.

1. Сочинительные связи могут устанавливаться между неоднородными членами предложения. Если оставить в стороне стилистический прием выдвижения через аномалию, то в качестве горизонтантов (в частности, соединенных сочинительными союзами) выступают единицы, объединенные либо в плане содержания, либо даже в плане выражения в каком-то ином отношении, чем отнесенность к одинаковым разрядам одного и того же члена предложения ¹⁷. Например, регулярно встречаются вопросительные и союзные местоимения или наречия: «Our actions are like ships which we may watch set out to sea and not know *when* or *with what cargo* they will return to port» (I. Murdoch, *The bell*); «I hope he give her *whichever* and *whenever* she wanted» (R. P. Warren, *The cave*). Регулярно выступают в одном ряду разные члены предложения, выражающие обобщение или неопределенность: «... *always* and *in all circumstances* we are by ourselves» (A. Huxley, *The doors of perception*); «...she should be well thought of *eternally* and *by everyone...*» (M. West, *The devil's advocate*); «Yes, *somehow* and *somewhere* and *always*, We were first when the trouble began» (R. Kipling). Можно найти группы разнородных членов предложения, включающие в свой состав одинаковые слова или морфемы: «...The Club ruled the Senate *in its own way* and *for its own ends...*» (G. Vidal, *Washington, D. C.*); *I've studied the Texas problem from many angles and for many years*» (J. Steinbeck, *Travels with Charley in search of America*).

2. Приложение может быть связано аппозитивной связью не с именем, а иметь в качестве аппозируемого все предшествующее предложение ¹⁸: «Curiously, the wall-paper looked as if it had been applied the previous day — *a curious and largely unexplained phenomenon in the Western Isles*» (A. Mac

¹⁴ N. A. Kобрина, Е. А. Корнеева, *An outline of modern English syntax*, М., 1965; Е. А. Nида, указ. соч., стр. 101.

¹⁵ Цитированные авторы называют его приложением, но это связано с неразработанностью горизонтальных связей.

¹⁶ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 330; L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959, стр. 165.

¹⁷ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 442—443; В. В. Виноградов, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, М.—Л., 1947, стр. 705; А. Г. Пospelова, *Сочинение разнооформленных синтаксических единиц в современном английском языке*. АҚД, Л., 1972; Я. Г. Биренбаум, *Сочетания из неоднородных членов предложения, связанных сочинительными союзами*, сб. «Вопросы германо-романской филологии», Улан-Удэ, 1965, стр. 163.

¹⁸ N. A. Kобрина, Е. А. Корнеева, указ. соч., стр. 63; F. A. Nида, указ. соч., стр. 100; B. Nаthаwау, указ. соч., стр. 176.

Lean, When eight bells toll). Такие приложения можно назвать с в о б о д н ы м и.

3. Распространены уточнения к именам, которые без этих имен не могут включаться в структуру предложения, т. е. не отвечают основному требованию горизонтальных связей. К таким с в о б о д н ы м у т о ч н е н и я м относятся следующие случаи: а) так называемые несогласованные приложения в русском языке, например, *Мы ехали на пароходе Ока*, в которых уточняющее название выступает именно как название¹⁹; б) придаточные предложения, раскрывающие содержание абстрактного существительного, которые часто называются аппозитивными, например, «But somewhere at the back of that mind is the vague knowledge *that he and his pals have been plundering and fooling everybody for generations*» (J. Osborne, Look back in anger); в) сюда же следует отнести инфинитивные конструкции, которые не включают уточняемое как член своей структуры: «She made no effort *not to sound surprised*» (G. Vidal, Washington, D. C.). Отличие таких инфинитивов-свободных уточнений от определительных инфинитивов, соединенных подчинительной зависимостью с именем, весьма значительно: они не имеют модального значения и не допускают после инфинитива отдельного предлога; г) есть еще некоторые виды уточнения, которые не ориентируются на форму уточняемого, а поэтому становятся свободными. А. Г. Поспелова приводит следующий пример: «He was old enough, *twelve years and a few months*, to have lost the prominent tummy of childhood»²⁰.

Свободное уточнение не входит в структурные связи предложения, а связывается только с уточняемым самим фактом включающей кореференции. Кроме линейного и интонационного включения в состав предложения, они маркируются стандартностью и синтагматической независимостью оформления, например, «исходным», именительным падежом.

4. Последним по порядку, но не по важности является вопрос о сложносочиненном предложении. Если сочинение — это одна из горизонтальных связей между соподчиненными единицами, то сложносочиненного предложения не существует. Именно к такому выводу пришла Л. Л. Иофик, которая считает, что объединение нескольких предложений между конечными знаками препинания при отсутствии лингвистически выраженной подчинительной связи — это единство не синтаксическое, а контекстуальное (смысловое) и пунктуационное²¹. О надежности знаков препинания для разграничения сложносочиненного предложения и нескольких простых предложений писали П. В. Чесноков²², о связи логической, но не грамматической — Ш. Балли²³, о том, как легко сложносочиненное предложение распадается на самостоятельные предложения — В. Г. Адмони²⁴. Мы считаем сложносочиненное предложение языковой реальностью в полном соответствии с лингвистической традицией, а горизонтальную связь между его частями, поддерживаемую всеми средствами выражения сочинения, объясняем экстраполяцией сочинительных связей членов предложения на уровень предикативных единиц. Экстраполироваться могут также

¹⁹ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 330.

²⁰ «Структурный синтаксис английского языка», стр. 82.

²¹ Л. Л. Иофик, Существует ли сложносочиненное предложение в английском языке, ФН, 1958, 2; «Структурный синтаксис английского языка», стр. 135.

²² П. В. Чесноков, Основные единицы языка и мышления, Ростов-на-Дону, 1960, стр. 148—149.

²³ Ш. Балли, указ. соч., стр. 66.

²⁴ В. Г. Адмони, [рец. на кн.:] Л. Л. Иофик, Сложное предложение в новоанглийском языке, ВЯ, 1970, 4, стр. 139—140.

и уточнительные связи без конъюнктора ²⁵ и с конъюнктором, например, «...I lived in Chelsea — *that is to say*, I had had a furnished flat there for the last three months...» (А. Christie «The pale horse»). Недооценка основополагающего соотношения подчинительных и горизонтальных связей частично отразилась в отказе от их противопоставления в бессоюзных сложных предложениях ²⁶, что закреплено в обеих академических грамматиках русского языка.

Отраженный характер горизонтальных связей в сложносочиненном предложении объясняет, почему могли возникнуть все эти точки зрения, и поддерживает положение А. М. Пешковского ²⁷ о том, что учение о подчинении и сочинении (точнее, о подчинительных и горизонтальных связях) является краеугольным камнем синтаксиса.

²⁵ См., например: Г. Н. А к с е н о в а, Интонационная структура бессоюзных пояснительных предложений в современном английском языке. АНД, М., 1971.

²⁶ S. K a r c e v s k i, Sur la parataxe et la syntaxe en russe, CFS, 1948, 7, стр. 33—36; Н. С. П о с п е л о в, О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений, сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950; В. А. Б е л о ш а п к о в а, Сложное предложение в современном русском языке, М., 1967, стр. 93.

²⁷ А. М. П е ш к о в с к и й, указ. соч., стр. 462; е г о ж е, Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?, «Родной язык в школе», М., 1926.

СОБОЛЕВА П. А.

ДЕФЕКТНОСТЬ ПАРАДИГМЫ
И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ТОЖДЕСТВО СЛОВА

Грамматическая вариативность парадигмы, как правило, предполагает семантическое тождество слова во всех его видоизменениях, так как основной признак формообразования — «принцип единства лексического значения всех форм слова и принцип их грамматической взаимосвязанности»¹. Е. С. Кубрякова, например, полагает, что формой слова может считаться только такая единица, которая сохраняет все его лексические значения. Форма слова «симметрична» относительно его основы в том смысле, что повторяет все ее значения. В противоположность формообразованию при словообразовании имеет место «асимметрия» в значениях производящего и производного². «Морфологическая парадигма, представляющая в общем виде образец системы форм одного слова, т. е. совокупность организованных определенным образом словоформ, реализующих одно слово, характеризуется следующими обязательными признаками: 1 — наличием константной лексемы, выражающей в парадигме идею тождества слова самому себе во всех его видоизменениях, и переменных формантов, выражающих все связанные с видоизменениями слова не-лексические преобразования; все преобразования, фиксируемые в парадигме, описываются по отношению к остающейся без изменения лексеме...»³. А также: «...единство слова организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм»⁴.

Семантическое тождество слова в пределах парадигмы в принципе не должно нарушаться отдельными случаями дефектности парадигмы. Дефектность парадигмы может быть следствием одной из трех причин:

а) структурной; например, по чисто формальным причинам невозможно образовать мн. число и падежные формы от слов типа *такси, жюри, рагу*⁵;

¹ См.: В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 108.

² Е. С. Кубрякова, О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении, ИАН СЛЯ, 1976, 6, стр. 523; Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева, О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании, сб. «Лингвистика и поэтика», М., 1979, стр. 13—14.

³ Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева, указ. соч., стр. 9. См. также статью Е. С. Кубряковой о парадигме в БСЭ³; ее же, О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках, сб. «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков», М., 1972, стр. 179 и сл.

⁴ В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН ОЛЯ, 1944, 1, стр. 34. Ср., однако, менее жесткую точку зрения А. В. Бондарко (А. В. Бондарко, Теория морфологических категорий, Л., 1976, стр. 76): «Для признания каких-либо словоформ формами одного слова... необходимо не только тождество лексического значения (по крайней мере одного из значений), но и наличие грамматической регулярности формообразования (разрядка наша. — П. С.)».

⁵ Ю. С. Маслов, Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках), сб. «Славянская филология», Л., 1964, стр. 88.

б) узуальной; например, мы говорим *меди, хрустали, бронзы*, но невозможно мн. число от слов *серебро, золото, олово, кофе*, хотя идея «сорт серебра, золота, олова, кофе» в принципе возможна. Мы говорим *организовать* — *организовывать*, *образовать* — *образовывать*, но неправильно *нападать* — **нападызять*, *использовать* — **использовлять*⁶;

в) семантической: «...явление грамматической дефективности чаще всего встречается там, где значение данной грамматической категории вступает в противоречие с лексическим значением соответствующих слов»⁷.

Так, формы сравнительной и превосходной степени невозможны для прилагательных типа *босой, полый*, т. е. для всех некачественных прилагательных. От глаголов в неопределенных значениях невозможно образовать форму совершенного вида. Так, у глагола *говорить* в значении «сообщать» есть супплетивная видовая пара *сказать*, а у этого же глагола в «потенциальном» значении «владеть речью, языком (человек говорит, а животное нет или *Он говорит по-французски*)» нет видовой пары (здесь и в дальнейшем утверждения о возможности либо невозможности образования видовой пары основываются на данных словарей либо цитируемых источников). Глагол *делать* в прямом и ряде переносных значений имеет префиксальную видовую пару: *делать* (задание) — *сделать* (задание), *делать* (ошибку) — *сделать* (ошибку), *делать* (выводы) — *сделать* (выводы) и т. д., но в значении «быть занятым (что ты делаешь сегодня вечером?)» у глагола *делать* нет видовой пары⁸. Мы говорим *заняться/заниматься* (делом, математикой), но только *заниматься* (в школе) и т. д.

От глаголов в непроцессуальном значении невозможно образовать форму несовершенного вида⁹. Так, мы говорим *обвинить/обвинять* в значении «признавать виновным», но только *обвинить* в значении «осудить». Тоже *осудить/осуджать* (чье-л. поведение), но только *осудить* в значении «приговорить (осудить на вечную каторгу, разлуку)», *доработать/дорабатывать* (статью), но *доработать* (до восьми часов) и др.

Имеются и семантические причины для числовой дефективности. Так, от существительных в абстрактном и собирательном значениях невозможно образовать форму мн. числа. А от существительных в значении сложносоставности или расчлененности (не до степени отдельного существования элементов) невозможно образовать форму ед. числа¹⁰. Например, слово *атмосфера* лишено форм множественного числа во всех значениях, кроме одного — специального. Обозначая в физике и технике единицу для измерения давления газообразных тел (равную 1,033 кг, или 1 кг на 1 см²), оно образует формы множественного числа. Слово *красота* в отвлеченно-качественном значении, а также в значении красивой привлекательной на-

⁶ Ю. С. М а с л о в, указ. соч., стр. 92—93, а также: «... в современном языке глагол *у л и з ы т ь* не имеет форм несовершенного-краткого вида — *у л и з ы в а т ь*. Однако ср. в письме И. П. Оденталя к А. Я. Булгакову (от 1 ноября 1812 г.): „официальные донесения о преследовании улызывающего по-французски неприятеля“» (В. В. В и н о г р а д о в, О формах слова, стр. 38).

⁷ Ю. С. М а с л о в, указ. соч., стр. 88.

⁸ Н. С. А в и л о в а, Вид глагола и семантика глагольного слова, М., 1976, стр. 33.

⁹ «На двух противоположных полюсах глагольной лексики расположены два ряда непарных глаголов несовершенного и совершенного вида, т. е., с одной стороны, глаголы, которые обозначают процессы, лишённые внутреннего предела и не поддающиеся моментализации, и, с другой стороны, глаголы, которые обозначают внезапные скачки и другие действия, не поддающиеся процессуализации» (Ю. С. М а с л о в, Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке, ИАН ОЛЯ, 1948, 4, стр. 316).

¹⁰ П. А. С о б о л е в а, Множественное словообразовательное и множественное словоизменительное. Иерархия значений, сб. «Переводная и учебная лексикография», М., 1979.

ружности употребляется только в единственном числе. Во множественном числе форма *красоты* получает новое значение: красивые места — то, что производит эстетическое впечатление (ср. *длинноты*). В слове крайность некоторые значения, а именно значения: 1) тяжелое опасное положение, 2) бедность, нужда, — связаны с формами только единственного числа. Напротив, значения крайней степени и крайней противоположности проявляются в формах единственного и множественного числа (ср. *крайности сходятся*). *Устой* в смысле моральных основ — *pluralia tantum*. Напротив, в техническом значении *устой* имеет формы обоих чисел¹¹.

Принято считать, что дефектность парадигмы такого рода не нарушает тождества слова: «Особенности в употреблении тех или других форм, в частности — неупотребление форм одного из чисел у существительных... образуют грамматические особенности, связанные с семантикой отдельных вариантов слова. Эти грамматические особенности... не унижают тождества слова, так как они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой... Так, если *стол* значит „питание“, то естественным представляется, что в таком значении это слово не употребляется во множественном числе, как не употребляется, например, и слово *питание*»¹².

В связи со сказанным выше, дефектность парадигмы представляется возможным разделить на два вида: случайную и закономерную. К случайной относится дефектность парадигмы, вызванная структурными и узуральными причинами. Дефектность парадигмы, возникающая благодаря семантическим причинам, как правило, носит закономерный характер и поддается систематизации. Регулярная дефектность парадигмы в области числа существительного и вида глагола приводит к регулярной асимметрии форм и значений в парадигмах имени и глагола. (Говоря о параллелизме при регулярной асимметрии в парадигмах имени и глагола, мы позволим себе отвлечься от различий в грамматических значениях, обусловленных спецификой соответствующих частей речи).

Назовем существительные и глаголы, все лексико-семантические варианты (ЛСВ) которых одинаково ведут себя по отношению к формам числа и вида, гомогенными, а существительные и глаголы, ЛСВ которых по-разному ведут себя по отношению к формам числа и вида — гетерогенными. У гомогенных слов все ЛСВ либо коррелируют по числу и виду, либо одинаково не коррелируют. У гетерогенных слов одни ЛСВ коррелируют по числу и виду, а другие не коррелируют, либо все не коррелируют, но не коррелируют по-разному. Гомогенным, например, является существительное *звезда*, оба ЛСВ которого («небесное тело» и «выдающийся актер») имеют соотносительные формы ед. и мн. числа. Также гомогенным является существительное *мрак*, оба значения которого (ср. *ночной мрак* и *мрак невежества*) имеют только форму ед. числа. Гомогенным является и существительное *ножницы*, оба ЛСВ которых (ср. *портновские ножницы* и *ножницы в оплате труда*) имеют только форму мн. числа.

Гетерогенными же будут такие существительные, как *стол*, первый ЛСВ которого («предмет мебели») коррелирует с формой *стола*, а второй («питание») не коррелирует; *акварель*, первый ЛСВ которого («краска») не коррелирует с мн. числом, а второй («полотно») коррелирует. Гетерогенным является слово *барашек/барашки*, ЛСВ которого «перисто-кучевые облака», «цветы ивовых растений» и «пенистые волны» не имеют соотносительного ед. числа, а ЛСВ «ягненок», и «шкурка молодого барана» имеют

¹¹ В. В. Виноградов, Русский язык (грамматическое учение о слове), 2-е изд., М., 1972, стр. 130.

¹² А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, «Труды института языкознания», IV, М., 1954, стр. 37. 38.

как ед., так и мн. число. Гетерогенным является и слово *слово*, ЛСВ которого «единица речи» имеет ед. и мн. число. ЛСВ «дар речи» и «выступление (прошу слова)» имеет только ед. число, а ЛСВ — «текст вокального произведения (романс Балакирева на слова Тютчева)» имеет только форму мн. числа.

Существительные, ни один ЛСВ которых не имеет совпадающих форм словоизменения, тоже гетерогенны, например, *сбережение* (зерна) — только ед. число и *сбережения* (трудовые) — только мн. число, *гонка* (вооружений) — ед. число и *гонки* (велосипедные) — мн. число, *выбор/выборы*, *бег/бега* и т. д. В области глагола гомогенными, например, являются парные по виду: *склеить/склеивать* (бумагу и что-либо жизнь), *установить/установивать* (шест и режим), *унести/уносить* (тяжелые вещи и ноги¹³), *вкратиться/вкрадываться* (в комнату и в доверие), а также глаголы, совмещающие в своей семантике разные способы действия, например: *объездить/объезжать* (лошадь и все страны), *перемолоть/перемалывать* (завано и весь кофе), *пересыпать/пересыпать* (вещи нафталином и муку)¹⁴.

В рассмотренных примерах сочетаются результативный и повторительный способы действия с дистрибутивным. Соответствующие им значения имеют соотносительные формы совершенного и несовершенного вида. К этому же типу гомогенности относятся и пары *выжить/выживать* (из дому и после болезни), где *вы-* в первом случае имеет локативное значение, и во втором — результативное; *стянуть* (войска и валенки), где *с* в первом случае выступает со значением совместности, а во втором — со значением удаления. Оба значения локативные и т. д. Гомогенными также являются и одновидовые глаголы *рухнуть* (о замке и надеждах), *хлынуть* (о воде и чувствах), *отшуметь* (о листве и молодости). Все значения данных глаголов имеют только форму совершенного вида. Гомогенными являются и глаголы, имеющие только форму несовершенного вида для всех значений, например, существовать (в природе и на скудные средства), *любить* (ребенка и музыку).

Гетерогенными глаголами являются такие как *заняться/заниматься* (делом, математикой), но *заниматься* (в школе), *пройти/проходить* (по

¹³ Значение глаголов в словосочетаниях типа *унести ноги*, *вкратиться в доверие* являются фразеологически связанными. Тем не менее они представляют собой самостоятельные ЛСВ соответствующих глаголов.

¹⁴ Здесь и в дальнейшем мы не делаем различия между полисемией глагола, возникшей из-за многозначности основ или многозначности префиксов. Как в том, так и в другом случаях, существенно наличие более чем одного ЛСВ в смысловой структуре производного глагола. Глаголы с многозначными префиксами [*просмотрел* (книгу)/*просмотрел* (ошибку), *заканал* (дождь)/*заканал* (тетрадь чернилами), *перечитал* (книгу)/*перечитал* (все книги) и под.] мы не считаем омонимами, так как между их значениями сохраняется живая семантическая связь через производящий глагол. (Ср. Ф. П. Филин: «... в производных словах, связь которых с исходными представлена достаточно ясно, омонимов в принципе не может быть: значения производного слова так или иначе объединяются значением исходного слова», «Лексикографический сборник», IV, М., 1960, стр. 60). Опосредованная связь значений производного слова через одно или более значение производящего или даже через несколько слов одного и того же словообразовательного гнезда — характерная особенность смысловой структуры производного. См.: П. А. Солева, Словообразовательная структура слова и типология омонимов, сб. «Проблемы структурной лингвистики. 1976», М., 1978, а также: P. A. Soboleva, Derivational word structure in the applicative grammar and the typology of homonyms, «Theoretische Linguistik in Osteuropa», Tübingen, 1976. Ср. другую точку зрения на префиксальные глаголы с многозначными (омонимичными?) префиксами: В. В. Виноградов, О грамматической омонимии в современном русском языке (1940), в кн.: «Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975, стр. 28; его же, Об омонимии в русской лексикографической традиции (1967), в кн.: «Избранные труды. Лексикология и лексикография», М., 1977, стр. 294; О. С. Ахматова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957, стр. 147—150; А. Н. Тихонов, Словообразовательные омонимы в русском языке, «Р. яз. в шк.», 1971, 1, и др.

мосту), но *проходить* (два часа), *осудить/осуждать* (чей-либо поступок), но *осудить* (на вечную каторгу), *обвинить/обвинять* в значении «полагать, считать виновным в чем-либо», однако только *обвинять* в значении «выступать в качестве судебного обвинителя, прокурора» и только *обвинить* в значении «вынести кому-либо обвинительный приговор; осудить». «Глагол *раздирать* не соотносится с глаголом *разодрать* в значениях „вызвать внутренний разлад“ (общество *раздирают* противоречия) и „терзать, причинять боль, вызывать мучение“ (печаль *раздирает* душу)»¹⁵. Гетерогенными являются и такие глаголы, каждый из ЛСВ которых имеет индивидуальную дефектность парадигмы. Например, *заблудиться* (в лесу) и *заблуждаться* (относительно кого-либо), *засесть* (в засаду) и *засесть* (на собрании), *преподать* (урок) и *преподавать* (в школе), *уважать* (человека) и *уважить* (просьбу), *задаться* (мыслью) и *задаваться* «воображать».

Типы дефектности парадигм числа и вида поддаются систематизации.

Первый тип дефектности по числу (I); одни ЛСВ — коррелирующие по числу, другие — *sing. tantum*; например: *стол, акварель, атмосфера, красота* и др., упомянутые выше.

Второй тип дефектности (II) по числу: одни ЛСВ — коррелирующие, другие — *plur. tantum*; например: *барашек/барашки* «от барашек» и *барашки* «волны, облака», а также *блошка/блошки* «от блоха» и *блошки* «костяные кружочки», *основа/основы* (техн.) и *основы* (математики), *верхушка/верхушки* (деревьев) и (нахвататься) *верхушек, зад/зады* (дворов) и (твердить) *зады*.

Третий тип дефектности по числу (III): одни ЛСВ — коррелирующие по числу, другие — *sing. tantum* и *plur. tantum*; например: *слово* (см. выше), *камень/камни* «обломок твердой породы», *камень* «твердая порода (добывать камень)» и *камни* «отложения минеральных солей (камни в печени)». Первые три типа дефектности по числу относятся к гетерогенным существительным.

Четвертый тип дефектности по числу (IV) — существительные *sing. tantum*; например: *мрак, чай, кофе*. Пятый тип дефектности по числу (V) — существительные *plur. tantum*, — *ножницы, шахматы, катакомбы*. Четвертый (IV) и пятый типы (V) относятся к гомогенным существительным. Шестой тип дефектности по числу (VI): одни ЛСВ — только *sing. tantum*, другие — только *plur. tantum*; например: *сбережение/сбережения, гонка/гонки, выбор/выборы, бег/бега, скачка/скачки, волнение/волнения*. Существительные шестого типа — гетерогенные.

Аналогично можно установить шесть типов видовой дефектности парадигмы у глагола (ср. со схемой типов глаголов у Ю. С. Маслова¹⁶).

Первый тип видовой дефектности: одни ЛСВ коррелируют по виду, другие — *perfect. tantum*. Например: *осудить/осуждать* (чь-либо поведение) и *осудить* (на вечное изгнание); *промыслить/промышлять* (извозом,

¹⁵ Примеры, в основном, заимствованы из монографии Н. С. Авилловой, «Вид глагола и семантика глагольного слова», (М., 1976, стр. 36).

¹⁶ Ю. С. М а с л о в, Заметки о видовой дефективности..., стр. 89, а также: е г о ж е, Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке; е г о ж е, Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании, сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962; е г о ж е, Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке, М.—Л., 1963, стр. 124—128, 155—156 и др.; А. В. Б о н д а р к о, указ. соч., стр. 89—99; см. также: Е. А. З е м с к а я, Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке, сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955; А. И. Тихонов, К вопросу о видовой парности глаголов в составе фразеологических единиц, «Труды Самаркандского гос. ун-та», Новая серия, 106, 1961; Н. С. Авиллова, указ. соч., М. А. Гловинская, К вопросу о значении видového противопоставления в русском языке, сб. «Лингвометодические вопросы преподавания русского языка на подготовительном факультете», М., 1977, стр. 16.

скотом), но *промыслить* (корм); *угодить/угождать* (кому-либо), но *угодить* (в яму)¹⁷, *доработать/дорабатывать* (статью), но *доработать* (до утра), *проговорить/проговаривать* (роль), но *проговорить* (весь вечер), *просмотреть/просматривать* (книгу), но *просмотреть* (ошибку) и т. д.

Второй тип видовой дефектности: одни ЛСВ — коррелирующие по виду, другие — imperfect. tantum. Например: *говорить/сказать*, но *говорить* (по-французски); *заняться/заниматься* (делом, спортом), но *заниматься* (в школе); *раздрать/раздирать* (тряпье), но (душу) *раздирают* (противоречия, сомнения); *изобразить/изображать* (старую Россию), но (картина) *изображает* (пожар); *успеть/успевать* (на поезд), но *успевать* (по математике); *отличиться/отличаться* (на уроках), но *отличаться* (здоровым климатом)¹⁸.

Третий тип видовой дефектности: одни ЛСВ коррелируют, другие — perfect. и imperfect. tantum. Например, рассмотренное выше *обвинить/обвинять* «находить виновным», *обвинить* «осудить» и *обвинять* «выступать обвинителем», а также *изобразить/изображать* (в виде бегемота), *изобразить* в значении «прост. сделать, устроить (Он нам такую музыку изобразил на цитре!)» — только совершенный вид и *изображать* «являть собою (Площадка изображала почти правильный треугольник)» — только несовершенный вид. Первые три типа дефектности видовой парадигмы характерны для гетерогенных глаголов.

Четвертый тип видовой дефектности — все ЛСВ perfect. tantum. См. выше *рухнуть, лынуть, отшуметь*, а также *окачуричься, скончаться, ужокошиться, закричать* и др.¹⁹. Пятый тип видовой дефектности — все ЛСВ imperfect. tantum. См. выше *существовать, любить*, а также *лежать, спать, голодать* и др.²⁰. Четвертый и пятый тип видовой дефектности относятся к гомогенным глаголам.

Шестой тип видовой дефектности касается глаголов, одни ЛСВ которых только perfect. tantum, и другие только imperfect. tantum. Это приволившиеся выше *заблудиться* (в лесу) и *заблуждаться* (относительно чего-либо), *засесть* (в засаду) и *заседать* (на собрании), *преподать* (урок) и *преподавать* (в школе), *уважать* (человека) и *уважить* (просьбу). А также *присесть* «сесть на короткое время» и *приседать* «отпускаться и подниматься» (ср. *насесть* — *наседать*, *воссесть* — *восседать* с тождественной семантикой) и *рассудить* «решить спор» — *рассуждать* «размышлять» (как правило, аспектологи такие пары считают не разными ЛСВ одного слова, а разными словами²¹). Глаголы шестого типа — гетерогенные. Как следует из изложенного, типы дефектных парадигм имеют идентичный характер для числа и вида.

Представим структуру дефектности парадигм числа и вида на схеме (см. стр. 43).

На схеме показаны типы числовых и видовых парадигм с точки зрения характера их неполноты (дефектности). Для целостности картины представлены и полные (недефектные) парадигмы (точка 014). Описанные выше типы дефектности числовых и видовых парадигм показаны на рисунке следующим образом: тип I — точка 0121, тип II — точка 0122, тип III — точка 0123, тип IV — точка 0211, тип V — точка 0212 и тип VI — точка 022. Типы числовой и видовой дефектности, относящиеся к точке 012, т. е. 0121, 0122 и 0123 можно назвать относительной числовой и видовой де-

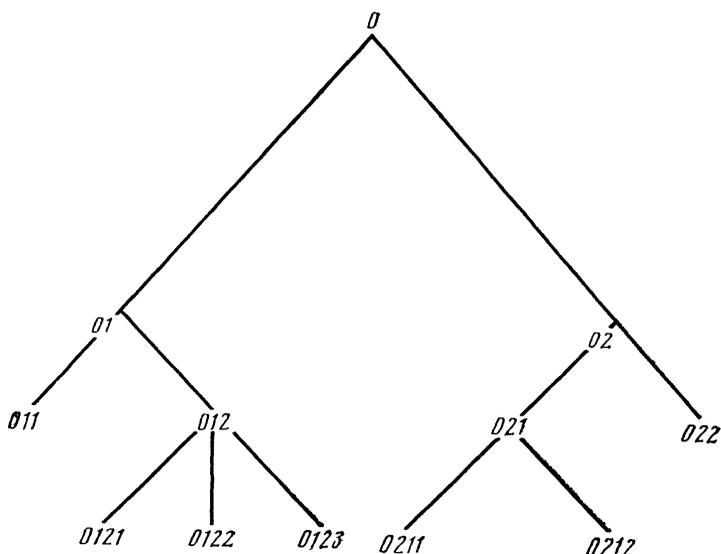
¹⁷ Последние три примера заимствованы у М. Я. Гловинской (указ. соч., стр. 16).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ю. С. М а с л о в, Заметки о видовой дефективности, стр. 82, 89, 92.

²⁰ Там же.

²¹ См., например: В. В. В и н о г р а д о в, О формах слова, стр. 38; А. В. Б о н д а р к о, указ. соч., стр. 76.

Схема

0 — N и V; 01 — коррелирующие ЛСВ; 02 — некоррелирующие ЛСВ; 011 — однородные sing./ plur.; perfect./ imperfect.; 012 — гетерогенные; 021 — однородные; 022 — гетерогенные sing. tantum; plur. tantum; perfect tantum; imperfect tantum; 0121 — sing./ plur.; sing. tantum; perfect / imperfect; perfect tantum; 0122 — sing. / plur.; plur. tantum; perfect / imperfect; imperfect tantum; 0123 — sing. / plur.; sing tantum; plur. tantum; perfect / imperfect; perfect. tantum; imperfect. tantum; 0211 — sing. tantum; perfect. tantum; 0212 — plur.tantum; imperfect. tantum.

фектностью. Типы числовой и видовой дефектности, относящейся к точке 02, т. е. 0211, 0212 и 022 можно назвать абсолютной числовой и видовой дефектностью²².

Рассмотренные типы видовой дефектности, в основном, касались суффиксальной имперфективации. Следует сказать несколько слов о префиксальной перфективации. Как она распределяется на схеме? Рассмотрим отдельно перфективацию с помощью так называемых пустых, десемантизированных приставок и случаи перфективации с лексическими — локативными, временными и количественными приставками.

Если считать, что пары типа *писать — написать*, *делать — сделать*, *строить — построить*, *сушить — высушить*, *взнуть — завзнуть*, *портить — испортить*, *готовить — приготовить*, *будить — разбудить* и др. являются видовыми формами одного и того же глагола²³, то тогда их следует отнести на схеме к точке 011, т. е. к глаголам с полной видовой парадигмой (в том случае, если все их ЛСВ ведут себя одинаково. Ср. гетерогенную пару *делать — сделать*). Если же придерживаться словообразовательной точки зрения и считать их парами производящее — производное²⁴, то тогда их следует распределить между точками 0211 и 0212, т. е. отправить производящие к категории imperfect. tantum, а производные — к perfect.

²² Ср. иное понимание абсолютной и относительной видовой дефектности у Ю. С. Маслова, Заметки о видовой дефективности, стр. 83—88.

²³ См., например: И. П. М у ч н и к, О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке, ВЯ, 1956, 6; А. Н. Т и х о н о в, К вопросу о чистовидовых приставках в современном русском языке. «Труды Самаркандского гос. ун-та», Новая серия, 118 — Исследования по русскому языку, 1962.

²⁴ См., напрмер, работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и Н. С. Авиловой.

tantum. Ю. С. Маслов называет такие пары «приблизительными видовыми парами» и относит формы несовершенного вида к «относительным imperfectiva tantum», а формы совершенного вида к «относительным perfectiva tantum». Аналогичный ход рассуждения можно применять к суффиксальным парам типа *махать/махнуть, мигать/мигнуть*.

Глаголы с лексическими приставками делятся на две категории: имеющие коррелятивные имперфективные пары и не имеющие, т. е. одновидовые. К первым относятся прежде всего глаголы с локативными приставками: *прйти — проходить, пронести — проносить*, (однако *пробежать*), *срести — сгребать, склеить — склеивать, сбросить — сбрасывать, увезти — увозить, унести — уносить, вкатить — вкатывать, вползти — вползать* (однако *вмонтировать*), *взлететь — взлетать, войти — входить* и др. Многие глаголы с темпоральными и квантитативными приставками тоже являются парными: интенсивно-детерминативные: *выжить — выживать, высидеть — высиживать, выстоять — выстаивать* (однако *выстрадать*); уменьшительно-детерминативные: *заехать — заезжать, забегать — забегать, завезти — завозить*; со значением следования: *запить — запивать, заест — заедать*; со значением предшествования: *предназначить — предназначать, предостеречь — предостерегать* (однако, *предвидеть*); интенсивно-дистрибутивные: *раззолотить — раззолачивать, разрумянить — разрумянивать, размазать — размазывать; рассмотреть — рассматривать, разглядеть — разглядывать* (однако *расслышать*) и др.

Перечисленные парные глаголы и им подобные являются глаголами с полной парадигмой и относятся на схеме к точке 011 [в том случае, если все их ЛСВ ведут себя одинаково. Ср., однако, гетерогенные пары типа *доработать/дорабатывать* (статью), но *доработать* (до утра), *просмотреть/просматривать* (книгу), но *просмотреть* (ошибку) и т. д.].

К одновидовым глаголам относятся ряд приставочных глаголов с темпоральными и квантитативными приставками определенных способов действия. Например, увеличительно-детерминативного способа действия: *проворчать, проездить, промечтать, проохотиться*; интенсивно-начинательные: *взволноваться, взывать, взмокнуть* (однако *взвизгнуть — взвизгивать, вскрикнуть — вскрикивать*), «возвышенно»-начинательные: *возгордиться, возликовать, возлюбить, возмечтать*; нейтрально-начинательные: *замелькать, запахнуть, заползать, зашевелить; побегать, побрести, повести, погнаться*; «нейтрально»-детерминативные: *побеседовать, позаниматься, покурить, поработать, почитать*; окончательного способа действия: *отгреметь, отобедать, отцвести, отшуметь*; однократного способа действия: *сжужльничать, слетать, слупить, сгрубить, согрешить, схитрить*; интенсивно отрицательно-результативные: *угонять, уездить* (однако *укачать-укачивать*); интенсивно-стативные: *улежать, усидеть, утерпеть* и др.

Относительно префиксальных глаголов с лексическими (точнее словообразовательными) приставками мнение современных аспектологов едино: все они являются производными словами по отношению к соответствующим парам несовершенного вида: *петь — запеть, бегать — побегать, обедать — отобедать, курить — покурить, жужльничать — сжужльничать, терпеть — утерпеть* и др.

Согласно нашей классификации дефектных парадигм, формы несовершенного вида таких глаголов должны быть отнесены к точке 0212, т. е. imperfect. tantum, а формы совершенного вида — к точке 0211, т. е. perfect. tantum. Это абсолютно одновидовые глаголы. Гетерогенность существительных относительно категории числа и глаголов относительно категории вида представляет определенное затруднение для лексикографов (на схеме дефектности парадигм это точки 012 и 022). Так, тип дефектно-

сти II (точка 0122, sing./plur.; plur. tantum), получает различную трактовку в словарях: например, pluralia tantum *барашки* «небольшие белые пенные волны, а также небольшие перисто-кучевые облака», в словаре С. И. Ожегова²⁵ дается в словарной статье, отдельной от *барашек/барашки* «ягненок; выделанная шкурка молодого барана». В четырехтомном словаре русского языка²⁶ эти же лексико-семантические варианты даются в одной и той же словарной статье. То же самое касается pluralia tantum *блошки* «костяные кружочки» и *блошка/блошки* «уменьшительное от блоха». В словаре Ожегова это разные слова-омонимы, а в четырехтомнике — лексико-семантические варианты одного и того же слова. В то же время *основы* (основы математики), *верхушки* (нахватался верхушек), *зады* (твердить зады) и др. в обоих словарях подаются вместе с ЛСВ, коррелирующими по числу. Это непоследовательно, так как характер семантической связи между коррелирующими и некоррелирующими ЛСВ во всех случаях одинаков, а именно метафорический.

В типе дефектности VI точка 022 — sing. tantum; plur. tantum, где отсутствуют коррелирующие по числу ЛСВ, наблюдается аналогичная непоследовательность. Так, *скачка* «быстрое передвижение»/скачки «соревнования» и *бег/бега* (с такой же разницей в значениях) даются как разные слова в Словаре Ожегова и как одно слово в четырехтомнике. В то же время *выбор* (платья, жениха)/выборы (в местные советы) или *сбережение* (зерна)/(трудовые) *сбережения* в обоих словарях трактуются одинаково, а именно, как разнооформленные ЛСВ одного и того же слова.

Что же касается глагола, то лексикографов озадачивает примерно тот же тип гетерогенности, а именно дефектность I, II и III. Правда, что касается дефектности типа VI, то, как правило, она решается однозначно. Слова типа *засесть* (в засаду)/заседать (на собрании), *присесть* (на край стула)/присесть (десять раз), *заблудиться* (в лесу)/заблуждаться (относительно чего-либо), *задаться* (целью)/задаваться «воображать» даются в различных словарных статьях, т. е. считаются разными словами.

Рассмотрим, как трактуют словари видовую дефектность I (точка на схеме 0121 — perfect./imperfect.; perfect. tantum. Так, *угодить/угождать* (начальству) и *угодить* (в начальники, в яму) в Словаре Ожегова — ЛСВ и, следовательно, формы одного слова, а в четырехтомнике — разные слова с отдельными коррелирующими по виду значениями. Точно так же оба словаря трактуют слова *доработать/дорабатывать* (статью) и *доработать* (до трех часов), *проговорить/проговаривать* (слова, роль) и *проговорить* (очень долго). В обоих случаях это либо ЛСВ и формы одного слова, либо разные слова с отдельными коррелирующими ЛСВ.

Аналогичную картину наблюдаем в области дефектности II точка 0122 — perfect./imperfect; imperfect. tantum. Так, в семнадцатитомном словаре русского литературного языка²⁷ глагол *заняться/заниматься* (делом, спортом, математикой), но *заниматься* (в школе) приводится в одной словарной статье, причем форма imperfect. tantum не выделяется ни как отдельное значение, ни даже как отдельное употребление. В Словаре Ожегова и четырехтомном словаре формы совершенного и несовершенного вида даются в разных статьях. В обоих случаях выделяется значение «учиться» в форме несовершенного вида.

Пара *изобразить/изобразать* (жизнь, страдания), но (картина) *изображает* (берег моря) в Словаре Ожегова дается в одной словарной статье.

²⁵ С. И. О ж е г о в, Словарь русского языка, М., 1978, стр. 36.

²⁶ «Словарь русского языка», М., 1957—1961.

²⁷ «Словарь современного русского литературного языка», (в семнадцати томах), М. — Л., 1950—1965.

В четырехтомнике формы совершенного и несовершенного вида даются в разных словарных статьях, с отсылкой к коррелирующим значениям.

То же самое касается дефектности типа III точка 0123 — perfect./imperfect.; perfect. tantum; imperfect. tantum. Глагол *обвинить/обвинять* «считать виновным», *обвинить* «осудить» и *обвинять* «выступать судебным обвинителем» в Словаре Ожегова дается как одно слово (последнее значение не выделяется). В четырехтомнике он разорван на два слова: *обвинить* (сов. вид), и *обвинять* (несов. вид), коррелирующие в некоторых значениях.

Расхождение мнений лексикографов относительно слов с дефектностью парадигмы в точках схемы 012 и 022, т. е. в области именно гетерогенных образований, говорит о том, что здесь вопрос о семантическом тождестве слова стоит особенно остро²⁸, хотя для лексикографов, по-видимому, не вызывает сомнения тождество слова при дефектности 0121 (*стол* «предмет мебели» и «пища») в области числа и нетождественность слов при дефектности 022 [*засесть* «спрятаться»]/*заседать* «быть на заседании» *задасться* (мыслью)/*задаваться* «воображать»] в области вида, однако оснований для ясности здесь не больше, чем в остальных случаях. Скорее всего, здесь действует сила традиции.

О чем свидетельствует общая картина дефектности числовых и видовых парадигм?

Картина дефектности числовых и видовых парадигм является одновременно картиной регулярной асимметрии формы и значения в области числа и вида. Последнее может давать основание для отнесения форм вида и числа не к словоизменению, а к словообразованию²⁹. Если же считать, что вид (имперфективация) глагола и число существительного представляют собой словоизменительные категории, то следует ослабить требования к критериям тождества слова³⁰.

Очевидно, слово следует считать тождественным самому себе, несмотря на дефектность парадигмы, при условии ожидаемо-предсказуемых сдвигов значения — метафорических, метонимических, генерализации значений и т. п., свойственных данному синхронному состоянию языка. Так, например, *камни* в смысле «камнепочечная болезнь» метафорически связывается с *камень/камни* в значении «обломок/обломки твердой породы». *Слова* как «текст вокального произведения» является синекдохой по отношению к *слова* «единицы языка». *Сбережение* и *сбережения* связываются как действие и результат, т. е. метонимически. В паре *заблудиться/заблуждаться* имеет место метафоризация конкретного значения «потерять дорогу», которое переосмысливается в абстрактное значение «ошибаться». Ср. *потерять дорогу* и *потерять мысль*. То же *раздирать/раздирать* (тряпье) и (душу) *раздирают* (сомнения). В том же случае, когда семан-

²⁸ См. предложение А. В. Бондарко относительно подачи в словарях видовых пар с дефектной парадигмой (указ. соч., стр. 96—97).

²⁹ Отнесение видовых форм к словообразованию было распространенным явлением в отечественной грамматической традиции. См., например: Н. П. Дурново, Грамматический словарь, М., 1924, стр. 109; Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945, стр. 168; Е. Д. Поливанов, Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком, Ташкент, 1934, стр. 117; S. Karsévskij, Système du verbe russe, Prague, 1925, стр. 95—96; Н. С. Авилова, указ. соч., стр. 37 и 144. В современной аспектологии, однако, большинство исследователей относят видообразование (прежде всего имперфективацию) к грамматике. Что же касается категории числа существительных, то и тут имеется традиция рассматривать ее не как словоизменительную категорию, а как словообразовательную. См., например: Н. П. Дурново, указ. соч., стр. 142; Ф. Ф. Фортунатов, Избр. труды, I, М., 1956, стр. 182; П. С. Кузнецов, О принципах изучения грамматики, М., 1961, стр. 95 и др.

³⁰ Ср., например, значительное ослабление требования к тождеству слова у А. В. Бондарко (указ. соч., стр. 76).

тические отношения между разноформленными значениями не укладываются в рамки допустимой для данного языка полисемии, их нельзя рассматривать в пределах одного и того же слова: *очко/очки*, *городок* «маленький город»/*городки* «игра», *осадить* (лошадь)/*осаждают* (крепость), *угодить/угождать* (кому-либо) и *угодить* (в яму).

Для признания слова тождественным самому себе несущественно совпадение форм словоизменения для всех его лексико-семантических вариантов. Разные лексико-семантические варианты одного и того же слова могут принимать как одинаковые, так и разные формы словоизменения (ср. также англ. *hang* — *hung* — *hung*, *hang* — *hanged* — *hanged*, которые, с нашей точки зрения, не разные слова, а разноформленные лексико-семантические варианты одного и того же слова). Существенна лишь живая семантическая связь лексико-семантических вариантов, допускаемая синхронной полисемией. Таким образом, лексема остается константой при морфологической вариативности и вариативности словообразовательных структур³¹ в условиях сопровождающей их допустимой для данного синхронного состояния языка полисемии.

В свете сказанного наиболее адекватным способом подачи видовых форм в словарях представляется такой же способ, какой используется в большинстве случаев для числовых форм. Соотносительные формы не разрываются, а приводятся в одной статье. При одновидовых, как и при одночисловых значениях должны стоять пометы: «только несов. в.» или «только сов. в.» (как при одночисловых стоят пометы: «только ед.» или «только мн.»). Такой способ подачи видовых форм принят в семнадцатитомном словаре литературного русского языка. Способ подачи видовых форм, принятый в Словаре Ожегова и в четырехтомном академическом словаре менее удобен: формы совершенного и несовершенного вида разорваны и подаются в отдельных статьях. Статьи же отягощены перекрестными ссылками на коррелирующие значения. Помимо неудобства при пользовании, такой способ подачи видовых форм не отражает, с нашей точки зрения, реальной языковой ситуации.

В любом случае вопрос о способе подачи видовых и числовых пар должен решаться единообразно, ибо, как явствует из схемы, имеется глубокое внутреннее родство между категорией числа существительного и категорией вида глагола, о чем писали, в частности, Ю. С. Маслов и Н. С. Авилова³². И та и другая категория дают количественную характеристику явлениям, предметам либо действиям.

И, наконец, из схемы можно сделать вывод о том, что такие грамматические категории, как число существительного и вид глагола, обслуживают не слово в целом, а лексико-семантические варианты слова. Очевидно, к подобным категориям относится и залог глагола, но это требует специального исследования. В отличие от категорий, обслуживающих ЛСВ, такие категории, как падеж и род существительного, время и наклонение глагола, обслуживают слово в целом³³.

Возможно ставить вопрос о разбиении морфологических категорий на категории, обслуживающие слова, и категории, обслуживающие лексико-семантические варианты слов.

³¹ П. А. С о б о л е в а, Словообразовательная структура слова и типология омонимов, сб. «Проблемы структурной лингвистики. 1976», М., 1978, стр. 32.

³² Ю. С. М а с л о в, Заметки о видовой дефективности, стр. 91, Н. С. А в и л о в а, указ. соч., стр. 57.

³³ Ср. классификацию морфологических категорий А. В. Бондарко по признаку коррелятивности форм в пределах слова (указ. соч., стр. 76—99).

УМАРХОДЖАЕВ М. И.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОГРАФИИ

Фронтальное и глубокое исследование лексико-семантических систем различных языков привело в свое время к выводу о целесообразности выделения устойчивых словесных комплексов, имеющих свои категориальные признаки в отличие от слов как единиц лексикологии. Именно эти комплексы стали предметом изучения новой дисциплины — фразеологии, в задачи которой входит исследование внутренних и внешних законов развития и образования фразеологических единиц (ФЕ), а также правил комбинации словесных знаков в составе устойчивых словесных комплексов и семантических и грамматических особенностей ФЕ разных типов.

Фразеологические исследования в нашей стране достигли в последние пятнадцать — двадцать лет внушительного размаха¹. Особенно детально исследованы устойчивые словесные комплексы славянских, романо-германских и некоторых тюркских языков как с точки зрения механизма образования, так и со стороны их структурно-семантических особенностей в рамках той или другой классификации. Рассматривались также парадигматические и синтагматические особенности устойчивых словесных комплексов разных языков. Достаточно аргументированно был показан исследователями на материале различных языков факт вхождения ФЕ в основную ткань языка, где они образуют свою самостоятельную фразеологическую систему². Все эти теоретические достижения современной фразеологии не могли не оказать положительного влияния на словарную обработку фразеологического материала, хотя в большей мере «фразеологическая теория создается без оглядки на практику и приобретает поэтому слишком умозрительный характер»³.

В связи с этим следует отметить, что материал фразеологии все больше и больше привлекает внимание, с одной стороны, составителей толковых и двуязычных лексических словарей, а с другой, — фразеологических словарей. Однако структурно и семантически разнообразные устойчивые словесные комплексы традиционно либо стихийно включались в толковые и двуязычные лексические словари, либо искусственно выделялись в «ромбовую» часть, или же случайным образом привлекались в качестве иллюстративного материала к определенному слову, что, по справедливому замечанию Л. В. Щербы, «по недоразумению считается украшением всякого словаря»⁴.

Так, составители толкового словаря казахского языка используют ФЕ в качестве лишь иллюстративного материала⁵, в академическом словаре

¹ Ср.: И. И. Чернышева, Актуальные проблемы фразеологии, ВЯ, 1977, 5, стр. 34.

² Подробно об этом см.: В. Л. Архангельский, Устойчивые фразы в современном русском языке, Ростов-на-Дону, 1964.

³ А. М. Бабкин, Русская фразеология, ее развитие, источники и лексико-графическая разработка, ДД, Л., 1968, стр. 6.

⁴ Л. В. Щерба, Предисловие [к «Русско-французскому словарю»] в его кн.: «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, стр. 311.

⁵ Ср.: С. К. Кенесбаев, Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка. Тезисы доклада, Алма-Ата, 1960, стр. 3.

русского языка «трудно найти следы или отражение какой-нибудь фразеологической теории»⁶, а у редакторов нового словаря английского языка Уэбстера нет, по-видимому, ясного правила о том, какие идиомы следует разбирать, а какие — нет»⁷. К тому же вопрос расположения ФЕ в таких словарях всегда являлся камнем преткновения в работе лексикографов⁸. Совместное лексикографическое описание во многом отличных друг от друга и с точки зрения плана выражения, и с точки зрения плана содержания языковых явлений не могло не вызвать целый ряд трудноразрешимых проблем. А. И. Молотков по этому поводу замечает: «Специфическое во фразеологизме, отличающее фразеологизм от слова, не оправдывает симбиоза в лексикографическом описании фразеологизма и слова. В толковых словарях слов, например, фразеологизм искусственно „привязывается“ к какому-нибудь слову или, тем более, — к какому-нибудь значению слова, не будучи ни по своему значению, ни по форме фактически связанным с этим словом или с каким-то значением этого слова»⁹.

Последнее обстоятельство обусловило появление ряда кандидатских диссертаций, а также многочисленных научных статей, посвященных принципам совместной лексикографической обработки ФЕ и слова при составлении толковых и двуязычных словарей на материале самых различных языков¹⁰.

Однако такие вопросы, как критерии выделения ФЕ, принципы их отбора и подачи, а также их расположение в рамках одноязычных и двуязычных лексических словарей, не нашли еще в полной мере научно обоснованного и практически оправданного решения. Именно поэтому со всей очевидностью встал вопрос о создании специальных толковых и двуязычных фразеологических словарей русского и других языков народов Советского Союза. В резолюциях научно-теоретических конференций по проблемам составления различных типов словарей отмечалась необходимость создания национальных фразеологических словарей языковедческими институтами, учеными АН СССР и Академиями наук союзных республик¹¹.

⁶ В. В. Виноградов, О некоторых вопросах теории русской лексикографии, ВЯ, 1956, 5, стр. 80.

⁷ У. Вайнрайх, [рец. на кн.:] «Webster's Third New international dictionary», ВЯ, 1965, 1, стр. 130.

⁸ Ср.: Н. И. Фельдман, Вопросы русско-японской лексикографии, ДД, М., 1970, стр. 68.

⁹ А. И. Молотков, Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, стр. 239.

¹⁰ См., например: З. Ионикайте, Фразеология в словаре литовского языка. АКД, Вильнюс, 1963; М. М. Пашаева, Принципы отбора и перевода русских фразеологических единиц в русско-азербайджанском словаре. КД, Баку, 1963; С. Т. Наурузбаева, Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражение в каракалпакско-русском словаре. КД, М., 1967; Г. Д. Флапоский, Лексикографическая обработка фразеологических единиц в кратких толковых словарях (на материале современных английских и американских словарей). КД, М., 1969; К. Амангельдиева, Принципы подачи фразеологизмов в туркменско-русском словаре. КД, Ашхабад, 1970.

¹¹ Так, в 1961 г. на Ленинградской конференции обсуждались проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка. В Баку в 1964 г. состоялось IX Всесоюзное координационное совещание, на котором большое внимание было уделено проблеме составления фразеологических словарей национальных языков Союза ССР. В резолюции совещания, в частности, говорилось: «Признать создание фразеологических словарей национальных языков одной из существенных и необходимых задач советской филологической науки, так как словари этого типа являются действенными пособиями по культуре речи и раскрывают богатство национальных языков в их своеобразии и стилистической выразительности. Желательно и необходимо создание как специальных толковых фразеологических словарей, так и двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей, обеспечивающих возможность высококачественных переводов с одного языка на другой» («Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Тезисы докладов», Баку, 1968, стр. 171).

Изложенные факты, а также новые теоретические идеи фразеологии и лексикографии позволяют поставить вопрос о необходимости выделения самостоятельного раздела современной лексикографии — ф р а з е о г р а ф и ¹², — предметом которой является разработка теоретических и практических методов и принципов составления различных типов фразеологических словарей. Возникновение фразеологии является естественным результатом развития фразеологии в нашей стране и обусловлено непосредственным выходом ее теоретических положений в словарную практику. Кроме того, постановка вопроса о выделении фразеологии в качестве самостоятельной отрасли лексикографии связана также с особенностями нашего многонационального государства, где широко издаются национальные толковые, переводные и фразеологические словари.

Говоря о консолидации лексикографии как особой научно-практической дисциплины, с одной стороны, и ее дифференциации на отдельные отрасли в соответствии с типами и назначением словарей — с другой, И. Г. Ольшанский вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает: «Аспекты лексикографии превращаются в относительно самостоятельные направления теоретической и практической деятельности, такие, как идеография, фразеология, паремнография, терминологическая лексикография или терминография, двуязычная (переводная), коллоквиальная, статистическая, учебная лексикография» ¹³.

Каковы основания выделения фразеологии в самостоятельный раздел общей лексикографии? На наш взгляд, оно обусловлено, по крайней мере, тремя обстоятельствами.

1. Как уже было сказано выше, симбиоз в лексикографическом описании фразеологизма и слова не всегда оправдан и желателен, ибо «пришло время перестать рассматривать фразеологическую часть лишь в роли придатка к словарной статье, посвященной слову и сделать фразеологическую единицу самостоятельным объектом не только лексикографии, но и фразеологии» ¹⁴. Небезынтересным в этом свете является то обстоятельство, что составители нового академического Словаря русского языка, вопреки историческим традициям словарного дела, выступили с предложением о выделении фразеологии в отдельные тома ¹⁵. По этому поводу А. В. Кунин пишет: «Выделение фразеологии в отдельные тома и фразеологический „отрыв“ ее от слова — естественный результат становления фразеологии как научной дисциплины и развития вместо теории эквивалентности фразеологических единиц и слова теории соотношенности некоторых типов фразеологизмов со словом» ¹⁶.

2. Выделение фразеологии диктуется необходимостью создания научно обоснованных толковых и двуязычных фразеологических словарей национальных языков Советского Союза. Именно это обстоятельство, по всей вероятности, ставит на повестку дня решение ряда общих и частных вопросов фразеологии. Пока еще в этом направлении имеются немногочисленные теоретические исследования. Среди них следует прежде всего назвать докторскую диссертацию А. М. Бабкина, посвященную лексико-

¹² Термин «фразеология» употребляется нами начиная с 1970 г. и, думается, он своим содержанием покрывает как вопросы теории словарей этого типа, так и практику их построения. См. также: М. У м а р х о д ж а е в, Bemerkungen zur phraseologischen Forschung in der UdSSR, «Sprachpflege», 4, 1971.

¹³ И. Г. О л ь ш а н с к и й. О некоторых тенденциях в современной немецкой лексикографии, «Ин. яз. в шк.», 1977, 6, стр. 21.

¹⁴ А. М. Б а б к и н, Новый академический словарь русского языка. Проспект, Л., 1971, стр. 37.

¹⁵ Там же.

¹⁶ А. В. К у н и н, К вопросу о лексикографической разработке русской фразеологии, в кн.: «Современная русская лексикография», Л., 1977, стр. 179.

графической разработке русской фразеологии, и специальные главы докторских диссертаций А. В. Кунина (посвященные принципам составления англо-русского фразеологического словаря) и А. И. Молоткова (разрабатывающие общие проблемы составления фразеологических словарей русского языка). Наряду с этим, написано несколько кандидатских диссертаций, посвященных вопросам составления толкового, двуязычного, многоязычного и синонимического ¹⁷ фразеологического словаря разных языков.

Следует особо подчеркнуть, что фразеография, с одной стороны, как раздел лексикографии, ставит на повестку дня ряд общелингвистических проблем, успешное решение которых возможно только совместными усилиями ряда лингвистических дисциплин, а с другой — теоретические и практические результаты, полученные фразеографией, не могут не быть полезными для других дисциплин, прежде всего для формирования фразеологии как самостоятельной научной дисциплины. Наряду с этим, хочется отметить, что фразеография, основываясь на научных принципах составления фразеологических словарей, не только руководствуется основными лингвистическими понятиями и новейшими достижениями, но и творчески преломляет их с учетом реальных нужд фразеографии и заново их решает в прикладных целях.

С теоретической и практической точки зрения небезынтересным является и то обобщение и осмысление большого количества фразеологических словарей, издаваемых в нашей стране и за рубежом, изучение которых, конечно, также входит в задачу фразеографии.

3. Выделение фразеографии связано, наконец, с неразработанностью твердо определенных типов фразеологических словарей и отсутствием специальных инструкций для составления каждого типа словаря, ибо имеющиеся на сегодняшний день словари весьма неопределенны по своему характеру и назначению ¹⁸.

После того как мы кратко рассмотрели вопрос о правомерности и целесообразности выделения фразеографии, возникает естественный вопрос, какие же проблемы фразеографии являются на сегодняшний день актуальными?

Среди актуальных проблем фразеографии, а также и фразеологии, следует, на наш взгляд, прежде всего назвать вопрос об определении строгих категориальных признаков ФЕ и установлении статуса ФЕ как самостоятельной единицы языка. С учетом всего достигнутого во фразеологии мы, к сожалению, из-за различия точек зрения на объем и границы фразеологии, до сих пор не располагаем сведениями о хотя бы приблизительно количественном составе ФЕ того или иного языка, что нам представляется

¹⁷ См.: Д. Г. М а л ь ц е в а, Лексикографические проблемы фразеологии современного немецкого языка. КД, М., 1970; Г. П. П о м и г у е в, Построение словарных дефиниций во фразеологических словарях английского языка. КД., Л., 1974; Л. Э. О р л о в с к а я, Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и латышского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря. КД, М., 1969; Е. Г. Б а г а т у р о в а, Лексикографическая проблематика русской фразеологии (на материале русско-армянского фразеологического словаря). КД, Ереван, 1972; Д. И. К в е с е л е в и ч, Основные проблемы лексикографической разработки фразеологии в русско-английском фразеологическом словаре. КД, Житомир, 1973; А. Н. И н ж е в а т к и н а, Лексикографическая разработка фразеологии польского языка в польско-русском фразеологическом словаре учебного типа. АКД, Л., 1974; М. И. У м а р х о д ж а е в, Принципы составления многоязычного фразеологического словаря. КД, М., 1972; е г о ж е, Очерки по современной фразеографии, Ташкент, 1977; М. И. С и д о р е н к о, Принципы составления словаря фразеологических синонимов. КД, Л., 1962.

¹⁸ В связи с этим возникает вопрос о том, какие фразеологические словари нам нужны, какие из них более существенны по сравнению с другими и на составлении каких словарей необходимо сосредоточить главные силы?

чрезвычайно важным не только для теории фразеологии и фразеографии, но и для методики преподавания языка, для составления различных учебников и пособий, и, конечно, для выявления минимума, которым должны владеть учащиеся и студенты. Без предварительного решения данного вопроса нельзя приступить к отбору ФЕ для словаря, ибо вопрос, какие ФЕ и на каком основании включаются в словарь, а какие и на каком основании не включаются, связан решающим образом с последним. Не вдаваясь в подробное рассмотрение преимуществ и недостатков выдвигаемых лингвистами различных категориальных признаков ФЕ и основ предложенных ими классификаций фразеологического материала того или иного языка, хотелось бы особо заметить, что любой дифференциальный признак ФЕ и любая фразеологическая классификация должны быть приемлемы и плодотворны не только в отношении изучения семантической системы фразеологии, но и в отношении составления фразеологических словарей. Другими словами, отдельные классификации, предложенные фразеологами, не учитывают фразеографическую значимость, т. е. ими или слишком широко или слишком узко трактуется объем и границы фразеологизмов, что в обоих случаях ставит фразеографию в затруднительное положение при отборе фразеологического материала для словаря.

Если, например, исходить из широкого понимания объекта фразеологии как «сочетаемости лексем», предложенного М. М. Копыленко и Э. Д. Поповой, то фразеологический материал, подлежащий включению в фразеологический словарь, станет безграничным. Узкое же понимание объекта фразеологии, т. е. выделение лишь одного разряда устойчивых словесных комплексов, неоправданно оставляет вне словаря многочисленные ФЕ, что характерно для теоретической концепции А. И. Молоткова и созданного под его редакцией фразеологического словаря русского языка. Кстати, этот довольно солидный словарь содержит всего около 4000 фразеологизмов. При таком подходе возникает естественный вопрос, объектом каких типов словарей являются столь распространенные устойчивые словосочетания, как *девичья память*, *телячий восторг*, а также многочисленные пословицы и поговорки, которые не включаются в вышеуказанный словарь? Нам думается, что при фразеографическом отборе исходного материала для словаря необходимо учитывать практическую нецелесообразность составления отдельных словарей для каждого разряда устойчивых сочетаний слов.

Если указанные вопросы представляют узловую проблематику и фразеологии и фразеографии, то существует целый ряд проблем, составляющих проблематику чисто фразеографического характера. Наиболее актуальной из фразеографических проблем является проблема типологии фразеологических словарей.

О важности типологии словарей писал еще в 1940 г. Л. В. Щерба: «Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается. Между тем, в основе его лежит ряд теоретических противоположений, которые и необходимо вскрыть»¹⁹. Все это можно распространить и на фразеографию. Предварительный анализ многих одно-, дву- и многоязычных фразеологических словарей (английского, немецкого, русского, болгарского, французского, итальянского, португальского, испанского, польского, румынского, чешского, японского, узбекского и других языков) дает возможность сделать некоторые выводы о количественном и качественном

¹⁹ Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, в кн.: Л. В. Щ е р б а, Языковая система и речевая деятельность, стр. 265.

составе фразеологического материала, а также о целевом назначении и типовой структуре этих словарей. Количественный и качественный состав анализируемых фразеологических словарей выявляет пеструю и противоречивую картину отбора и обработки фразеологического материала. Причиной этого, как нам кажется, является неразработанность типологии фразеологических словарей и неопределенность целевого назначения и адресата словаря. Однако типология фразеологических словарей является одним из узловых вопросов теории фразеологии — она отражает типологию фразеологического состава языка и затрагивает проблемы объема словаря и его организации.

Основываясь на традиционных принципах типологии словарей в лексикографии, возможно создать аналогичную типологию во фразеологии: по охвату материала, по назначению, по методам (приемам) обработки включаемого материала и количеству языков.

Между тем, ключевым вопросом при типологизации фразеологических словарей является учет целевого назначения словаря, т. е. учет того факта, для чего и для кого он составляется. От этого зависит качественная и количественная разработка любого типа фразеологического словаря, а также особенности обработки включаемого материала.

С целью упорядочения разноколичественных и разнокачественных фразеологических словарей разных языков и для целенаправленного составления одно-, дву- и многоязычных фразеологических словарей нам представляется целесообразным сосредоточить главное внимание фразеологов на разработке следующих разделов фразеологии: 1) теории и практики составления одноязычных фразеологических словарей; 2) теории и практики составления двуязычных фразеологических словарей; 3) теории и практики составления фразеологических словарей учебного типа.

Каждый из этих разделов, безусловно, имеет свою практическую историю, на которую следует опираться при создании новых словарей. В качестве примера может служить немецкая одноязычная фразеология, имеющая давнюю историю от составления различного рода справочников по фразеологии до недавно вышедшего двухтомного лексикона фразеологизмов²⁰. Однако из-за отсутствия теоретических работ по фразеологии и фразеологии в немецкой словарной работе все еще не сложилась разработка фразеологических словарей с четко определенной целевой установкой. Аналогичную картину можно проследить и на материале других языков. Например, несмотря на богатую традицию в русской фразеологии по составлению различных пособий справочного характера, пока еще она не имеет фразеологического словаря русского языка академического типа, а создание такого словаря, по справедливому замечанию А. М. Бабкина, — «давно осознанная научная и общественная задача»²¹. Такой тип словаря, с одной стороны, явился бы образцом для создания по его подобию национальных словарей, а с другой — служил бы надежным источником при составлении русско-национальных и русско-иностраных фразеологических словарей, так как в настоящее время роль русского языка в межнациональном общении и в международной жизни возрастает.

Не менее актуальной является в одноязычной фразеологии также разработка теории и практики составления других типов словарей: словарей литературного языка; историко-этимологических; идеографических и тематических; диалектных, синонимических и антонимических, частот-

²⁰ Ср.: L. R ö h r i c h, Lexicon der sprichwörtlichen Redensarten, 3. Aufl., Freiburg, 1973.

²¹ А. М. Б а б к и н, Лексикографическая разработка русской фразеологии, М.—Л., 1964, стр. 6.

ных и языка писателей. Однако разработка вышеуказанных типов фразеологических словарей зависит от уровня развития фразеологии и фразеографии каждого конкретного языка.

Довольно богатую традицию имеет также двуязычная фразеография. На материале различных языков составлены разнообразные двуязычные фразеологические словари — от краткого словаря идиом до фундаментального фразеологического словаря, включающего несколько тысяч фразеологизмов. В связи с последним особо следует отметить появление в нашей стране фундаментальных фразеологических словарей: «Англо-русского фразеологического словаря» А. В. Кунина, содержащего около 25 000 ФЕ; «Французско-русского фразеологического словаря» под ред. Я. И. Рецкера (около 35 000 ФЕ) и «Немецко-русского фразеологического словаря» Л. Э. Биновича и Н. Н. Гришина (2-е изд. — 1975), охватывающего 14 000 фразеологизмов. Эти словари не только выгодно отличаются от других словарей по охвату фразеологического материала, но в них получили практическую разработку основные проблемы составления двуязычных фразеологических словарей, а также некоторые теоретические вопросы. Например, авторы обосновали свое понимание фразеологии и определили состав словаря, куда включили устойчивые сочетания слов, соотносимые со словосочетаниями и предложениями, разработали принципы расположения фразеологического материала и подачи фразеологических единиц, выделили многозначные и омонимические фразеологизмы, разработали стилистические квалификации и специальные пометы.

Несмотря на эти успехи, недостаточная разработанность основных вопросов двуязычной фразеографии в целом и отсутствие научно обоснованной аргументации целевой установки словарей порождают у некоторых ученых сомнение в правомерности составления особых типов двуязычных фразеологических словарей вообще²². Это свидетельствует о том, что необходимы широкие теоретические обобщения в области двуязычной фразеографии.

Новым и малоисследованным аспектом фразеографии является учебная фразеография, т. е. создание фразеологических словарей для учебных целей. Пока еще в мировой фразеографии не выработан специальный учебный тип фразеологического словаря, если, конечно, не брать во внимание отдельные пособия, предназначенные для освоения фразеологии и устойчивых словосочетаний того или иного языка²³. Необходимость такого типа словаря давно назрела, так как планомерная работа по овладению фразеологическими богатствами родного и иностранного языка в школах и вузах стала необходимостью²⁴.

²² См.: В. П. Берков, Вопросы двуязычной лексикографии. ДЛ., Л., 1971, стр. 251—252.

²³ В частности, словари: V. T. Skljarcov, H. Engelke, Kurzes russisch-deutsches phraselogisches Wörterbuch, Leipzig, 1973. Этот словарь, включающий 550 фразеологизмов и среди них 90 пословиц русского языка, задуман как словарь учебного типа: переработанное издание этого словаря вышло в издательстве «Русский язык» в 1977 г.; см. также: «Краткий русско-испанский словарь несвободных сочетаний современного русского языка» (пособие для студентов-иностранцев), М., 1965; «Краткий русско-английский словарь несвободных сочетаний современного русского языка. Пособие для студентов-иностранцев», М., 1965; В. И. Зимин, Краткий фразеологический словарь русского языка (для студентов-иностранцев), М., 1968 и др.

²⁴ Следует отметить, что научно-исследовательский институт преподавания русского языка в национальной школе выпустил для обсуждения проект «Единого фразеологического минимума русского языка для национальной школы» под ред. Н. М. Шанского (М., 1975). Однако это пока для средней школы. Польско-русскому фразеологическому словарю учебного типа для студентов посвящена вышеуказанная кандидатская диссертация А. Ф. Инжеваткиной с весьма спорным, на наш взгляд, объемом включаемого фразеологического материала (2000 фразеологизмов).

Известно, что для устной речи на иностранном языке объем лексического минимума для студентов определяется программой в количестве примерно 5000 единиц. Однако пока еще четко не определено, какой процент из этих 5000 единиц приходится на долю фразеологизмов. Между тем, практическое овладение любым иностранным языком предполагает не только знание определенного минимума слов, фонетических и грамматических правил, но и фразеологического богатства изучаемого языка, отражающего национальную самобытность и весьма своеобразную сторону языка.

На необходимость учебного типа фразеологического словаря указывают также представители учебной лексикографии. Вот что пишет Л. Новиков: «Для учебных целей необходим и меньший по объему словарь с тщательно отобранной активной фразеологией, представленной в наиболее характерных употреблениях (сочетаниях), а также двуязычные русско-иностранные фразеологические словари»²⁵.

В заключение следует отметить, что наряду с вышеуказанными общими проблемами современной фразеологии имеется целый ряд частных вопросов, к числу которых прежде всего следует отнести разработку строгой системы фразеологических терминов, реально отражающих содержание исследуемого предмета. Немаловажным является также выработка фразеографических принципов отбора, т. е. хронологического, нормативного, стилистического, дидактического и др., для каждого типа словаря в отдельности.

Поиск рационального и эффективного принципа расположения и подачи фразеологического материала в словаре, а также выработка адекватных способов толкования и установления межъязыковых фразеологических эквивалентов при составлении переводных словарей — насущная задача фразеографии.

В свою очередь успешное решение вышеуказанных общих и частных вопросов фразеологии способствовало бы созданию качественно новых фразеологических словарей на материале различных языков.

²⁵ Л. А. Новиков, Учебная лексикография и ее задачи, в кн.: «Вопросы учебной лексикографии», М., 1969, стр. 8.

ПРИВАЛОВА М. И.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА И ПРОБЛЕМА ОМОНИМИИ

Собственные имена (далее — СИ) до сих пор привлекают внимание исследователей перешенностью многих теоретических проблем. Наиболее существенные из них — специфика СИ, отношение СИ к категории общего понятия и лексического значения, классификация и определение места СИ в общей системе языка и речи. Большинство из перечисленных вопросов до сих пор остаются спорными¹. Не многим лучше обстоит дело и с изучением сущности и специфики омонимии, хотя здесь с выходом в свет «Словаря омонимов» О. С. Ахмановой создана прочная научная база для решения этих сложных вопросов².

В учебно-методических и в значительной части специальных работ класс СИ, как правило, рассматривается в разряде имен существительных, при этом чаще всего ограничиваются их выделением из общего класса существительных, затем указывается, что СИ имеют (не имеют) лексическое значение, обозначают (не обозначают) общие понятия, после чего переходят к более тщательному рассмотрению имен нарицательных (или частных вопросов СИ). В общезыковые словари СИ не помещаются, кроме явно перешедших в нарицательные. Где же сфера употребления СИ? Практически они широко употребляются в повседневной речевой деятельности человека. В письменной форме речи они употребляются в художественной литературе, в публицистике, в деловых, научных, научно-популярных текстах, наконец, в разнообразных специальных текстах справочного и научно-вспомогательного характера. Следовательно, можно с достаточной уверенностью сказать, что современные актуальные проблемы информации требуют тщательного изучения теории СИ во всей их совокупности.

Как известно, СИ входят в систему русского языка, что видно из следующих положений: а) СИ, как и нарицательные, всегда материализуются в звуках данного языка со всеми вытекающими отсюда последствиями; б) для словообразования и словоизменения используется тот же морфемный инвентарь; в) в структурном отношении, если учитывать действительно весь класс СИ, в нем преобладают имена, образованные от исконно русских основ, а при заимствованиях СИ подвергаются тем же фономорфологическим закономерностям, что и апеллятивы; г) характерной чертой класса СИ как целого является значительное количество двух-, трех- и многокомпонентных образований (до самостоятельных предложений включительно).

Проблема классификации СИ на базе их общей теории неоднократно ставилась учеными, но многое и здесь остается спорным даже в пределах попыток классификации на материале только русского языка. Остановимся для примера на классификации А. И. Смирницкого³.

¹ См. многочисленные работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Н. И. Толстого, А. И. Лебедевой, В. Д. Бондалетова и др.

² О. С. А х м а н о в а, Словарь омонимов русского языка, М., 1974.

³ O. S. A k h m a n o v a, Le «nom propre» en tant que catégorie linguistique, «Cercetări de lingvistică», III, 1958 (Supliment), стр. 14—16.

В его классификации ценным является стремление охватить значительный объем СИ, куда входят антропонимы, топонимы, клички животных, астрономические названия, наименования учреждений, организаций и т. п. Однако эта прелиминарная классификация имеет некоторые уязвимые стороны. Прежде всего здесь нет единства основания при делении. В самом деле, типы А и В противостоят по наличию (отсутствию) «единичности» [к типу А отнесены: имена, отчества, фамилии людей, клички животных в их «массовом применении», а к типу В — названия «единичных предметов», т. е. географические имена (*Москва, Волга*), мифологические имена (*Зевс, Афина*), имена литературных персонажей (*Гамлет, Фауст*), имена знаменитых людей (*Байрон, Цезарь, Наполеон*) и т. п.]. Однако этот же признак «единичности» как нельзя более присущ и названиям произведений искусства (опера Гуно «*Фауст*», роман Достоевского «*Бесы*» и пр.), которые автор относит к типу D («тематические названия»). Тип C выделяется автором по принципу «переносности названий», что само по себе справедливо (колхоз «*Заря*», завод «*Богатырь*»), однако этот признак никак не отграничивает данные наименования ни от типа В, ни от типа D, где наименования произведений литературы и искусства особенно часто даются именно по этому принципу.

Если говорить о субординации понятий с учетом всего многообразия качеств и признаков СИ, то первое место среди них бесспорно занимают антропонимы. Во-первых, потому, что исторически антропонимы скорее всего первичны. Вряд ли можно усомниться в том, что человек стал именовать прежде всего «себе подобных». Во-вторых, социальная значимость человека достаточно очевидна, что проявляется в его постоянной деятельности по наименованию всего сущего. Именно этим объясняется и сложная взаимосвязь всех типов, разрядов и групп СИ с антропонимами.

Разумеется, что такая многообразная и сложная система, как СИ, с их многоступенчатыми соотношениями между собою и с классом апеллятивов, не очень легко поддается классификации. Как при систематизации любого многообразного явления, здесь может быть предложено несколько делений, однако неперменным условием остается постоянное требование сохранять субординированность составных разрядов (групп) при единстве основания разделения. Как часть лексико-фразеологической системы языка, СИ образуют ряд типов и групп в зависимости от предметной отнесенности, сферы употребления, специфики функционирования и структурно-семантических характеристик.

Нам представляется наиболее существенным и важным (впрочем, как и наиболее прозрачным) деление класса СИ по их предметной отнесенности. Что именно называется именем? В обобщенном виде можно выделить семь групп «предметов» (в широком смысле термина): лицо, место, исторические события, социальные объединения, животные и растения; произведения духовной деятельности (науки, искусства), продукты производства. Этим «предметам» соответствуют установившиеся или вводимые вновь термины: антропонимы, топонимы, хрононимы, эргонимы и пр.

Внутри каждого типа, естественно, выделяются более мелкие группы по тем или иным признакам самих предметов, иногда и по структурно-семантическим характеристикам, которые, впрочем не всегда прямолинейно соотносятся с качествами самих предметов. Следует предварительно заметить, что в нашей классификации антропонимы называют л и ц а, совершенно независимо от того, знаменитое ли это лицо, выдуманное писателем, унаследованное от мифологии или религии, обычное в жизни, в быту и общественной практике, — это всегда имя человека, л и ц а, и только данный признак важен для классификации. Точно так же и топоним — это название м е с т а, независимо от того, на Земле, на Луне

или на какой-то иной планете или во Вселенной то или иное СИ называет «место», поэтому к данному типу можно отнести как подгруппу и все астрономы.

1. Антропонимы. Сюда относятся личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища людей в обиходной жизни, в быту, с их отражением в художественной, юридической, деловой, исторической литературе, в фольклоре, мифологии, религии, например: *Антон, Анна, Василий, Сергей; Иван Петрович Веткин, Варвара Викторовна Румянцева; Антоша Чехонте, Максим Горький; Александр Невский, Иван Грозный; Татьяна Ларина, Евгений Онегин, Павел Корчагин; Василиса Прекрасная, Илья Муромец, Добрыня Никитич; Велес, Перун, Аполлон, Венера; Брами, Изиды* и др. Данный тип СИ в русском языке распадается на три подгруппы: личные («крестные») имена, отчества, фамилии, причем каждая из них имеет свои структурные особенности.

1. Л и ч н ы е и м е н а. Этимологически они в значительном большинстве заимствованы из греческого; из древнееврейского через греческий; сохранились немногочисленные исконно славянские и, наконец, современные образования от нарицательных, например: *Октябрина, Радость, Идея, Электрон* и пр. Личные имена всегда однокомпонентны (в массе своей), в речи легко образуют многочисленные экспрессивные формы, например: *Иван — Ваня — Ванюша; Екатерина — Катя — Катюша; Мария — Маня — Маруся — Маняша* и др. При образовании последних форм часто исчезает противопоставленность однокорневых мужских и женских имен, например: *Валентин — Валентина — Валя; Александр — Александра — Саша — Шура.*

2. О т ч е с т в а в русском языке системно образуются только от мужских имен; они всегда однокомпоненты, форм субъективной оценки не образуют; при обращении отдельно от имени употребляются редко и придают речи несколько фамильярный или народно-крестьянский экспрессивно-стилистический оттенок.

3. Ф а м и л и и в русском языке также преимущественно однокомпонентны, лишь изредка встречаются двух-, трехкомпонентные, например: *Сухово-Кобылин, Мусин-Пушкин, Чубинский-Надеждин, Демидов-сан-Донатто* и др. По своему происхождению и образованию русские фамилии достаточно пестры. Часто они образованы от личных мужских и женских имен (*Иванов, Васильев, Марьин, Варин* и др.), следовательно, они являются производными от заимствованных основ, однако не меньшее количество фамилий образовано от основ исконно русских апеллятивов (например, *Баринов, Воронов, Горский, Земляков, Лебедев, Медведев, Углов, Чернов* и пр.).

Системность личных имен хорошо видна из того факта, что образованное от апеллятива имя, попадая в разряд СИ, немедленно подчиняется их структурным особенностям. Так, новые имена приобретают формы субъективной оценки, а от мужских имен образуются отчества (например: *Идея — Ика — Дейка; Электрон — Элик — Электронович*).

Существенной структурно-семантической особенностью группы антропонимов в русском языке является обязательное сосуществование всех трех компонентов (имени, отчества, фамилии), присваиваемых в законодательном порядке каждому лицу⁴. Именно в совокупности они и составляют целостное наименование лица, а употребление каждого элемента в отдельности (или в различных сочетаниях) дает богатые возможности для выражения эмоционально-экспрессивных оттенков русской речи.

⁴ См.: Н. А. Б е л ы к, Некоторые правовые и социологические вопросы антропоники, в кн.: «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970, стр. 11—23.

II. Топонимы. В эту обширную группу СИ входят многочисленные названия населенных пунктов, микро- и макротопонимы, гидронимы, орографические названия, названия лесных массивов, путей сообщения, а также названия небесных тел (астрономы) и др., например: *Россия, Франция, Вятка, Новгород, Старая Русса, Новая Ладога; Ростов-на-Дону; Волга, Кама, Нева; Черное море; Танайский лес; Октябрьская железная дорога; Венера, Вега, Марс, Юпитер, созвездия Лиры, Большого Пса, Малой Медведицы; Дева, Овен* и пр. В группе топонимов преобладают однокомпонентные названия, однако двух-, трехкомпонентные наименования представлены достаточно многочисленно. Следует отметить, что в состав наименований здесь нередко входит обязательным компонентом номенклатурное слово: *море, лес, созвездие, балка, дорога* и пр. От данной группы СИ в целом не образуется форм субъективной оценки; возможные формы уменьшительных типа рѣки *Невка, Донец* имеют чисто количественное значение.

III. Хрононимы. В эту группу СИ входят наименования исторических событий (эпох, периодов), которые условно можно разделить на четыре основные подгруппы: а) геологические эры: *Архейская, Протерозойская, Палеозойская, Мезозойская, Кайнозойская* и др.; б) исторические эпохи: *Средние века, Возрождение, Петровская эпоха* и пр.; в) знаменательные исторические события: *Пушичская война, Великая Отечественная война, Сталинградская битва*; г) названия праздников: *Первое мая, Новый год* и пр. Структурно названия исторических событий во всех разновидностях чаще всего двух-, трехкомпонентны, при этом в состав целостного наименования часто входят номенклатурные слова и термины: *эра, эпоха, век(а), война, битва*.

IV. Зоонимы и фитонимы. В эту группу входят клички животных, например: *Барбос, Бобик, Бим, Каштанка; Фру-Фру, Холстомер*, реже птиц — попугай *Куконя*; названия культурных злаков и цветов, например: водяные лилии *«Виктория»*, георгины *«Галина Уланова»*, *«Поль Робсон»* и др. Клички животных в абсолютном большинстве случаев однокомпонентны и относятся к разряду имен существительных с присущими им категориями, даже в том случае, если клички образованы от повелительной формы глаголов типа *Гуляй, Катай, Хватай* и пр. По своей основной вокативной функции они близки к личным именам и прозвищам людей.

V. Эргонимы. Этот условный термин объединяет названия различных социальных группировок людей, а именно — международных, государственных, партийных, профсоюзных, общественных, кооперативных и пр. Вероятно, сюда же следует отнести названия производственных организаций (учреждений) и их помещений, колхозов. Этот разряд СИ охватывает огромный материал, и, кажется, еще очень мало обследован. Приведем примеры: *ООН, СЭВ, КПСС, Академия наук*, издательства *«Мысль»*, *«Наука»*, *«Молодая гвардия»*; спортивные общества *«Спартак»*, *«Динамо»*, *«Крылья советов»*; завод *«Электросила»*, фабрика *«Красная нить»*, колхоз *«Заря»*; магазины *«Ромашка»*, *«Гранат»*, *«Ярославна»*; гостиницы *«Астория»*, *«Балтика»*, *«Москва»*, кафе *«Север»*, *«Гном»* и мн. др. Как видим из приведенных примеров, имена данного разряда тесно сопрягаются с топонимами, особенно в наименованиях помещений. Структурно здесь преобладают однокомпонентные имена, однако достаточно часто выступают двух- и трехкомпонентные разных типов (существительное + прилагательное, генитивные сочетания и пр.).

VI. Идеонимы. Условно под этим термином можно объединить почти необозримую количественно группу названий произведений духовной деятельности человека, т. е. произведения науки, художественной литературы, театра, кино, телевидения, живописи, музыки, скульптуры и т. д.

Например: «Рефлексы головного мозга», «Кто виноват?», «Лес», «Некуда», «Хорошо», «Каштанка», «Упразднили», «Пересоллил», «Дом с мезонином», «Не в свои сани не садись», «Не все коту масляница», «Как закалялась сталь», «Они сражались за родину»; кинокартины: «Трое на снегу», «Мать», «Четверо против кардинала»; оперы: «Садко», «Пиковая дама», оперетта «Летучая мышь»; картины: «Утро в сосновом бору», «Не ждали»; скульптуры: «Дискобол», «Амур и Психея»; архитектурные памятники: собор Василия Блаженного и др.

Названия произведений духовной деятельности человека теснейшим образом связаны почти со всеми остальными группами СИ, прежде всего с антропонимами, так как имя автора (или его псевдоним) входит неизменным компонентом в целостное наименование произведения, например: Н. А. Островский, «Как закалялась сталь»; Н. Г. Чернышевский, «Что делать?»; И. Репин, картина «Не ждали» и пр.

Структурные особенности данной группы СИ состоят в том, что здесь появляются (и довольно часто употребляются) названия, состоящие из одного слова, но не имени существительного, например: *хорошо, ушла, упразднили, некуда* и др., т. е. в принципе в роли названия может выступить слово любой знаменательной части речи. Кроме того, здесь выступают в роли наименований словосочетания свободного и фразеологического порядка, а также самостоятельные предложения различных коммуникативных форм (повествовательные, вопросительные, побудительные).

VII. Хремотонимы. В этой группе объединяются названия многочисленных продуктов производственной деятельности человека, по тем или иным причинам получившие статус собственного имени. К ним относятся: названия механизмов, машин, транспортных средств, бытовых приборов, музыкальных инструментов, оружия и мн. др., например: автомашины — «Волга», «Москвич»; телевизоры — «Ладога», «Волгов»; холодильник «Минск»; ткани «Стелла», «Русь»; поезда «Красная стрела», «Юность», «Балтика», «Тройка»; духи «Кармен», «Ромео и Джульетта»; папиросы «Друг» и др.

Многие названия в этой группе, как и сами предметы, являются детищами нового времени. В стремлении давать имена в настоящее время заметна тенденция к однокомпонентности, хотя изредка встречаются и двухкомпонентные имена. Появляются особые группы названий серийных предметов, например, телевизоры и холодильники, когда имя остается, но сопровождается цифровым индексом («Ладога-205», «Ленинград-2», «Саратов-2» и пр.).

Приведенный перечень групп СИ, даже с минимальным количеством примеров, достаточно ясно показывает, что СИ далеко не монолитный класс существительных, а весьма разнохарактерная в структурном отношении категория лексико-фразеологического порядка. В качестве СИ могут выступать слова всех знаменательных частей речи, разнообразные словосочетания и самостоятельные предложения. Однако, несмотря на всю пестроту, в живом потоке речи и в текстах мы без труда выделяем имя собственное из всего, что не есть СИ. Это объясняется тем, что они всегда, постоянно подчинены основной своей функции — номинативной, причем в ее усиленном выражении. По справедливому замечанию А. С. Попова, «Номинативная функция наиболее ярко проявляется в форме имени существительного в именительном падеже, основное назначение которого и состоит — в лексическом плане — в простом назывании. Все прочие отрезки речи, используемые в качестве заглавий, выступают в позиции именительного падежа имени существительного, приравниваются к нему»⁵.

⁵ А. С. П о п о в, Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие, в кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966, стр. 96.

Приведенное положение вполне справедливо, так как правильно подмечает одно из многочисленных свойств СИ, однако из него вовсе не следует, что: а) всякое СИ относится непременно к существительным (странно представить себе в таком качестве «*Они сражались за родину*»); б) гипертрофированная (лучше сильная) номинативность СИ, которую многие исследователи считают главным структурным свойством имен собственных, на самом деле не является таковой, напротив, это явление производное, обусловленное иными причинами.

Во многих работах о СИ часто выдвигаются положения, что их специфику составляют отношения с общим понятием, значением слова и гипертрофированная номинативность. Однако ни один из этих признаков не отделяет СИ от аппеллятивов. Наиболее существенное свойство СИ — их сильная номинативность — является производной особенностью, зависящей от какого-то еще более существенного их качества. По-видимому, таким структурно-определяющим качеством следует признать их постоянную, непремennую секундарность, вторичность наименования: СИ — это всегда последнее наименование, последнее деление в ряду родо-видовых признаков. В самом деле, каждое лицо, предмет, место имеет свои номенклатурные названия: человек (*женщина, мужчина, мальчик, студент, врач, рабочий*); место (*город, село, озеро, река, море*); произведение искусства (*роман, повесть, картина* и пр.), и только в последнем делении — *Бера, Саша; Петров, Сергеев; Москва, деревня Каменка; река Нева, озеро Ильмень, Черное море; роман Горького «Мать», повесть «Степь», картина «Не ждали»* и пр.

Имя собственное сознательно выбирается (антропонимы и топонимы в законодательном порядке) как выделительный знак данного индивидуального предмета, места, лица. Из этого общеизвестного положения вытекает ряд принципиально важных следствий.

Во-первых, именно этот признак противопоставляет весь класс СИ⁶ в целом и каждое отдельное имя всем остальным словам, словосочетаниям и самостоятельным предложениям, которые не являются СИ.

Во-вторых, при сочетании СИ с нарицательными именами (НИ) в исходной форме получается маркированное словосочетание (при последовательном соединении НИ + СИ), а при обратном (СИ + НИ) — маркированное предложение, например: *поэт Пушкин, Пушкин — поэт, город Вятка, Вятка — город, роман «Мать», «Мать» — роман* и пр. Эти отношения оказываются в значительной степени аналогичными отношениям родовых и видовых наименований, например: *дерево береза, береза — дерево, ягода малина, малина — ягода* и пр. Однако в отличие от взаимоотношений между наименованиями родо-видовых понятий, сочетание СИ с номенклатурными словами является всегда пределом деления, например: *живое существо → человек → мужчина → русский → рабочий → москвич → Иван Петрович Кольцов*. Это свойство СИ в свое время хорошо определил Ф. И. Буслаев, сказав, что собственные имена означают неделимые понятия⁶.

В-третьих, из последнего положения вытекает еще одна очень важная особенность СИ: своеобразие реализации принципа «достаточной информации» или «условий получения достаточного семантического звена» (термины вводятся мною условно).

Поясним высказанное положение примерами. Предположим, нам необходимо кому-то объяснить значение слова *белый*. Это можно сделать, приведя словарную статью; для первого значения просто указать на белый

⁶ Ф. И. Бусл а е в, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 405.

предмет, наконец, можно пояснить значение этого слова, давая его в минимальных словосочетаниях, например: *белый снег*, *белый офицер*, из которых достаточно ясно значение слова: цвет снега (молока), политическая ориентация. Минимальное словосочетание, дающее возможность понять значение слова, назовем «семантическим звеном» и обозначим условно $S(A)$, где A — слово, а S — его значение. Совершенно ясно, что не всякое бинарное словосочетание будет достаточным семантическим звеном, т. е. достаточным для понимания значения слова. Поэтому будем различать достаточные и недостаточные семантические звенья. Достаточным семантическим звеном является такое, в котором $S = 1$; если же $S > 1$, то такое семантическое звено будет недостаточным. Все операции, которые здесь даются только в методических целях для анализа материала, в потоке речи осуществляются постоянно и более или менее механически.

Сказанное для наглядности можно представить в следующем виде.

$A + B = S(A)$, где A — любое слово языка, B — семантический определитель, S — данное конкретное значение слова A , т. е. $A + B$ — бинарное словосочетание, дающее $S(A)$, — и есть семантическое звено. Предполагается без специального обозначения, что это — достаточное семантическое звено. Если же бинарное словосочетание не позволяет однозначно понять значение слова, т. е. когда $S > 1$, то семантическое звено называется недостаточным и формула примет вид: $A + B = 2S(A)$. Например: *зарегистрировать брак* — может быть понято значение слова *брак*: а) вступить в брак, оформив его путем регистрации в ЗАГС'е; б) зарегистрировать наличие производственного брака.

Своеобразие реализации условия достаточной информации в классе собственных имен заключается в том, что здесь для получения достаточного семантического звена требуется один и только один семантический определитель, например: *Москва* — *город*, *Москва* — *река*, «*Москва*» — *журнал*; *река Волга*, *автомобиль «Волга»*, «*Война и мир*» — *роман* и т. п. Иначе это положение можно выразить следующим образом: если A замещено СИ, то $B = 1$, или — $A \rightarrow СИ \subset B = 1$.

Наконец, следует отметить, что СИ имеют значительные особенности и в своих отношениях к предметам, так как их предметная отнесенность значительно отличается от тех же отношений имен нарицательных. Рассмотрим несколько подробнее это положение. Обозначим предмет в широком смысле слова P (реалии, лица, названия мест и пр.). Естественно, что A может быть замещено как собственным, так и нарицательным именем. Аппелятивы, например, *дом*, *город*, *книга*, *лампа*, *стол* обозначают все настоящие, прошлые и будущие предметы, где бы они не находились, иначе говоря, если A замещено НИ, то P стремится к бесконечности, т. е. $A \rightarrow \rightarrow НИ \subset P \rightarrow \infty$. Напротив, если $A \rightarrow СИ \subset P \rightarrow 1$, так как СИ — это всегда название индивидуального, единичного предмета. Однако практически в жизни существует неограниченное количество лиц, имеющих одинаковые имена (*Иван*, *Лев*, *Сергей*, *Дарья*; *Иванов*, *Волков* и пр.), даже *Москва* в настоящее время не единственная, так как есть город с тем же названием в США, село в Татарской автономной республике, не говоря о названиях журналов, гостиниц, ресторанов и пр. Следовательно, формула должна быть уточнена: если A замещено СИ, то P стремится к $1 + n$, где n равно некоторому количеству одноименников (тезки, однофамильцы и пр.).

Таким образом, следует признать справедливым, что СИ не обозначают класса однородных предметов (и понятий) типа «дома», «деревья», но образуют класс самих имен, которые применяются к относительно однородным предметам (имена людей, клички животных, топонимы и пр.).

Подводя итоги, можно сказать, что специфика СИ сводится к ряду

субординированных признаков: постоянная секундарность, отсюда их сильная номинативность, когда СИ не столько обозначает, сколько называет предмет; СИ образуют специфический класс имен и словосочетаний с большим количеством групп и подгрупп, разнообразных по формальной структуре и особенностям функционирования в речи; СИ требуют минимального контекста для реализации условия достаточной информации, что находится в теснейшей связи с характером их предметно-понятийных отношений.

Учитывая все сказанное, можно дать предварительно рабочее определение понятия СИ. СИ — это исторически сложившийся и в значительной своей части регулируемый законодательством многообразный класс наименований людей, места, времени, социальных объединений, животных, растений, продуктов производства и произведений духовной деятельности человека. Внутри этого класса центральное место занимают имена лиц, антропонимы, которые находятся в многообразных отношениях со всеми другими группами СИ. В общей системе языка и речи СИ являются подсистемой лексико-фразеологического (а в отдельных группах и синтаксического) порядка, обладающей определенными структурно-семантическими качествами, главными из которых следует признать: постоянную секундарность, сильную номинативность, что обуславливает специфику реализации «принципа достаточной информации» (минимальный контекст для создания «достаточного семантического звена»).

Омонимия в разряде собственных имен затрагивается в целом ряде современных работ⁷. Относительно понятия омонимии мы ограничимся общепринятым ее пониманием — соотношением слов, адекватных фонетически, но имеющих разные значения или в силу распада полисемии, или в силу различного происхождения.

При переходе к анализу этого вопроса в разряде СИ сразу же ощущается «терминологический голод»: явно не достает иного термина, который составил бы аналог «омониму», но в разряде СИ. Однако такого отдельного термина нет, поэтому и приходится употреблять привычный термин, хотя невольно испытываешь чувство неловкости, читая, что *Толстой* (Лев) и *Толстой* (Алексей) — омонимы⁸. Проблема омонимии рассматривается чаще всего только с точки зрения тождества (не-тождества) предмета, лица, места, называемого собственным именем. *Иван А.* не тождествен *Ивану В.*, следовательно, имя *Иван* выступает как омоним в применении к разным лицам⁹.

«Грамматика русского языка» относит к разряду омонимов случаи обозначения: *Запад* — страны Западной Европы и страна света; *Октябрь* — Октябрьская социалистическая революция и название месяца¹⁰. О. С. Ахманова относит к «выраженной» омонимии... такие случаи, как *Вулкан* (миф) и *вулкан* (огнедышащая гора); *Геркулес* (миф) и *геркулес* (крупа)» и пр.¹¹.

Как в приведенных примерах, так и во многих других работах по ономастике и лексикологии, в которых ставится эта проблема, вопрос рассматривается недифференцированно, материал привлекается ограниченно, чаще всего из одного-двух разрядов СИ.

Нам представляется, что так называемая омонимия (одноименность) в разряде СИ далеко не однородное явление. Здесь может быть выделено по

⁷ О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; «Грамматика русского языка», I, М., 1952, и др.

⁸ См. названную нами классификацию А. И. Смирницкого (О. С. А х м а н о в а, указ. соч., стр. 15).

⁹ См.: «Словоупотребление и стиль М. Горького», 1968, стр. 147.

¹⁰ «Грамматика русского языка», I, стр. 104.

¹¹ О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, стр. 133.

меньшей мере четыре типа соотношений: 1) одно и то же СИ называет разные предметы (лица, животных, вещи и пр.) одного и того же класса: *Иван Титов, Иван Петров; Капитанка 1-я, 2-я* и пр.; 2) собственное имя называет разные предметы разных классов; *река Нева, журнал «Нева», кафе «Нева»; река Москва, город Москва, гостиница «Москва»* и пр.; 3) нарицательное имя становится собственным: *вера — Вера, любовь — Любовь, ромашка — магазин «Ромашка»* и т. д.; 4) собственное имя становится нарицательным: *Ампер — ампер, Рентген — рентген, Геркулес — геркулес, Катюша — орудие катюша* и пр.

Для анализа во всех четырех типах соотношений как внутри СИ, так и в их отношениях с нарицательными применяется одна и та же методика: нами исследуется поведение интересующих нас слов в наиболее типичных словосочетаниях, в которые они вступают в естественном речевом общении. При этом вводятся следующие ограничения: а) рассматриваются только прямые (номинативные) значения слов как СИ, так и их семантических определителей, т. е. составных элементов семантического звена; б) исследование ведется только с точки зрения пересечения (не-пересечения) значений составных компонентов семантического звена и характера этих пересечений (если они есть); абсолютный, когда любое СИ одного ряда может быть помещено в другой ряд, причем такое перемещение дает снова достаточное семантическое звено, или относительный характер, когда пересекаются значения отдельных бинарных сочетаний, создавая недостаточные семантические звенья.

Поясним сказанное примером. Возьмем классический омоним *коса*: 1) сельскохозяйственное орудие; 2) девичья коса; 3) отмель у реки. Проследим, в какие типичные словосочетания вступает каждый из этих омонимов. *Коса*¹ — девичья, женская, густая, черная, заплести, расплести, причесть, отрезать (косу) и пр.; *коса*² — стальная, точить, сломать, насадить, выбить (косу), порезать (косой) и пр.; *коса*³ — узкая, песчаная, перекопать (косу), пойти (на косу), залить водой.

Во всех приведенных примерах значения словосочетаний 1, 2, 3-го рядов представляются абсолютно непересекающимися, так как мы не можем поменять местами, включая *косу*² в словосочетания *косы*^{1,3}. Следовательно, здесь перед нами ряды абсолютно непересекающихся значений, при этом каждое из словосочетаний дает достаточную информацию о смысле слова, образуя достаточное семантическое звено. Рассмотрим с точки зрения указанной методики поведение СИ.

1. Одно и то же СИ называет разные предметы одного и того же класса. Например, имеются две реки с одинаковым названием *Бирюса*. *Бирюса*¹ — глубокая, холодная, широкая, судоходная, купаться (в реке)...; *Бирюса*² — мелкая, холодная, несудоходная, купаться (в реке), мост через Бирюсу и пр.

В данном случае непересекающимися признаками значений самого предмета могут быть только индивидуальные свойства, качества именно э т о й реки, в то время, как все остальные признаки, характеризующие основное понятие реки, дают абсолютно пересекающиеся значения: название «*Бирюса*» 1-е или 2-е легко меняются местами, причем любое словосочетание образует достаточное семантическое звено, из которого ясно основное прямое значение слова: *Бирюса* — это река.

Естественно, что то же самое мы имеем при замещении *А* личным именем или фамилией, когда одно и то же имя называет разных людей: *Иван*¹ — человек, мужчина, высокий, умный, уехал, пришел, работает и пр. Во все эти сочетания могут принципиально входить имена *Ивана* 2-го, 3-го, 5-го и т. д. Иначе говоря, возможность словосочетаний и здесь ограничена и обусловлена только свойствами самого носителя имени нарицательного,

обозначающего общее понятие (человек, мужчина), т. е. одно и то же СИ, называющее различные особи (предметы) одного и того же класса, в речи ведет себя аналогично любому нарицательному, когда оно называет предметы-понятия (*стол, дом* — вообще, и *этот стол, этот дом*). Следовательно, в данном случае мы, по-видимому, имеем дело не с омонимией, а с явлением, напоминающим отношение общего и частного, общего и единичного. Не случайно в языке традиционно существуют специальные слова: однофамильцы, тетки; следует скорее называть это явление «одноименностью».

2. Иную картину дает вторая группа отношений, когда одно и то же СИ называет предметы разных классов, например: *река Нева, журнал «Нева», кафе «Нева»* и пр. *Журнал «Нева»* — выходит, печатается, подписка (на журнал), печатать (журнал), интересный номер «Невы» и пр. *Река Нева* — впадает, течет, поливодная; купаться в Неве... *Кафе «Нева»* — открыто с 9 час., обедать (в «Неве») и пр.

Здесь каждый раз имеет место достаточное семантическое звено, пере-становка СИ невозможна из одного ряда в другой, т. е. имя собственное ведет себя аналогично лексическим омонимам в речи. И точно так же, как обычные омонимы, они могут образовать относительно пересекающиеся значения словосочетаний, которые создают недостаточные семантические звенья. Например: *А Нева («Нева») становится многоводной!* — что при устном общении может иметь значения: в реке Неве прибывает вода; в журнале «Нева» начинается процветать многословие.

Отметим, что словосочетание, образующее семантическое звено, возникает на базе апеллиатива (*река, журнал*), а имя собственное в сочетании с ним выступает в качестве приложения, которое может не согласовываться с нарицательным в роде и числе, например: *журнал «Нева», магазин «Ромашка», издательство «Молодая гвардия»* и пр. Однако, несмотря на сходство поведения СИ в контексте с лексическими омонимами, это все-таки не омонимы и не явление естественной полисемии. И здесь мы имеем дело с сознательным перенесением наименования с одного объекта на другой. Чаще всего имеет место метонимический и условно-символический перенос наименования (но не значения!) слова.

3. Имя нарицательное становится собственным. Здесь мы, естественно, оставляем в стороне вопросы этимологии СИ, так как по своему происхождению в группах антропонимов и топонимов СИ всегда апеллиативы. Речь пойдет лишь о применении одного и того же слова в современном русском языке в качестве нарицательного и собственного, например: *вера — Вера, надежда — Надежда, идея — Идея* и пр. Кажется, в разряде личных имен это довольно ограниченная группа, если даже включить сюда и послереволюционные образования типа: *Энергия, Гертруда (Героиня труда), Радость, Электрификация, Электрон* и под.

Сравним характер словосочетаний, в которые входят тождественные нарицательные и собственные имена.

Вера — 1) убеждение, уверенность в чем-либо; 2) религиозное убеждение. Здесь слово *вера* может выступить в сочетаниях: чистая, святая, крепкая, фанатическая; христианская, мусульманская, православная вера и пр. Наричательное имя *вера* в русском языке не образует форм экспрессивной оценки.

Вера — имя собственное, сочетается: блондинка, высокая, стройная; пожилая женщина, девочка, ходит, работает и пр. Оно образует ряд экспрессивных форм: *Верочка, Верка, Верушка* и пр. Как видно из примеров, словосочетания с НИ и СИ в значительной части дают непересекающиеся ряды с достаточными семантическими звеньями, однако иногда возникают каламбуры, например: *сильная, крепкая вера (Вера); с верой*

(*Верой*) *хоть на край света*. Следовательно, в данном случае СИ и НИ ведут себя снова аналогично лексическим омонимам.

В группе названий газет, журналов, книг, произведений искусства, где НИ становится СИ, внешне остается аналогичное положение, но только в устной речи, так как в письменной речи существует определенный признак — прописная буква, а иногда и кавычки. Ср.: «*Правда*» — газета, подписаться (на «*Правду*»), читать, получать, издавать («*Правду*»), тираж («*Правды*») и пр.; и *говорить правду, бороться за правду* и т. д. Таким образом, и здесь для создания достаточного семантического звена решающим является поменклатурное слово: *газета, журнал, книга* и пр.

4. Имя собственное становится нарицательным. Это наиболее интересная и теперь оснащенная богатым материалом группа, показывающая соотношение омонимичности СИ и НИ. Материал около 1500 слов нарицательных антропонимического происхождения содержится в специальной работе Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова¹². Авторы специально останавливаются на отдельных видах омонимии между СИ и НИ, выделяя три основных группы: 1) все имена собственные, перешедшие в разряд антропонимов без какого-либо морфологического оформления (типа *Ампер, Август, Кулон, Наган, Ом, Силуэт*), являются лексическими омофонами по отношению к соответствующим антропонимам (*ампер, ... август, кулон, наган, ом, силуэт*). Они ... различаются только графически ... 2) все имена и фамилии, ставшие без дополнительного морфологического оформления географическими наименованиями..., и соответствующие топонимы являются абсолютными лексическими омонимами, различающимися только в форме вин. пад. ед. числа: *Вашингтон, Владимир, Горький, Грозный, Калинин, Куйбышев, Пушкин* и т. п.; 3) антропонимы могут совпадать в написании и произношении со словами, не происшедшими от антропонимов, например: *вольт* (1) единица измерения (по имени физика А. Вольты); (2) в манежной езде круг, описываемый лошастью; (3) уклонение от удара противника при фехтовании; (4) передегивание карт, подтасовка. См. также примеры совпадений антропонимов со словами, идущими этимологически от нарицательных: *Кроль, Кулон, Майя, Молох, Парка, Тритон* и др.¹³ Кроме трех основных групп омонимии среди антропонимов, авторы указывают еще на некоторые случаи омонимичных отношений, в том числе на случаи омографии (стр. 168—169).

Итак, явление омонимии в области антропонимов в названной работе признается безоговорочно: четко сформулировано и обосновано: «Поскольку антропонимы представляют собой один из пластов лексики, то, очевидно, и среди них должны находиться слова-омонимы»¹⁴. Данное положение следует признать справедливым относительно третьей группы соотношений, в которой пары словосочетаний образуют абсолютно непересекающиеся значения, т. е. дают основание сравнивать (или даже отождествлять) их с омонимами. Однако и здесь часто мы имеем дело с условно-символическим употреблением слова, только не нарицательного в роли СИ, а наоборот, СИ выступает в качестве нарицательного (за исключением указанных выше случайных фонетических совпадений).

Подведем некоторые итоги.

1. Рассмотренные в четырех группах соотношения одноименности в разряде СИ показали принципиальное отличие первой группы от всех последующих. Употребление одного и того же имени для называния разных предметов (лиц) одного класса напоминает использование любого

¹² Д. С. Мгеладзе, Н. П. Колесников, От собственных имен к нарицательным, Тбилиси, 1970.

¹³ Там же, стр. 166, 167.

¹⁴ Там же, стр. 165.

нарицательного имени для обозначения общего понятия и единичного предмета. Словосочетания с СИ образуют абсолютно пересекающиеся ряды с достаточными семантическими звеньями. Границу в таких пересечениях создают только конкретно-индивидуальные признаки предмета (лица), называемого собственным именем (например; *этот Семен — молод, умен, блондин; тот Семен — стар, глуп, лыс*). Следовательно, в первой группе мы имеем дело не с омонимией, а с явлением иного порядка, обусловленного спецификой сложных взаимоотношений между СИ и НИ, а также спецификой предметных отношений СИ. С нашей точки зрения, лучше было бы за этой группой закрепить термин «одноименность».

2. В последующих группах, где СИ применяются для наименований предметов разных классов, а также в их отношениях с нарицательными именами, СИ ведут себя аналогично: в абсолютном большинстве случаев они образуют непересекающиеся ряды словосочетаний и лишь в редких случаях — относительно-пересекающиеся, в результате чего возникают недостаточные семантические звенья с потенциальной возможностью каламбура. Эти случаи употребления СИ близки, а иногда и тождественны омонимическим отношениям нарицательных имен, возникающих на базе омонимии или распавшейся полисемии.

И все-таки между этими двумя типами отношений существует значительная разница. В разряде СИ очень часто мы имеем дело с их сознательным использованием либо метонимически, либо условно-символически.

3. Следует сделать дополнительно еще один частный вывод, важный для стилистических исследований, а именно для понимания природы возникновения каламбуров. Как видно из анализа взаимоотношений между недостаточными семантическими звеньями, каламбуры как раз и возникают на пересечении значений в недостаточных семантических звеньях. Если лексема, объединяющая в своем звуковом комплексе разные значения или омонимы, образует ряд пересекающихся словосочетаний с недостаточными семантическими звеньями, то на границах этих пересечений и могут возникать каламбуры. При этом, чем шире круг таких пересекающихся элементов, чем больше возникает недостаточных семантических звеньев, тем непринужденнее и естественнее будет каламбур.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

АБДУЛЛАЕВ З. Г.

СООТНОШЕНИЕ И РОЛЬ ФОРМАЛЬНОГО И СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО
В ДЕФИНИЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Структурные уровни языка связаны между собой сложными и многообразными отношениями. Единицы формальной и содержательной структур, предполагая друг друга, находясь во взаимной зависимости и совместно участвуя в речевой коммуникации, образуют единую базу системы категорий синтаксической структуры. Однако в дефиниции синтаксических категорий далеко неравноценна роль формальных и содержательных единиц. Проблема соотношения формального и содержательного в синтаксисе — одна из узловых и сложных проблем грамматической структуры языка. Она весьма актуальна и в дагестанских языках эргативного строя, характеризующих широко развитой системой синтетико-морфологических категорий и сложными их взаимоотношениями.

В лингвистике наблюдаются две тенденции в подходе к дефиниции синтаксических категорий, в подходе к определению роли систем формальных и содержательных единиц: одна тенденция признает примат элемента содержательной структуры (отсюда идея «аморфного» синтаксиса), другая — примат элемента формальной структуры (отсюда идея «асемантического» синтаксиса). Между тем синтаксис не может быть ни «аморфным», ни «асемантическим». Синтаксис зиждется на отношениях одних единиц формальной и содержательной структур с другими и представляет собой интегрант этих отношений.

Представляется несомненным, что два различных языка не могут иметь одинаковую структуру формальных единиц, или, что то же, структуры одинаковых формальных единиц. Отличие формальной структуры грамматических уровней одного языка от формальной структуры соответствующих уровней другого языка необходимо предполагает отличие и соотносительных содержательных структур разных языков. Если при глаголе переходной семантики субъект действия (агенса) в одном случае выражается абсолютивом, в другом — эргативом, в третьем — генитивом, в четвертом — дативом, в пятом — локативом, как это имеет место в автохтонных дагестанских языках, то такой субъект едва ли может считаться однородной содержательной единицей. Субстанция, представленная разными формальными единицами (абсолютивом, эргативом, генитивом, дативом и т. д.), должна представлять собой разнородную величину и в плане структуры содержательных единиц. Постуляция тождества содержательных единиц, представленных разными формальными величинами, по-видимому, основывается на недоразумении. За возможными общими признаками таких содержательных единиц упускаются их идиоэтнические свойства. Носите-

лями этих свойств могут быть как сами содержательные единицы, так и ситуации содержательной валентности их функционирования.

В общей теории грамматики падежи субъекта характеризуются как позиционные падежи. Однако позиционность сама по себе может быть неоднородной в разных коррелятивных структурах одного или разных языков. Существует по крайней мере двоякая позиция субъекта: зависимая и независимая. Позиция субъекта, например, в так называемой индефинитной конструкции (называемой еще «эргативной абсолютной конструкцией», «глагольной вариацией эргативной конструкции» и т. д.) является зависимой: субъект в абсолютиве в линейном ряду расположения стоит строго на первом месте, изменение этого места влечет за собой изменение субъекта. Ср. лак. *на аттара ина* «я бью тебя» и *ина аттара на* «ты бьешь меня». Позиция в эргативной конструкции (называемой еще «смешанной вариацией эргативной конструкции») является независимой: субъект в эргативе в линейном ряду расположения может стоять на любом месте, перед и после объекта, перед и после сказуемого. Поэтому представляется не вполне точной характеристика падежей субъектов этих разных конструкций одинаково просто позиционными падежами. Определенные отличительные свойства в этом плане имеют также падежи объектов — прямого и косвенных.

В общей теории эргативности к позиционным падежам субъекта предлагается отнести абсолютив и эргатив. В дескриптивных исследованиях к падежам субъекта (без разграничения позиции) принято относить также генитив, датив и локатив. Субъект, представленный всеми этими разными падежами (абсолютивом, эргативом, дативом, генитивом, локативом), предлагается характеризовать как содержательную единицу исходной функции, в противоположность всем объектным функциям вместе взятым, в том числе и функции так называемого прямого объекта (называемого еще «реальным объектом», «ближайшим объектом»). Исходность функции субъекта, определяемая общей теорией редукционного анализа морфологических категорий, на синтаксическом уровне дескриптивных исследований приравнивается к подлежащему. Однако сами по себе все позиционные падежи субъекта едва ли могут представлять одинаковую содержательную единицу исходной функции, или функция субъекта всех коррелятивных падежей едва ли может быть одинаково исходной. Вероятнее предположить, что субъектная функция только одного из этих падежей может быть исходной, первичной, а функции субъекта остальных падежей — хронологически вторичными, производными. К тому же, кроме функции субъекта, эти падежи характеризуются еще целым рядом других функций — объекта действия, агентивного дополнения, инструменталиса, каузалиса и т. д.

Наличие у различных единиц формальной структуры в известной степени идентичной содержательной функции (изофункциональность) и наличие у одной единицы формальной структуры различных содержательных функций (полифункциональность) — антиномии единиц формальной и содержательной структур, отсутствие строгого изоморфизма в их соотношении — характерное идиоэтническое свойство структуры эргативных языков Дагестана.

При всей важности познания внутренней сущности формальной и содержательной структур, роли этих структур в дефиниции синтаксических категорий, в изолированном друг от друга виде эти структуры сами по себе в отдельности не могут являть собой структуру синтаксического уровня. Так, ни субъект действия, ни какая-либо падежная форма его выражения в изолированном виде не может представлять конкретную единицу синтаксического уровня. Этому мешает не только наличие ряда коррелятивных содержательных функций и падежных форм субъекта. Важное

значение имеет категориальная дифференциация речемыслительных единиц, образующих формальную и контенсивную структуру языка. В дагестанских языках в области именных частей речи важнейшими являются категории класса, числа, лица, одушевленности ~ неодушевленности, в области глагола — категории вида, наклонения и времени. В рамках этих категорий речемыслительные единицы вступают в отношения друг с другом и получают определенную маркировку этих отношений. Реляционные свойства и характер маркировки категориальной дифференциации речемыслительных единиц — единиц формальной и содержательной структур — играет важнейшую, если не решающую роль в дефиниции синтаксических категорий.

В системе реляционных свойств речемыслительных единиц решающее значение принадлежит формальной и содержательной валентности глагола. Следует отметить, что содержательная и формальная валентности глагола не характеризуются последовательным изоморфизмом. Антиномия единиц валентностей глагола и валентностное различие глаголов лежат в основе асимметрии семантических и синтаксических категорий.

Семантический субъект и его падежи в разных коррелятивных структурах отличаются не только характером позиции (зависимой или независимой), но и характером маркировки своей категориальной дифференциации в морфемной структуре глагола. Значит, не всякий падеж субъекта может получить маркировку своей категориальной дифференциации в морфемной структуре глагола: субъект может быть реляционно маркированным (герср. координированным) и немаркированным (герср. некоординированным). В разных дагестанских языках координированным может быть субъект в абсолютиве, эргативе, дативе, генитиве. В этих же падежах субъект может быть и некоординированным. Координированный субъект и некоординированный субъект — синтаксически разнородные понятия: координированный субъект тождествен позиции синтаксической единицы первого (высшего) ранга — подлежащего, некоординированный субъект — позиции синтаксической единицы второго (низшего) ранга — агентивного дополнения.

Реляционные свойства лежат также в основе синтаксической характеристики объектных содержательных единиц. Семантический объект может быть представлен теми же падежными формами, что и субъект (абсолютивом, эргативом, дативом, генитивом и т. д.), но координированным может быть только объект в абсолютиве. Координированный объект и некоординированный объект — синтаксически различные понятия: некоординированный объект тождествен позиции синтаксической единицы второго (низшего) ранга — косвенного (или «отдаленного») дополнения; что же касается координированного объекта, то он тождествен двум позициям синтаксических единиц первого (высшего) ранга — позиции прямого объекта и позиции подлежащего. Семантический объект занимает синтаксическую позицию прямого объекта при глагольной форме с двусторонней координацией: суффиксом с субъектом и префиксом с объектом; семантический объект синтаксическую позицию подлежащего занимает при глагольной форме с односторонней координацией: суффиксом и префиксом с объектом, субъект же лишен координации и занимает позицию агентивного дополнения.

Единицы формальной валентности глагола представлены его префиксальными и суффиксальными категориальными морфемами. В дагестанских языках эти морфемы соотносятся с субъектно-объектными содержательными единицами. Соотношение префиксальных и суффиксальных категориальных морфем глагола с субъектно-объектными содержательными единицами подчиняется определенным закономерностям. Префиксальная

категориальная морфема глагола соотносится с объектной содержательной единицей синтаксической функции прямого (или «ближайшего») объекта, суффиксальная же категориальная морфема глагола — с субъектной содержательной единицей синтаксической функции подлежащего. Соотношение префиксальной и суффиксальной морфем глагола может быть и совмещенным в одной содержательной единице. Содержательная единица совмещенной координации глагола занимает синтаксическую позицию подлежащего (семантически она может быть как субъектом, так и объектом действия).

Содержательная валентность глагола характеризуется употреблением обусловленных его семантикой субъектно-объектных содержательных единиц. Содержательная валентность глагола заложена в его семантических потенциях, она в одинаковой степени характерна для всех дагестанских языков. Здесь глаголы могут быть моновалентными и поливалентными. В плане же формальной структуры глаголы дагестанских языков могут быть моновалентными, бивалентными и авалентными. Поскольку своими валентными морфемами глагол репрезентирует именные категории класса (совмещается и число) и лица, то спряжение глагола можно назвать категориальным. По наличию или отсутствию категориальных морфем формальной валентности глагола дагестанские языки делятся на четыре группы: а) языки классной валентности глагола, б) языки классной и личной валентностей глагола, в) языки личной валентности глагола, г) языки авалентного глагола. Языки каждой из этих групп характеризуются импликациями хронологической ступени структурно-типологического развития со своими идиоэтническими свойствами единиц формальной и содержательной структур.

Таким образом, по количественному и качественному категориальному составу аргументов валентность спрягаемого глагола дагестанских языков не является однородной (под аргументами имеются в виду не возможные мыслительные единицы пропозиции, а члены предложения, с которыми соотносятся единицы категориальной валентности спрягаемого глагола). Глаголы разного типа спряжения (или разных групп языков) в принципе могут иметь одинаковое количество аргументов или валентных единиц изображения предметов реальности, но эти единицы по категориальным свойствам могут существенно различаться. Неоднородность единиц категориальной валентности спрягаемого глагола обуславливает различие координационных свойств выраженного им предиката и сочетающихся с ним именных компонентов предложения. Это различие в свою очередь обуславливает своеобразие синтаксической структуры предложения и входящих в него единиц.

Для определения и характеристики синтаксической сущности единиц предложения и типологии самого предложения в целом важным представляется не только специфика категориальной валентности спрягаемого глагола и его координационные свойства, но и базирующееся на этих свойствах разграничение семантических и синтаксических категорий. Без различения этих категорий в языках эргативного строя, какими считаются дагестанские языки, трудно определить подлинную специфику синтаксических единиц.

Для раскрытия своеобразия синтаксических единиц (субъекта, объекта, предиката, типологии предложения), а также для дифференциации семантических и синтаксических категорий, важнейшей, если не единственной, базой представляются координационные свойства спрягаемого глагола, характер маркировки этих свойств. Поэтому учение о координации и последовательное соблюдение его принципов представляются крайне важными для синтаксиса дагестанских языков.

В чем заключается сущность этого учения? Основы учения о координации в кавказских языках заложены в трудах А. С. Чикобава, в частности, в книге «Проблема простого предложения в грузинском языке»¹. Хотя этот труд посвящен в основном одному грузинскому языку, его идеи и положения в определенной степени касаются и других кавказских языков. В многочисленных последующих работах автор неоднократно возвращался к этим идеям, развивая их и применяя к другим кавказским языкам.

Анализ своеобразия природы многоличного глагола (особенно релятивного — переходного и непереходного) в картвельских языках привел автора к необходимости соответствующего своеобразного толкования синтаксического функционирования имени, следовательно, к необходимости ввести в научный обиход новые синтаксические понятия. Релятивный глагол связан здесь личными формантами с двумя именами, возможна такая связь и с третьим именем. Связанные с этим основные положения учения о координации А. С. Чикобава сформулировал таким образом:

«Специфика синтаксического механизма (строения) грузинских предложений с релятивным глаголом находит выражение в двух синтаксических явлениях кардинальной важности:

а) от глагола зависит, глаголом определяется падеж „морфологического субъекта“ в той же мере, что и падеж „морфологического объекта“

б) личные формы глагола зависят от „морфологического объекта“ в той же мере, что и от „морфологического субъекта“.

Вместо управления как синтаксической связи здесь можно говорить о „координации“ членов предложения.

Термином „координация“ (coordinatio) мы называем сложную форму синтаксической взаимосвязи между глаголом и именами, когда падежи М S и М О зависят от глагола, управляются глаголом, лица же (и число) глагола зависят от М S-а и М О-а»².

И далее: «Отпадает вопрос об односторонней зависимости глагола-сказуемого от подлежащего; не может ставиться вопрос о подлежащем, как доминирующем имени, ни о „прямом“ дополнении, как имени, лишь зависимом от глагола, управляемом глаголом. Понятия „подлежащее“, „сказуемое“, „дополнение“ замещаются понятием „координаты“ — т. е. членом координации, будь то релятивный глагол или соотносящиеся имена»³.

Указанные положения в той или иной форме неоднократно подчеркиваются в ряде других работ автора. Почти в идентичной формулировке они высказываются, в частности, в его труде, посвященном грамматическому анализу чанского (лазского) диалекта занского языка. Здесь читаем: «Сложно и своеобразно синтаксическое взаимоотношение слов в чанском предложении, включающем в себя двухличный (или трехличный) глагол; это своеобразное синтаксическое взаимоотношение может быть квалифицировано как координация слов. Для процесса координации характерно следующее: от глагола-сказуемого зависит не только падеж объекта, но и субъекта; с своей стороны, глагол-сказуемое зависит от этих же имен: не

¹ А. С. Чикобава, Проблема простого предложения в грузинском языке, I — Подлежащее и дополнение в древнегрузинском языке, материалы по методологическому имманентизму, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.).

² А р н. Ч и к о б а в а, Проблема простого предложения в грузинском языке, I — Подлежащее и дополнение в древнегрузинском языке, материалы по методологическому имманентизму, 2-е изд., Тбилиси, 1968, стр. 243 (на груз. яз.).

³ Там же, стр. 243—244.

только субъект, но и объект управляет лицами глагола: слово, управляемое по одному признаку, является управляющим по другому признаку в отношении того же самого слова: это „взаимоуправление“ слов и обозначается нами термином координация; синтаксические члены координации суть координаты; с точки зрения синтаксического взаимоотношения члены координации принципиально равноценны; отпадает противопоставление субъекта (подлежащего) и объекта (прямого дополнения), столь характерное для европейских языков»⁴. Автор указывает далее, что «координация представляет собой синтаксическое отображение того морфологического явления, которое известно под именем полиперсонализма глагола („двухличие и трехличие глагола“)⁵.

Учение о координации считается основополагающим в решении проблемы эргативной конструкции предложения в кавказских языках. Подчеркивая это обстоятельство, в то же время следует отметить, что в ряде дагестанских языков глагол имеет довольно существенные структурные отличия от картвельского глагола. Если последний характеризуется «полиперсонализмом», т. е. «двухличием и трехличием», то во многих дагестанских языках, в частности в аваро-андо-цезских и в ряде южнодагестанских, глагол спрягается лишь по категории грамматического класса, а в лезгинском и агульском языках глагол не спрягается ни по классу, ни по лицу. Поэтому понятия «полиперсонализм» и «координация» находят здесь весьма условное применение.

Что же касается даргинского, лакского и табасаранского языков, то здесь представлено спряжение глагола как по классам, так и по лицам. Глагол здесь является не «двухличным» или «трехличным», как это имеет место в картвельских языках, и не «бесклассно-безличным», как это имеет место в лезгинском и агульском языках, а «классно-личным». Классно-личный принцип глагольного спряжения подчеркивает наличие определенной общности этих языков, но не говорит о единстве их синтаксических структур. Отличие здесь проявляется в падежных формах выражения именных членов предложения.

Таким образом, в некоторых дагестанских языках глагол является не «полиперсональным» в полном смысле этого понятия, т. е. не многоличным, а классно-личным: в нем представлены одно лицо и один класс (причем в одном случае лицо принадлежит одному имени, а класс — другому, а в другом — как лицо, так и класс относятся к одному и тому же имени). Если это обстоятельство делает условным использование здесь понятия «полиперсонализма», то употребление понятия «координации» оказывается вполне корректным, так как последнее является синтаксическим отображением классно-личного спряжения глагола названных языков в той же мере, в какой оно представляется таковым по отношению к понятию «полиперсонализма» картвельских языков. Стало быть, характер координации слов представляется решающим признаком, определяющим сущность синтаксического функционирования этих слов, следовательно, также решающим признаком для определения типологии предложения. Учение о координации лежит в основе дифференциации семантических и синтаксических категорий. Оно делает наглядным и бесспорным отсутствие полного тождества между этими категориями. В определенных случаях, разумеется, тождество семантических и синтаксических категорий существует, но оно не является полным, так как в ряде случаев подобного параллелизма не наблюдается.

⁴ А р н. Ч и к о б а в а, Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта, Тбилиси, 1936, стр. 225 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

⁵ Там же.

Представляется необходимым отметить, что понятия «субъект» и «подлежащее» приходится использовать как разнородные. Под «субъектом» (или «субъектом действия») понимается семантическое понятие источника действия, в то время как «подлежащее» представляет собой единицу синтаксического уровня — член предложения, в роли которого в зависимости от координационных свойств глагола-сказуемого может выступать как семантический субъект действия, так и объект действия. Координационные свойства глагола-сказуемого не только обуславливают необходимость дифференцировать понятия «субъект» и «подлежащее», но и служат основой установления наличия или отсутствия тождества между этими понятиями.

Если при определении синтаксического функционирования эргативного падежа в дагестанских языках последовательно исходить из учения о координации, то это функционирование следует признать принципиально разнородным. При этом эргатив в языках классной валентности глагола не может быть признан выразителем подлежащего, являясь «косвенным» падежом не только морфологически, но и синтаксически. В языках же классной и личной валентностей глагола эргатив может оформлять не только подлежащее, но и дополнение («косвенное»), являясь в синтаксическом отношении как «прямым», так и «косвенным» падежом. Таким образом, при последовательном соблюдении учения о координации должно быть подвергнуто пересмотру, если не отвергнуто, положение, согласно которому эргатив дагестанских языков во всех случаях представляется таким же «прямым» падежом, каким является абсолютив. Эргатив в дагестанских языках не может быть признан выразителем подлежащего, если от выраженного им субъекта действия не зависит ни личная, ни классная валентность глагола-сказуемого (например, даг. *шара шинни бицГиб* «озеро водой наполнилось» или «вода наполнила озеро»). В подобных случаях семантическое понятие «субъект действия» и синтаксическое понятие «подлежащее» не обнаруживают тождества или параллелизма. Эргатив здесь оказывается «косвенным» как морфологически, так и синтаксически. Имя «субъекта действия» в эргативе оказывается здесь дополнением, а «подлежащим» приходится признать абсолютив «объекта действия», от которого зависит классная валентность глагола-сказуемого. В аналогичных случаях постулировать эргативную конструкцию предложения довольно трудно.

Только игнорируя учение о координации, можно признать однородным синтаксическое функционирование координированного и некоординированного эргатива. Обращает на себя внимание тот факт, что соотносимые с эргативом личные и классные форманты глагола-сказуемого суть суффиксы. Соотносимые с абсолютивом личные форманты также суть суффиксы, но в отличие от них, соотносимые с абсолютивом классные форманты суть префиксы. Следовательно, классные форманты в одном случае — суффиксы, а в другом — префиксы, в то время как личные форманты во всех случаях — суффиксы. Префиксальный характер личного спряжения глагола в дагестанских языках не наблюдается вообще. В связи со сказанным обращает на себя внимание отмеченное в общей теории эргативности положение, согласно которому «... личное спряжение в эргативных языках носит либо чисто префиксальный, либо префиксально-суффиксальный характер. Его чисто суффиксальный принцип составляет редчайшие исключения»⁶. Если согласиться с этим положением, то дагестанские языки либо надо исключить из числа эргативных, либо отнести к редчайшим исключениям, так как личное спряжение в них носит исключительно чисто суффиксальный характер.

⁶ Г. А. К л и м о в, Очерк общей теории эргативности, М., 1973, стр. 99.

Согласно общепринятому в кавказоведении положению: «префиксация древнее суффиксации» (А. С. Чикобава), приходится признать, что личные суффиксы в дагестанских языках — явление вторичное. Если сказанное непроизвольно, то непроизвольно и положение, логически вытекающее из него, а именно: эргативная конструкция предложения с зависимостью личной формы глагола-сказуемого от эргатива субъекта действия — явление вторичное. Это утверждение находим совместимым с положением: «Субъект начинает обозначаться в переходном глаголе лишь впоследствии, когда нарождаются личные формы»⁷. Если верно, что личное спряжение глагола в дагестанских языках — явление вторичное, то верно и положение о том, что зарождение в этих языках эргативной конструкции предложения с зависимостью личной формы глагола-сказуемого от эргатива субъекта действия связано с возникновением личного спряжения глагола. Что же касается эргативной конструкции предложения с зависимостью классной формы глагола-сказуемого от эргатива субъекта действия, то ее также следует признать вторичной, так как классные форманты в этом случае являются суффиксами.

В дагестанских языках нет случая, чтобы при тождестве эргатива субъекта действия и подлежащего соотносимые с ними классные форманты глагола-сказуемого были бы префиксами. Поэтому если эргативную конструкцию предложения с зависимостью классной формы глагола-сказуемого от эргатива субъекта действия признать первичной (несмотря на то, что в этом случае классные форманты являются суффиксами), то пришлось бы отказаться от положения о первичности префиксации и вторичности суффиксации или же подвергнуть это положение модификации.

Следует отметить, что у некоторых исследователей языков классной валентности глагола наблюдается заметное отступление от принципов учения о координации. Здесь во главу угла выдвигается семантическое начало, а координационные свойства глагола и морфологическое выражение этих свойств оказываются пожертвованными ради семантики. Если имя представляет собой «реальный субъект», то независимо от того, соотносится с ним классная форма глагола-сказуемого или не соотносится, такое имя квалифицируется как подлежащее. И смотря по тому, какой падежной формой представлен этот «реальный субъект», постулируются разнообразные и многочисленные конструкции предложения: «реальный субъект в эргативе» — «эргативная конструкция», «реальный субъект в дативе» — «дативная конструкция», «реальный субъект в аффертиве» — «аффертивная конструкция», «реальный субъект в посессиве» — «посессивная конструкция», «реальный субъект в локативе» — «локативная конструкция», и т. д. Все решает здесь понятие «реального субъекта», автоматически квалифицируемого в качестве подлежащего. Независимость классной формы глагола-сказуемого от этого «реального субъекта» во внимание не принимается и, следовательно, игнорируется одно из основных положений учения о координации. Не ставится даже вопрос о наличии или отсутствии тождества между этим «реальным субъектом» и «подлежащим», такое тождество здесь, по-видимому, разумеется само собой. Между тем, классная форма глагола-сказуемого в языках классной валентности глагола соотносится только с абсолютивом, независимо от того, является данный падеж выразителем «реального субъекта» или же «реального объекта» — факт кардинальной важности для характеристики синтаксического функционирования не только самого абсолютного падежа, но и всех других падежей «реального субъекта», в их числе и эргативного. Но по отношению к этому факту учение

⁷ А р н. Ч и к о б а в а, Проблема эргативной конструкции предложения в иберийско-кавказских языках, II — Теории сущности эргативной конструкции, Тбилиси, 1961, стр. 168 (на груз. яз.).

о координации, к сожалению, проводится далеко не всегда. Координированный «реальный субъект» (абсолютив) и некоординированный «реальный субъект» (эргатив, датив, аффектив, генитив, локатив) в языках классной валентности глагола у некоторых исследователей получают одинаковую синтаксическую квалификацию. Это делается, очевидно, для того, чтобы не возвысить абсолютив «реального объекта» в ранг подлежащего. В противном случае функционирование эргативной конструкции предложения в этих языках окажется под сомнением, а сам эргатив рискует быть квалифицированным в качестве косвенного падежа не только морфологически, но и синтаксически. В этом случае, следовательно, вступает в силу другое учение, а именно: учение о «пассивности» «переходного» глагола соответствующих языков, точнее учение о том, что в этих языках лет глаголов действительных, а одни лишь средние и страдательные (П. К. Услар). А поэтому: «Эргативный падеж не является косвенным падежом и тогда, когда он выступает в функции косвенных падежей европейских языков. Эргатив — такой же прямой падеж, как и именительный. В этой связи должно быть отвергнуто положение о пассивности переходного глагола соответствующих языков»⁸. Или: «Эргативный падеж не является косвенным падежом не только в грузинском языке, но и в таком горском кавказском языке, как аварский, где эргативный падеж совмещает в себе функции и творительного падежа»⁹.

Если некоординированный эргатив «реального субъекта» является таким же прямым падежом, как и именительный, то было бы логично и последовательно таким же образом характеризовать как прямые и другие падежи «реального субъекта». Но почему-то ни датив, ни аффектив, ни генитив, ни локатив в языках классной валентности глагола не получают такой характеристики, никто их не называет такими же прямыми падежами, каким является номинатив. А почему, собственно, такая привилегия только для одного эргатива? Очевидно, эта привилегия эргатива объясняется двумя факторами: во-первых, важно доказать несостоятельность учения об отсутствии в некоторых кавказских языках действительных глаголов и отвергнуть положение о пассивности переходного глагола в этих языках; во-вторых, важно сохранить единую «эргативную конструкцию» и связанное с нею единство синтаксических структур этих языков. А учение о координации? Видимо, некоторые авторы находят возможным пожертвовать его положениями ради указанных факторов.

Между тем, соблюдая принципы учения о координации при характеристике синтаксического функционирования падежных форм, едва ли можно признать последовательным положение, согласно которому некоординированный эргатив аварского языка считается таким же прямым падежом, каким является координированный эргатив грузинского языка: при зависимости личной формы глагола-сказуемого от эргатива грузинского языка классная форма глагола-сказуемого совершенно не считается с эргативом аварского языка.

Если понятия «прямой падеж» и «подлежащее» принять за единицы синтаксического тождества, то в языках классной валентности глагола, в том числе и в аварском, морфологическим эквивалентом этих понятий может быть только абсолютный падеж. Иного «прямого» падежа нет в этих

⁸ А р н. Ч и к о б а в а, Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции, «Изв. ИЯИМК», XII, Тбилиси, 1942, стр. 241 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

⁹ А р н. Ч и к о б а в а, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942, стр. XVI (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

языках, так как ни с одним из других падежей классная форма глагола-сказуемого не считается и не может считаться по своей природе. В этих языках ни эргатив, ни датив, ни аффектив, ни генитив, ни локатив не могут считаться прямыми падежами и быть квалифицированы как выразители синтаксической позиции высшего ранга, так как классная форма глагола-сказуемого не считается ни с одним из них. Следовательно, ни одна синтагма не может носить синтаксического наименования по названию какой-либо из этих падежных форм. Там, где глагол-сказуемое соотносится только с абсолютным падежом, подлежащим может быть признано также только имя в данном падеже, а конструкция предложения — абсолютной. Такой является любая двухчленная синтагма независимо от того, что представляет собой в ней абсолютив семантически — «реальный субъект» или же «реальный объект». Некоординированный эргатив «реального субъекта» синтаксически занимает позицию агентивного дополнения и находится в ряду содержательных единиц низшего ранга, представленных другими такими же косвенными падежами.

Учение о координации к языкам классной валентности глагола применимо при оптимальных условиях: от глагола зависит, глаголом определяется падеж субъекта действия при условии, если этим падежом является абсолютив; классная форма глагола зависит от объекта действия в той же мере, что и от субъекта действия, при условии, если эти субъект и объект действия представлены абсолютивом. В рамках указанных условий в синтаксическом отношении учение об отсутствии действительных глаголов в языках классной валентности глагола не вступает в противоречие с учением о координации.

В дагестанских языках представлены различные по своей типологии конструкции предложения. Общей для всех языков является абсолютная конструкция, представляющая собой двухчленную синтагму непереходного глагола. Особый интерес представляют конструкции предложения переходного глагола в языках классной и личной валентностей глагола. Их можно было бы объединить под двумя типами: «эргативной» и «эргативоидной» (или «эргативосовмещающей»). Следует отметить, что тип эргативной конструкции является единой, в то время как тип эргативоидной конструкции представляет разные структурные варианты. Схематично оба типа можно представить так:

1. Схема эргативной конструкции: $N_{\text{эрг.}} - N_{\text{абс.}} - V_{\text{эрг. абс.}}$
2. Схемы вариантов эргативоидной конструкции:
 - а) $N_{\text{абс.}} - N_{\text{абс.}} - V_{\text{абс. абс.}}$
 - б) $N_{\text{дат.}} - N_{\text{абс.}} - V_{\text{дат. абс.}}$
 - в) $N_{\text{ген.}} - N_{\text{абс.}} - V_{\text{ген. абс.}}$

Эргативная и варианты эргативоидной конструкций являются трехчленными синтагмами. Здесь тождество «подлежащего» и «субъекта» является полным. Оба именных члена конструкции координируются с глаголом-сказуемым. Двусторонняя координация глагола-сказуемого и тождество семантических и синтаксических категорий — характерная особенность эргативной и вариантов эргативоидной конструкций. В эргативной конструкции выразителем подлежащего выступает эргатив имени, с которым глагол-сказуемое соотносится личным или классным суффиксом. По падежу подлежащего конструкция носит наименование эргативной. В ней объект выражен абсолютивом, с которым глагол-сказуемое соотносится классным префиксом. Что же касается эргативоидной конструкции, то по падежной форме выражения подлежащего она имеет в дагестанских языках три варианта. В одном из этих вариантов подлежащее выражается абсолютивом, в другом — дативом, в третьем генитивом.

Соответственно один из вариантов носит наименование эргативоидной абсолютной конструкции (в научной литературе она именуется также «индефинитной конструкцией» или «глагольной вариацией эргативной конструкции»), другой — эргативоидной дативной конструкции, третий — эргативоидной генитивной конструкции. Объект во всех трех вариантах выражается абсолютивом. Координация глагола-сказуемого во всех трех вариантах является двусторонней: суффиксом соотносится с подлежащим, префиксом — с объектом.

Подлежащее, выраженное абсолютивом, дативом или генитивом в вариантах эргативоидной конструкции, эквивалентно эргативу субъекта. Поэтому существует точка зрения, согласно которой эти падежи характеризуются как эргативы или в той же степени эргативами. Исследователь табасаранского синтаксиса Б. Г.-К. Ханмагомедов пишет, например: «Абсолютные формы личных местоимений 1 и 2-го лица в табасаранском языке нельзя рассматривать только как формы именительного падежа. Они в такой же степени являются при переходных глаголах и формами эргативного падежа»¹⁰.

Абсолютная форма местоимений 1 и 2-го лиц в табасаранском языке, равно как и в лакском, даргинском и других дагестанских языках, имеет идентичность с эргативом лишь функционально, в выражении содержательной функции субъекта действия. Поэтому она является здесь не эргативом, а «эргативосовмещающим» абсолютивом. А эргатив и «эргативосовмещающий» падеж (абсолютив, датив, генитив) не только относятся к разным морфологическим единицам, но и хронологически к разным ступеням типологической структуры языка. В этой связи, как известно, существует предположение, согласно которому «эргативосовмещающий» абсолютив хронологически предшествует «совмещающему» эргативу. Это предположение, никем пока не опровергнутое, не оправдывает утверждения, согласно которому в табасаранском языке эргатив с морфемой *-н* якобы хронологически предшествует «эргативосовмещающему» абсолютиву (*узу* ← *узун*, *уву* ← *уеун*), так как эта морфема (*-н*) встречается в архаических формах глагола (*йикIуразун* «я умираю», *йикIуравун* «ты умираешь»)¹¹. Корректность хронологической первичности «эргативосовмещающего» абсолютива по сравнению с «совмещающим» эргативом дает основание предположить, что приведенного типа глаголы в табасаранском языке являются не архаическими, а морфема *-н* в них является инновацией. Вполне возможно и иное предположение: форма личных местоимений с морфемой *-н* является не эргативом, а маркированным абсолютивом.

Выражение абсолютивом (дативом или генитивом) содержательной функции субъекта действия еще не дает основания отождествлять его с эргативом. Такое отождествление демонстрирует лишь негативное отношение к роли фактов поверхностной грамматики в квалификации синтаксических категорий. Между тем синтаксис не может строиться на голой семантике, на игнорировании морфологии.

Семантические категории «субъект» и «объект» в дагестанских языках могут быть представлены теми же падежными формами имен, что и соответствующие синтаксические категории, т. е. абсолютивом, эргативом, дативом, генитивом. Характер тождества (полного или частичного) семантических и синтаксических категорий в той или иной конструкции предложения обуславливается характером координационных свойств валентного глагола. Что же касается языков авалентного глагола, то установление

¹⁰ Б. Г.-К. Ханмагомедов, Очерги по синтаксису табасаранского языка, Махачкала, 1970, стр. 89.

¹¹ Там же.

наличия тождества этих категорий приходится проводить по аналогии с языками валентного глагола.

Полифункциональность эргатива и эргативосовмещающих падежей в дагестанских языках обуславливает решительную необходимость установления инварианта их значений. В решении этого трудного вопроса, как и в установлении закономерностей соотношения семантических и синтаксических категорий, важную роль играют факты поверхностной грамматики. Недооценка этой роли ведет к путанице. Тому свидетельство — объединение в общую модель в деталях существенно различающихся конструкций эргативной типологии с неадекватным использованием для их обозначения термина «эргативная конструкция предложения».

Если наивно представление, будто за тождеством формальных единиц разных языков скрывается тождество содержательных единиц, то едва ли справедливо считать столь же наивным представление, согласно которому различие формальных единиц обуславливает различие содержательных единиц.

ЦЫКИН В. А.

ПОЛУАФФИКСАЦИЯ В СИСТЕМЕ КИТАЙСКОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Абсолютизирование таких, действительно присущих китайскому языку, черт, как относительный моносиллабизм морфемы и простого слова и ограниченная изменяемость слова, породили представление о бесформенности китайского языка и отсутствию в нем морфологии. Это нашло отражение в традиционном определении китайского языка как языка корневого и аморфного. Так, например, крупнейший французский китаевед А. Масперо утверждает, что китайское слово неизменяемо, лишено каких-либо грамматических категорий и, следовательно, не может быть отнесено к какой-либо части речи¹.

Исследования, проведенные советскими синологами, позволили сделать вывод о наличии в китайском языке многосложных слов, позволили разграничить понятия «аморфность» и «изоляция». За китайским языком было оставлено определение изолирующего, т. е. такого языка, в котором отношения между словами не выражены в самом слове, но вне его, такими средствами, как, например, порядок слов в предложении, служебные слова и т. д. Было показано наличие в китайском языке различных грамматических категорий и морфологических средств их выражения. Морфологические явления китайского языка оказались специфическими и не во всем похожими на морфологию индоевропейских языков. Специфика морфологии китайского языка, однако, не может, как справедливо замечает П. В. Солнцева, влиять на определение соответствующих грамматических средств как морфологических явлений².

Среди вопросов морфологического строя языка значительное место занимают вопросы словообразования. В языках изолирующего типа, а также в некоторых других языках иных типов, например, в немецком, основным способом словообразования является словосложение. В современном китайском языке выделяется пять типов словосложения с атрибутивной, копулятивной, глагольно-объектной, результативной и субъектно-предикативной связью между компонентами³.

В последние столетия появился слой лексики, образование которой происходит не путем соединения лексически значимых единиц в одно целое, а иным путем: один из компонентов слова оказывается либо полностью лишенным лексического значения, либо частично утратившим его. Генетически такие частично или полностью делексикализованные компоненты, по-видимому, развились из знаменательных компонентов сложных слов⁴. Как известно, морфемы, выступающие в качестве грамматических конструктивных элементов словообразовательных типов и образующие длин-

¹ H. Maspero, *La langue chinoise*, «Conférence de l'institute de linguistique de l'Université de Paris. Année 1933», Paris, 1934.

² Н. В. Солнцева, О морфологической проблематике в исследованиях по языкам Юго-Восточной Азии, сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1970, стр. 6.

³ Эти типы были выделены в работах Е. Д. Поливанова и И. М. Ошанина. Вопрос о выделении шестого типа словосложения — глагольно-предложного (слова *фанцзай* «положить на», *чжуцзай* «жить в»), предложено Н. Н. Коротковым, остается пока дискуссионным.

⁴ См.: И. М. Ошанин, *Слово и часть речи в китайском языке*. ДД, М., 1948.

ные однотипные ряды слов, получили в лингвистике название «словообразовательные аффиксы» (морфемы, полностью лишённые лексического значения) и «словообразовательные полуаффиксы» (частично делексикализованные морфемы). Как показали исследования разных ученых, в современном китайском языке на базе и в рамках определенных типов словосложения развивается новый способ словообразования — аффиксация. Явление аффиксации в китайском языке — сравнительно молодой, находящийся в стадии своего развития, процесс, «чистых» аффиксов в языке немного. Это, однако, не может служить основанием, как полагал Б. Карлгрен, для отрицания наличия у современного китайского языка системы аффиксального словообразования⁵. Аффиксация китайского языка агглютинативна по своему характеру, но имеет ряд специфических черт⁶.

Главное внимание в настоящей статье будет уделено так называемым полуаффиксам, для которых возникает проблема отграничения их как от корней (знаменательных или вещественных морфем), так и от собственно аффиксов (служебных или грамматических морфем). В связи с вышесказанным возникает необходимость освещения таких вопросов, как: 1) какие морфемы могут быть отнесены к аффиксам и полуаффиксам современного китайского языка? 2) каковы возможные критерии разграничения корней, полуаффиксов и аффиксов? 3) достаточны ли различия между аффиксами и полуаффиксами для их взаимного разграничения и выделения полуаффиксации как самостоятельного способа словообразования?

При определении аффиксальных средств словообразования общее языкознание исходит из того, что аффиксы лишены какого бы то ни было лексического значения и представляют собой грамматические элементы языка.

Это характерно для «чистых» аффиксов, или собственно аффиксов. Что касается полуаффиксов, то их отличительной чертой как раз и является, как уже было сказано, некоторое сохранение вещественного значения или по крайней мере достаточно отчетливая соотнесенность со значением соответствующей знаменательной морфемы. При использовании той или иной самой по себе знаменательной морфемы в аффиксальной роли, т. е. в качестве полуаффикса, в некоторых случаях наблюдается редукция звучания морфемы и это принимается за критерий определения аффиксальных средств словообразования. Редукция звучания, однако, не всегда является обязательной для всех языков. Например, можно наблюдать редукцию звучания морфемы *man* в английских словах *Englishman* [ˈɪŋlɪʃmən] «англичанин», *Salesman* [ˈseɪlsmən] «продавец», но звучание *mann* в немецких словах *Kaufmann* «продавец», *Arbeitsmann* «рабочий» не редуцируется.

Обратимся теперь непосредственно к материалу китайского языка. Если сопоставить следующие два ряда китайских слов:

<i>цзюэдин</i> «решать, решительный»	<i>цзюэдинсин</i> «решительность»
<i>гунгу</i> «укреплять, прочный»	<i>гунгусин</i> «прочность»
<i>чанцзю</i> «долговременный»	<i>чанцзюсин</i> «долговременность»
<i>гаошан</i> «благородный»	<i>гаошансин</i> «благородство»

⁵ Б. Карлгрен признавал факт наличия в китайском языке словообразовательных и даже формообразовательных аффиксов, однако, ссылаясь на их малочисленность, утверждал, что это не может изменить общего характера китайского языка как языка, лишённого словообразовательных и формообразовательных аффиксов, ибо «одна ласточка не делает лета» (*but one swallow does not make a summer*), хотя само появление в китайском языке аффиксов считал знаменательным явлением, тенденцией развития языка, полагая, что «китайский язык должен в конце концов стать языком со словообразовательными и формообразовательными аффиксами» (*Chinese must be after all a language with affixes and inflections*). См.: В. Карлгрен, *Sound and symbol in Chinese*, Hong Kong University Press — Oxford University Press, 1962, стр. 23—60.

⁶ См.: Н. В. Солнцева, В. М. Солнцева, К вопросу об агглютинации в современном китайском языке, ВЯ, 1962, 6.

легко заметить, что все производные со словообразовательным элементом *-син* (в своей вещественной роли *син* имеет значение «качество, свойство, характер»), несмотря на разницу в их лексическом значении, имеют общее в семантике, и это общее отличает единицы второго ряда от слов их производящих и объединяет в одну группу. Объединяющим моментом является то, что все слова второго ряда относятся к существительным абстрактным, выражающим значение отвлеченного признака. Общее значение, придаваемое словообразовательным средством целому ряду слов, называется словообразовательным или деривационным, классифицирующим значением. Словообразовательное значение представляет собой значение, «присущее слову в целом (а не отдельной словоформе или нескольким словоформам) и формально выраженное внутрисловными средствами у части слов, относящихся к данной части речи. Оно занимает промежуточное положение между лексическим значением, которое свойственно отдельному слову или группе слов (но не имеет общего для этой группы внутрисловного формального выражения), и грамматическим категориальным значением, выраженным у всех слов данной части речи»⁷. Словообразовательное значение, с одной стороны, классифицирует слова грамматически по определенным группирующим категориям, например, по таким категориям, как категория локальности, абстрактного признака, лица, деятеля; с другой стороны, оно соотносится с лексическим значением и проявляется как таковое в каждом отдельном акте словообразования, модифицируя значение корня. При сопоставлении рядов производных на *-цзы*⁸ и *-цзя*, например: *хэйцзы* «пятно» (*хэй-* «черный»), *иньцзы* «начало» (*инь-* «начинать»), *чуцзы* «повар» (*чу-* «кухня»); *хуацзя* «художник» (*хуа-* «рисовать»), *цзоцзя* «автор, писатель» (*цзо-* «делать»), *кэсюэцзя* «ученый» (*кэсюэ-* «наука») и т. д., отчетливо видно, что словообразовательные морфемы данных рядов слов *-цзы* и *-цзя* участвуют в процессе деривации, проявляясь в производном как модификаторы семантики корня. Первая образует слова со значением предметности, вторая придает словам значение лица. Словообразовательные морфемы заранее «программируют» лексическое значение производного слова.

Каждое производное имеет соотнесенность с той или иной частью речи. Именно словообразовательные морфемы обычно придают это категориальное значение производному, содействуют дифференциации слова как части речи⁹. В китайском языке это положение имеет важное значение как еще одно доказательство наличия частей речи и возможности их выделения. Вопрос о важности морфологических признаков при выделении частей речи в китайском языке уже давно обсуждается среди советских сипологов¹⁰. В частности, Н. Н. Коротков пишет: «Важной отличительной особенностью двусложных и отчасти многосложных слов с предметным значением является довольно частое наличие в их составе суффиксов и полусуффиксов,

⁷ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 37.

⁸ Здесь рассматриваются только те случаи, когда *-цзы*, а также *-эр*, *-тоу* употребляются как словообразовательные элементы, и не рассматриваются случаи, когда эти морфемы употребляются для изменения «формы существования» слова, например, *мэнь* — *мэр* «дверь». Об изменении «формы существования» слова см.: В. М. С о л н ц е в, Относительно роли суффиксов *-цзы*, *-эр* и *-тоу* в современном китайском языке (К вопросу о двух формах существования слов), сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958.

⁹ Словообразовательная морфема *-хуа* в современном китайском языке образует слова как со значением действия: *люйхуа* «озеленять», так и со значением его называния: *люйхуа* «озеленение». Существует точка зрения, что такие образования аналогичны русским причастиям, сочетающим в себе признаки прилагательного и глагола, или деепричастиям, сочетающим признаки глагола и наречия; или английским герундиям, сочетающим признаки глагола и существительного.

¹⁰ См., например: И. М. О ш а н и н, указ. соч.; В. М. С о л н ц е в, Проблемы слова и корня в китайском языке. КД, М., 1953.

которые играют не только словообразовательную, но и „классообразовательную“ роль, формально свидетельствуя о принадлежности слова к классу существительных»¹¹. Так, например, если взять одну производящую основу, то она может стать базой образования слов, относящихся к различным частям речи. Производящая основа *хэй-* дает два различных слова: *хэй* «черный, темный» и *хэйцзы* «пятно». Таким образом, отсутствие суффикса характеризует значение качественного прилагательного, а прибавление суффикса *-цзы* позволяет сказать, что данное слово — существительное, суффикс *-цзы* фиксирует принадлежность производных слов к именам существительным. Распределение словообразовательных средств между частями речи дает еще одну возможность выделения последних, исходя из структуры производных. Здесь имеется в виду морфемный состав, структура китайского слова¹². «Таким образом, в отличие от слов с глагольным и качественным значением, где принадлежность к данному классу слов ни одним из компонентов слова не выражалась, — пишет Н. Н. Коротков о суффиксах существительных, — здесь в составе самого слова есть показатель его принадлежности к данному классу, слова производные отнесены к существительным самой их структурой»¹³. Причем следует отметить тот факт, что за каждой частью речи закреплен определенный набор словообразовательных средств, например, морфемы *-цзя*, *-юань* *-шоу* являются средствами образования существительных со значением лица (*вэньсюэцзя* «литератор», *фэйсинъюань* «летчик», *хайшоу* «моряк»), перекрещивание между которыми в ряде случаев являет собой омонимию словообразовательных средств. Как мы уже упоминали выше, в китайском языке производные на *-хуа* можно рассматривать и как глаголы, и как существительные со значением процесса. Омонимичными оказываются суффикс существительных *-эр* и суффикс некоторых категорий наречий *-эр*, например, наречий места: *чжэр* «здесь», *нар* «там» и наречий времени: *чжэданр* «сейчас, в это время». По поводу этого суффикса А. А. Драгунов пишет следующее: «В некоторых наречиях места и времени суффикс *-(э)р*, по-видимому, является всего лишь фонетическим субститутотом морфем *ли* «внутри» и *жи* «день», а в других разрядах наречий он, возможно, как-то связан с наречным суффиксом *жань/ань*. На различные исторические источники предметного *-(э)р* и наречного *-(э)р* указывает и то обстоятельство, что в современном языке наречное *-(э)р* никогда не заменяется суффиксом *-цзы*, тогда как при предметном *-(э)р* в ряде случаев это возможно»¹⁴.

Несмотря на наличие подобных явлений, одной из основных характеристик словообразовательных средств является способность выступать выразителями категориального значения производных, классифицируя их по частям речи.

И, наконец, словообразовательные морфемы в китайском языке могут придавать слову определенную стилистическую отнесенность, а также эмоционально-оценочную окраску. Слова языка могут принадлежать к определенному стилистическому пласту и, кроме того, могут также иметь свои особые эмоционально-оценочные свойства. Простейший анализ производных подтверждает тот факт, что словообразовательные морфемы могут

¹¹ Н. Н. Коротков. Основные особенности морфологического строя китайского языка, М., 1968, стр. 122.

¹² О роли структуры слова для определения принадлежности его к части речи см.: В. М. Солнцев, О частях речи в китайском языке, ВЯ, 1956, 5.

¹³ Н. Н. Коротков, указ. соч., стр. 123—124.

¹⁴ А. А. Драгунов, Категории зависимой и независимой предметности в современном китайском языке, «Советское востоковедение», 1949, 6, стр. 119; о суффиксе наречий *-жань* см.: Н. Н. Коротков, Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом *-жань* в китайском языке, «Труды Московского института востоковедения», М., 1946.

играть определенную роль при формировании стилистически окрашенных слов; например, производящая основа *уме-* образует два производных: *уме* и *умецзуй* — два слова с одним значением «клевета». Эти слова отличаются лишь последними компонентами и принадлежат к различным стилям. Так слово *уме* принадлежит разговорно-бытовому стилю, а слово *умецзуй* является термином юриспруденции. Эмоционально-оценочное обособление слов с суффиксами *-эр* и *-цзы* отмечали А. А. Драгунов и Ван Ли, полагая, что *-эр* и *-цзы* привносят в слова соответственно позитивный и негативный оттенки¹⁵. В «Стилистике китайского языка» В. И. Горелов вслед за А. А. Драгуновым и Ван Ли пишет, что «семантический анализ словообразовательных суффиксов и полусуффиксов свидетельствует о наличии в китайском языке своеобразных средств формирования существительных с эмоционально-оценочным значением»¹⁶. Производящая основа *лаотоу-* образует пару слов: *лаотоур* и *лаотоуцзы* со значением «старик», которые противостоят друг другу по эмоционально-оценочным свойствам. Например, *лайла игэ лаотоур* «пришел какой-то старец», но *цяо, жэцэцао лаотоуцзы до таоянь на!* «посмотрите, до чего же надоедлив этот паршивый старикашка». По мнению В. И. Горелова, «эти суффиксы противопоставлены друг другу. Они образуют оппозицию и в составе соответствующих пар существительных передают: первый — позитивное значение, второй — негативное значение»¹⁷. Следует заметить, однако, что не все пары слов на *-эр* и *-цзы* составляют подобную оппозицию. Во-первых, существуют слова на *-эр* и *-цзы*, которые вообще не составляют синонимической пары, происходит дифференциация значения производных, например, *цзор* означает «место», а *цзоцзы* означает «станина». Во-вторых, существует большое количество слов, которые составляют синонимическую пару, но в составе этой пары не образуют оппозиции, например, *пяр* — *пьяньцзы* «карточка, дощечка», *шур* — *шуцзы* «число, цифра» и т. д. С другой стороны, эмоционально-оценочная окраска появляется в тех случаях, когда один из членов предполагаемой оппозиции отсутствует. Например, *пьяньцзы* «мошенник, обманщик», *хуацзы* «мот, транжир»; синонимы этих слов с суффиксом *-эр* (*пяр* и *хуар*) в языке не употребляются¹⁸. Совершенно очевиден тот факт, что эмоционально-оценочное значение, привносимое суффиксами *-эр* и *-цзы* в производные, проявляется не во всех случаях, чаще всего это происходит при образовании существительных со значением лица, хотя возможна эмоционально-оценочная и даже семантическая дифференциация и при образовании существительных со значением предмета, например, *мэр* «дверь» — *маньцзы* «лазейка, протекция, рука».

Итак, словообразовательные морфемы в процессе деривации, создания производного слова несут определенное словообразовательное значение, которое участвует в формировании семантики производного; обладают определенным категориальным значением, формирующим производное как часть речи; наконец, они могут формировать стилистическую отнесенность, а также в ряде случаев эмоционально-оценочные свойства нового слова. Отправной точкой для выделения словообразовательных морфем является наличие в языке лексического ряда, характеризующего стабильность сло-

¹⁵ См.: А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М. — Л., 1952; Ван Ли, Чжунго сяндай юйфа [«Грамматика современного китайского языка»], Пекин, 1957.

¹⁶ В. И. Горелов, Стилистика китайского языка (курс лекций), М., 1974, стр. 20.

¹⁷ Там же, стр. 21.

¹⁸ Существующее в языке слово *хуар* «цветок» образовано от корня *хуа-* «цветок», тогда как слово *хуацзы* «мот, транжир» образовано от другого корня — *хуа-* «тратить»; эти корни являются омонимами, а в письменной записи — омографами.

вообразовательного средства, т. е. частоту употребления с определенным лексическим, категориальным, стилистическим, а иногда и эмоционально-оценочным значениями.

Наличие перечисленных свойств подтверждает правомерность выделения в китайском языке особого способа образования слов, отличного от словосложения.

В современной лингвистической литературе принято считать, что «аффиксы — это морфемы с грамматическим значением»¹⁹. Аффикс включается в слово с целью изменения его смысла, значения, функции, роли²⁰. Если корень указывает основное лексическое значение, то аффикс, являясь носителем словообразовательного значения, уточняет это значение, модифицирует лексическое значение корня и вместе с корнем формирует лексическое значение нового слова. Эта особенность аффиксов — отсутствие конкретного вещественного значения и наличие абстрактного грамматического значения — определяет невозможность его самостоятельного, без связи с каким-либо вещественным значением, употребления. Как отмечал Г. О. Винокур: «...аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-либо основе, а не существует сам по себе»²¹. Аффиксы представляют собой морфемы, лишённые самостоятельного статуса в языке. Китайские аффиксы *-цзы*, *-эр*, *-тоу* отчетливо выражают понятие предметности в самом широком смысле этого слова, включая и предметы мысли: *чжоуцзы* «стол», *хаор* «добро», *мутоу* «дерево», но вне этих слов, взятые отдельно, они не могут выражать этого понятия. В настоящий момент развития языка эти морфемы лексически бесцветны, хотя в прошлом слова, от которых они произошли, являлись носителями самостоятельного лексического значения. Так, *эр* употреблялось в значении «сын». Это значение сохранилось в словах *эрцзы* «сын», *эртун* «ребенок», *эрфу* «сноха, жена сына»; *цзы* имело значение «сын, ребенок», сохранившееся в словах *цзысюнь* «дети и внуки, потомки», *цзыфу* «сноха, жена сына»; *тоу* употребляется в современном языке как самостоятельное слово, имея несколько значений, например: «голова, верхушка; глава, лидер; начало; крайняя оконечность» и т. д., одно из которых послужило исходным при образовании аффикса со словообразовательным значением предметности.

Таким образом, аффиксы, как особая группа словообразовательных морфем, характеризуются полной грамматикализацией вследствие утраты лексического значения и невозможностью самостоятельного употребления.

Соединение производящего корня с аффиксом представляет собой чисто морфологический процесс, ибо морфологическое словообразование, как указывал Л. В. Щерба, будет иметь место «...во всех тех случаях, когда словопроизводящий элемент не отождествляется с каким-нибудь словом, обозначающим самостоятельный предмет мысли»²².

Второй группой морфем, участвующих в словообразовательных процессах, является группа полуаффиксов, занимающая промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. Наиболее полно теория полуаффиксов разработана в трудах германистов, в частности в работах М. Д. Степановой²³. Термин «полуаффикс» для характеристики определенной группы словообразовательных морфем в китайском языке

¹⁹ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 263.

²⁰ Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, М., 1960, стр. 44.

²¹ Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, в кн.: «Избр. работы по русскому языку», М., 1959, стр. 426.

²² Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения, в кн.: «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, стр. 52.

²³ М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953; е е же, Методы синхронного анализа лексики, М., 1968.

впервые был применен И. М. Опаниным²⁴. В коллективной монографии «Китайский язык» полуаффикс определяется как компонент многосложного слова, который «не является, строго говоря, суффиксом, поскольку он сохраняет в какой-то мере свое лексическое значение, однако функционально он ведет себя подобно суффиксу, образуя ряды слов с однородным значением»²⁵. Таким образом, функциональное тождество аффиксов и полуаффиксов, на основе которого и возможно выделение особой группы словообразовательных морфем, заключается в том, что полуаффиксы, подобно аффиксальным морфемам, образуют длинные ряды слов, обладают определенной частотой употребления с одним и тем же словообразовательным значением. Если сравнить два ряда слов, образованных с помощью суффикса *-цзя* и полусуффикса *-ци*, например: *цзоцзя* «автор», *иньюэцзя* «музыкант», *кэсюэцзя* «ученый»... *хуацзи* «карбюратор», *цзюйчжунци* «домкрат», *дяньвэйци* «потенциометр»..., то можно легко заметить, что первая группа слов относится к существительным со значением лица/профессии, вторая группа слов относится к существительным со значением устройств (механических, электрических и т. д.). И суффикс *-цзя*, и полусуффикс *-ци* являются средствами словообразования современного китайского языка, представляют собой функционально тождественные морфемы.

В определении В. М. Солнцева есть еще один момент. Он касается различия между аффиксами и полуаффиксами и заключается, по мнению автора, в семантике обеих морфем. Аффиксы не обладают конкретным вещественным значением, а полуаффиксы, в отличие от них, сохраняют в какой-то мере свое лексическое значение. Это лексическое значение не является полным, полуаффикс несет как бы остаточное значение той корневой морфемы, которая стала базой его развития. Как отмечает чешский синолог З. Германова-Новотна, полуаффиксы противопоставляются корневым морфемам, от которых они образованы. Это противопоставление заключается в основном в ограничении употребления или сочетаемости полуаффиксов (аффиксоподобных формативов, по терминологии З. Германовой-Новотной), что приводит к сужению лексического значения, которое З. Германова-Новотна считает одним из характернейших признаков подобных морфем²⁶. Лексическое побледнение (делексикализация или десемантизация) вызывает в определенных случаях грамматикализацию, ограничение самостоятельного употребления в языке, приводит к употреблению морфемы в качестве грамматического средства словообразования. Однако потеря лексического значения не всегда влечет за собой грамматикализацию морфемы, хотя полная потеря лексического значения или изменение его до несоотнесимого с исходным является условием перехода морфемы в грамматический служебный элемент словообразования.

Важным подтверждением грамматикализации морфемы является возможность ее замены, например: *цзяоши* — *цзяоюань* «учитель, преподаватель», *муцзян* — *мушоу* «столяр», *юньдунъюань* — *юньдунцзя* — *юньдунчжэ* «спортсмен», *хуашоу* — *хуацзя* — *хуачжэ* «художник»²⁷. Взаимозаменяемость полуаффиксов и возможность замены их на чистый аффикс подтверждает известную степень грамматикализации морфем *-ши* «наставник, учитель, мастер», *-цзян* «мастер», *-шэн* «ученик», *-ци* «машина, меха-

²⁴ См.: И. М. Опанин, О частях речи в китайском языке З, «Труды ВИИЯ», 3, 1947.

²⁵ Н. Н. Коротков, Ю. В. Рождественский, Г. П. Сердюченко, В. М. Солнцев, Китайский язык, М., 1961, стр. 52.

²⁶ Z. Heřmanová-Novotná, Affix-like word formation patterns in Modern Chinese, «Dissertationes Orientales», 21, Academia, Prague, 1969, стр. 87.

²⁷ Однако при всей близости этих слов их лексические значения отличаются оттенками и являются синонимичными. Здесь действует закон знака: использование новой знаковой формы влечет за собой изменение лексического значения.

низм, аппарат, устройство», хотя они еще остаются носителями некоторого лексического значения.

Таким образом, для В. М. Солнцева основным критерием разграничения аффиксов и полуаффиксов является наличие лексического значения у последних, ибо функционально они тождественны (служебная функция полуаффиксов ведет к известной грамматикализации этих морфем). При разграничении корневых и полуаффиксальных морфем семантический признак оказывается неэффективным, ибо и корни, и полуаффиксы обладают лексическим (пусть остаточным лексическим) значением, поэтому здесь в силу вступает функциональный признак.

Наличие остаточного лексического значения у полуаффиксов проводит грань в группе словообразовательных морфем, выделяя аффиксы, с одной стороны, и полуаффиксы, с другой. Кроме того, каждая полуаффиксальная морфема образует коррелятивную пару с исходной корневой морфемой, члены которой находятся в этимологически родственных отношениях. Образование подобных коррелятивных пар является результатом расхождения значений корня и полуаффикса в составе производных. Причем факт этого расхождения может сказаться как на нормах произношения, так и на нормах морфологического поведения. Это положение, получившее в лингвистике название морфологической изоляции или обособления, нашло свое теоретическое обоснование в трудах Г. Пауля²⁸. Коррелятивная пара, образованная корневой морфемой и полуаффиксом в составе производного, сохраняется до тех пор, пока члены этой пары связаны этимологически родственными отношениями и обладают общим ядром лексического значения. Нарушение семантической связи в коррелятивной паре может привести либо к изменению статуса одной из морфем, либо к ее исчезновению из языка вообще. И то, и другое свидетельствует о рождении грамматического средства словообразования — аффикса. Китайские морфемы *-тоу* и *-цзя* уже не осознаются родственными корням *тоу-* и *цзя-* (соответственно: «голова, глава; начало; оконечность», и «дом, семья»), от которых они произошли как словообразовательные аффиксы современного языка, *-тоу* со значением предметности вообще, *-цзя* со значением лица. Такие морфемы как *-ши* «наставник, мастер, учитель», *-цзян* «мастер», *-шэн* «ученик», *-ци* «машина, механизм, аппарат, устройство» и т. д., выступая в роли словообразовательных морфем, не утратили семантических связей с исходными корневыми морфемами, ср.: *шифу* «мастер, наставник» (*фу* «учитель, наставник») и *цзяоши* «учитель, наставник» (*цзяо* «учить»); *цисе* «аппаратура» (*се* «аппарат, приспособление») и *чжишици* «указатель, индикатор» (*чжиши* «указывать, обозначать»). Еще более рельефно проступает связь полуаффиксов с исходными корневыми морфемами при анализе полуаффиксов, появившихся в результате морфемной контракции, способа словообразования, при котором происходит выпадение отдельных компонентов из состава сложного слова или словосочетания²⁹. При выпадении из состава слова или словосочетания одного из компонентов, оставшаяся морфема не только выражает лексическое значение всего исходного слова, но и должна быть наиболее близкой к семантическому ядру последнего. Например, слово *лилунь* «теория, учение» сокращается до *-лунь* с тем же значением: *жэньшилунь* «гносеология», *бижаньлунь* «детерминизм»; *синвэй* «действие, поступок» сокращается до *-син* с тем же значением: *цусин* «грубость», *цзуйсин* «злодеяние, преступление» и т. д.

Этимологический признак, как критерий разграничения аффиксов и полуаффиксов, положен в основу определения полуаффиксальных морфем

²⁸ См.: Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960.

²⁹ Подробнее о морфемной контракции см.: И. Д. Клинин, Морфемная контракция в китайском языке, ВЯ, 1975, 2.

авторами монографии «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». «Полуаффиксы, пишут они, — это морфемы, тождественные чистым аффиксам, но имеющие самостоятельные корреляты а) в виде неполнозначных служебных слов и б) в виде полнозначных слов, но с морфологической и семантической изоляцией от последних»³⁰.

Эти три признака: функциональный, семантический и этимологический, которые характеризуют полуаффиксальные морфемы как особую группу словообразовательных морфем в общей системе словообразовательных средств, являются исходными при определении и разграничении аффиксов, полуаффиксов и корневых морфем. Наиболее полно они отражены в определении полуаффиксов М. Д. Степановой, которая пишет: «Компоненты рассматриваются как полуаффиксы, когда они, не теряя ни формальной (? — В. Ц.), ни (в большинстве случаев) частичной семантической связи с корневой морфемой: 1) обозначают, как и аффиксы, широкую словообразовательную категорию (лица, собирательности, предметности, усиления и т. д.); 2) отличаются значительной продуктивностью, т. е. легкостью перехода от одной основы к другой; 3) могут конкурировать с подлинными аффиксами или же разделяют с ними область действия»³¹. Кроме рассматриваемых здесь трех признаков: функционального, семантического и этимологического, важным является еще одно положение — продуктивность подобных морфем и способность полуаффиксов конкурировать с чистыми аффиксами.

Итак, полуаффиксы отличаются от аффиксов наличием остаточного лексического значения, но функционально они тождественны, а от корней — функциональным тождеством с аффиксами. С семантической точки зрения и корневая, и полуаффиксальная морфемы сходны, лексически значимы. Третий фактор, этимологический, приобретает важное значение в тех случаях, когда высокая степень делексикализации и грамматикализации затрудняет определение морфемы как словообразовательного аффикса или полуаффикса. Наличие коррелята позволит определить данную морфему как полуаффикс, отсутствие такового дает право говорить об аффиксе. Так, например, семантические отношения связывают корень *син-* «качество, свойство, характер» и словообразовательную морфему *-син* со значением абстрактного признака. Связь корневой морфемы и полуаффикса еще прослеживается в словах, образованных от качественных основ, например, *таньсин* «упругость» (*тань-* «упругий»), она заметно ослабевает в словах с именной основой: *дансин* «партийность», (*дан-* «партия»), *цзецзисин* «классовость» (*цзецзи-* «класс»), и, наконец, она почти исчезает в процессе образования относительных прилагательных, например, *цюаньгосин(ды)* «общенациональный, общегосударственный» (*цюаньго-* «все государство»), *цзяньшэсин(ды)* «созидательный, конструктивный» (*цзяньшэ-* «созидать, строить, конструировать»).

Когда семантическое побледнение соответствующей морфемы незначительно и степень грамматикализации низка, то это затрудняет проведение грани между корневой и полуаффиксальной морфемой. Наличие коррелятивной пары позволяет говорить о рождении полуаффикса, например, морфема *-ти* «тело» в словах *гуги* «твердое тело» (*гу-* «твердый»), *цзинти* «кристалл» (*цзин-* «кристалл, кристаллический»), *лифанти* «куб» (*лифан-* «куб, кубический») хорошо осознается как полнозначная морфема, это корень в составе сложных слов. Но во входящих в этот же семантический ряд словах: *ети* «жидкость» (*е-* «жидкость»), *цити* «газ» (*ци-* «газ») происходит семантическое побледнение, морфема *-ти* начинает означать состоя-

³⁰ «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 369.

³¹ М. Д. Степанова, Методы синхронного анализа лексики, стр. 105—106.

ние: *Вомэнь доу чжидоао, ибаньды ути ю саньчжун чжуантай, цзи цити, гути, эти* (Чжан Дай-нянь, Чжунго вэйчжун сысян цзянши) «Общезвестно, что все тела могут находиться в трех состояниях: а именно — газообразном, твердом и жидком». Следствием этого является функциональное разграничение, в языке начинают использоваться два варианта морфемы, которые образуют теперь коррелятивную пару с общим ядром лексического значения, что позволяет констатировать в данном случае появление полусуффикса *-ти*. Именно в виду отсутствия коррелята у морфемы *суань* «кислота, кислот», мы считаем невозможным отнести ее не только к аффиксам, но и к полуаффиксам, хотя она является последним компонентом достаточно большого семантического ряда. Во всех словах ряда *суань* она выступает как корневая морфема со своим исходным значением.

Как утверждает Г. Пауль «...единственным нормальным способом возникновения формальных элементов в языке является лишь... с л о в о с л о ж е н и е»³². Это положение полностью подтверждается и фактами китайского языка. Именно компонент сложного слова служит исходной базой рождения разнообразных китайских аффиксов и полуаффиксов³³. Первым толчком к образованию аффиксов «...всегда служит то обстоятельство, что член сложного слова теряет связь с первоначально тождественным ему простым словом»³⁴. Начинается процесс лексических изменений, делексикализация или десемантизация значимой морфемы. Делексикализация значимой морфемы может быть полной или частичной. Полная делексикализация ведет к образованию аффикса как морфемы, полностью лишенной вещественного значения, частичная или неполная делексикализация характеризует полуаффикс как морфему с остаточным лексическим значением, которое легко прослеживается в производных словах. Именно остаточное лексическое значение у полуаффиксов послужило основанием для З. Германовой-Новотной при выделении особой группы словообразовательных морфем — семантических формативов. Степень делексикализации полуаффиксов неодинакова, в зависимости от чего мы можем говорить о том, что данный полуаффикс ближе к аффиксу или к корневой морфеме. Так, например, полуаффикс *-син* со значением абстрактного признака обладает достаточно высокой степенью делексикализации и находится ближе к чистым аффиксам, нежели полуаффикс *-ци* со значением машин, механизмов, приборов, аппаратов и т. д., степень делексикализации которого гораздо ниже. Степень делексикализации позволяет выделить в общем наборе полуаффиксальных морфем отдельные группы.

Лексические изменения могут в дальнейшем привести к грамматикализации морфемы, одним из важнейших признаков которой, как уже отмечалось выше, является возможность взаимозаменяемости словообразовательных морфем. Степень грамматикализации, так же как и степень делексикализации, неодинакова. Если аффиксы являются грамматическими морфемами, то полуаффиксы лишь частично подверглись процессу грамматикализации. В большинстве случаев словообразовательное значение полуаффиксов еще имеет тесную связь с лексическим значением корневой морфемы, явившейся исходной в процессе грамматикализации, в то время как словообразовательное значение аффиксов давно утратило связь с исходным лексическим значением корневой морфемы.

Закрепление лексических и грамматических изменений происходит в дальнейшем в фонетическом плане. Изменение звучания морфемы «не есть чисто фонетическое явление, оно имеет тесные связи с грамматикой,

³² Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 385.

³³ См. указанные работы И. М. Опанина и В. М. Солнцева.

³⁴ Г. Пауль, указ. соч., стр. 410.

обладает сравнительно высокой устойчивостью»³⁵. Фонетические изменения, происходящие в процессе превращения слова в аффикс, могут быть двоякого рода: редукция звучания морфемы и нейтрализация тона. Редукция звучания может быть в свою очередь различной по степени, вплоть до утраты морфемой своего изначального слогового характера. Редукция тона также может быть различной. Морфема может полностью потерять тон, как это происходит у суффиксов *-цзы*, *-эр*, *-тоу*, например, *чжэцзы* «стол», *хэор* «добро», *мэтоу* «дерево», или нейтрализоваться частично, например, *сэлюй* «скорость»³⁶. Если проследить изменения звучания морфемы в последовательности ее аффиксального развития, то вполне логично предположить, что морфема проходит несколько этапов фонетических изменений, как-то: частичная нейтрализация тона, полная нейтрализация тона, редукция звучания, потеря слогового характера. Так, первые китайские аффиксы существительных *-цзы* и *-эр*, появившиеся, по мнению Ван Ли, в период среднекитайского языка IV—XII вв.³⁷, представляют собой сильно редуцированные морфемы (*эр* с потерей слогового характера³⁸), хотя возможно чтение их полным тонированным слогом, например, *яоэр сэй*, *тэйэр чан* «тонкая талия, длинные ноги». В корейском ксилографе «Пэкрён чхэхэ» (антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом), написанном по-китайски, представляющем собой ценнейший памятник поэтического искусства XVI в., суффиксы *-цзы* и *-эр* не могли читаться иначе как полным тонированным слогом: *чичжун хэбэйэр сань*, *ляншан чжусэньньцзы лян* «Лотоса лист посреди пруда — будто зонтик для рыбок, паутина над балками дома — служит ласточкам занавеской» (Пэкрён чхэхэ, М., 1960, № 18). Очевидно в этот период морфемы *-цзы* и *-эр*, употребляясь как аффиксы, не редуцировали своего звучания и не теряли этимологического тона. Звучание более позднего суффикса *-тоу*, утратившего этимологический тон, редуцируется значительно слабее. Для современного суффикса *-цзя* не характерна ни высокая степень редукции звучания, ни полная потеря тона, на современном этапе развития суффикс *-цзя* подвержен лишь частичной нейтрализации тона³⁹.

Полуаффиксальные морфемы в большинстве своем частично нейтрализуют тон, не редуцируя звучания. Степень нейтрализации этимологического тона в данном случае будет зависеть от количества компонентов в слове.

Таким образом, в пределах функционального тождества полуаффиксы отличаются от аффиксов лишь степенью происшедших изменений: меньшей степенью грамматикализации и делексикализации, а также меньшей степенью фонетического обособления от исходных корневых морфем.

Когда речь шла об аффиксах как словообразовательных морфемах, полностью утративших свое лексическое значение, мы отмечали, что аффиксальное словообразование представляет собой чисто морфологическое явление, процесс соединения лексически значимой корневой морфемы со словообразовательным аффиксом — грамматическим элементом языка. Полуаффиксация же занимает особое промежуточное место в системе языка, формируя словообразовательные ряды, характеризующиеся при-

³⁵ «Сяньдай ханьюй» [«Современный китайский язык»], I, Пекин, 1958, стр. 94.

³⁶ См. результаты исследования З. Германовой-Новотной в указанной работе.

³⁷ Ван Ли, Ханьюй шигао [«Очерки истории китайского языка»], Пекин, 1958.

³⁸ «Что же касается суффикса *-г*, то он в отличие от всех остальных морфем китайского языка а с л л а б и ч е н, т. е. не составляет слога, и его присоединение не увеличивает числа слогов в слове (хотя он и записывается отдельным пероглифом)» (Т. П. Задоевко, Хуан Шу-ин, Учебник китайского языка, М., 1973, стр. 141).

³⁹ См. результаты исследования З. Германовой-Новотной в указанной работе.

знаками, которые сближают эти ряды то с чистыми сложениями, то с аффиксальными производными»⁴⁰. Промежуточное положение полуаффиксации отмечали и многие советские синологи, в частности А. А. Драгунов, отмечая промежуточное положение подобных морфем, называл их «словами-аффиксами» или «корнями-аффиксами»⁴¹. Промежуточный характер полуаффиксации не означает, что этот факт языка есть обязательная, переходная ступень от словосложения к аффиксации, так же как и не означает, что полуаффиксы есть обязательная переходная ступень превращения корневой морфемы в аффикс, грамматический элемент словообразования, хотя некоторые полуаффиксы проявляют тенденцию к подобному переходу. И все же полуаффиксы представляют собой устойчивое явление, появившись в определенный период развития языка, они постоянно развиваются и пополняются. Кроме того, полуаффиксация распространена не только в языках с преобладанием словосложения в словообразовании, например, в немецком и китайском, она встречается и в языках, характеризующихся аффиксацией как основным способом словообразования, например, в русском и английском. Полуаффиксация, таким образом, не есть одиночное явление определенной языковой системы, она носит более общий характер.

Суммируя все вышесказанное о полуаффиксах, нам кажется возможным считать полуаффиксацию особым, самостоятельным, лексико-морфологическим способом словообразования.

Исходя из этого, нам кажется неточным определение полуаффикса как «корневой морфемы, выступающей в функции аффикса (префикса или суффикса)»⁴², равно как было бы неточным определять его как аффикс, обладающий лексическим значением. С точки зрения синхронного рассмотрения языка, полуаффиксы представляют собой особый тип словообразовательных морфем, с точки зрения развития языковых средств, т. е. в плане диахронии, полуаффиксы занимают промежуточное положение между корнями и аффиксами, что отнюдь не всегда означает обязательность их превращения в аффикс.

⁴⁰ «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», стр. 369.

⁴¹ А. А. Драгунов, Структурные единицы китайской речи, сб. «Вопросы корейского и китайского языкознания», Л., 1958, стр. 247—248.

⁴² Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Словарь-справочник лингвистических терминов, М., 1976, стр. 34.

КАРАМШОЕВ Д.

ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИИ РОДА В ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ

Различные аспекты проблемы категории рода в индоевропейских языках дискутировались на протяжении всей истории лингвистической науки, а некоторые из них и поныне продолжают оставаться спорными и неразрешенными. Дискуссионными оказываются такие кардинальные вопросы, как категориальная принадлежность собственно грамматического рода (т. е. является ли род морфологической категорией или же представляет собой синтаксическую, согласовательную категорию), его семантическая и функциональная нагрузка в сфере одушевленных и особенно предметных — неодушевленных имен¹. Так, содержание категории рода в рамках одушевленных существительных сводится к выражению различий по полу, а в сфере неодушевленных имен грамматический род считается «совершенно немотивированным, абсолютно произвольным, пустым, лишенным значения»². Подобный вывод делается относительно всех, обладающих категорией рода индоевропейских (стало быть, и памирских) языков. Однако материалы живых памирских языков свидетельствуют о том, что семантические аспекты грамматического рода имеют весьма широкую материальную базу.

Среди современных иранских языков категорией рода обладают курдский (курманджи и другие диалекты), ряд диалектов северо-западного Ирана, афганский (папшто), а из памирских — мунджанский, язгулямский (ограниченно) и все языки и диалекты шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского): собственно шугнанский и его баджувский диалект, рушанский язык и его хуфский диалект, бартангский и рошорвский (орошорский) языки.

Древнеиранская трехчленная система родовых форм (мужской, женский, средний) в среднеиранскую эпоху, насколько можно судить по памятникам хотанского, согдийского и хорезмийского языков, трансформировалась в двухчленную — мужской и женский. Двухродовая система характерна и для обладающих категорией рода современных иранских языков.

Сравнительно-историческое исследование категории рода в иранских языках было начато работой Л. А. Хетагурова³. Поскольку ни один из

¹ См.: В. В. Иоффе, Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке, ФН, 1973, 2, стр. 53—61; А. А. З а л и з н я к, К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке, ВЯ, 1964, 4, стр. 25—40; О. Г. К а р п и н с к а я, Типология рода в славянских языках, ВЯ, 1964, 6, стр. 61—76; О. Г. Р е в з и н а, Основные черты структуры грамматической категории рода, «Славянское и балканское языковедение», М., 1976, стр. 4—24; А. В. Б о н д а р к о, Теория морфологических категорий, Л., 1976, стр. 40 и сл.; И. П. М у ч н и к, Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке, М., 1974, стр. 179—184.

² Л. Е л ь м с л е в, О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности, «Принципы типологического анализа языков различного строя», М., 1972, стр. 115.

³ Л. А. Х е т а г у р о в, Категория рода в иранских языках, «Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, 1, № 20, 1939, стр. 5—97 (в этой статье отражены основные положения и выводы его кандидатской диссертации, защищенной в 1936 г.).

памирских языков в ту пору не имел монографического описания, автор ограничился в основном интерпретацией ранее опубликованных по некоторым памирским языкам материалов, допустив при этом ряд неточностей как в передаче материала, так и в его интерпретации. Главное внимание автор уделит проблеме родовой «преемственности» в именной лексике средне- и новоиранских языков сравнительно с древнеиранской. В этом плане работа Л. А. Хетагурова до сих пор не потеряла своей научной ценности.

Новую серьезную попытку сравнительно-исторического исследования категории рода в иранских языках предпринял В. А. Ефимов в созданной коллективом авторов монографии «Опыт историко-типологического исследования иранских языков»⁴. Его исследование базируется на более надежных и довольно обширных языковых материалах, введенных в научный обиход в течение последних 50 лет и содержит важные обобщения о категории рода во всех известных иранских языках, как древнего и среднего, так и нового периодов. Раздел, посвященный категории рода в памирских языках, в этой работе сравнительно невелик по объему (5 стр.).

При монографическом изучении языков и диалектов шугнано-рушанской группы вопрос о категории рода освещался лишь в общих чертах, нередко поверхностно, в ряде случаев допускались неоднозначные толкования, порою высказывались противоречивые суждения о сущности категории рода и связанных с ней других вопросах.

Дискуссионным выглядит вопрос о том, является ли для памирских языков, в частности для шугнано-рушанской группы, грамматический род живой, жизнеспособной и развивающейся категорией или же представляет собой лишь реликтовое, остаточное явление и находится на грани исчезновения. В специальной литературе по этой проблеме можно найти две противоположные точки зрения. Согласно первой, категория рода в шугнано-рушанской группе считается лишь реликтом и, следовательно, можно ожидать ее скорейшего исчезновения⁵. Другая точка зрения исходит из актуальности категории рода в языках шугнано-рушанской группы и основывается на анализе родовых значений именной лексики, а также синтаксической манифестации этих значений. Некоторые аспекты последней точки зрения в общих чертах отражены в работах В. С. Соколовой⁶.

Морфологические родовые модели, помимо определенных разрядов существительных и словообразующих компонентов (в том числе и таких, как звукоподражательные и другие изобразительные слова-наречия) охватывают сферу многочисленных согласовательных классов слов — прилагательных, лично-указательных местоимений (артиклей), причастий, непереходных глагольных основ прошедшего времени и перфекта. В структурном отношении родовые перегласовки во всех изменяющихся по роду классов слов в основном идентичны.

С формальной точки зрения следует особо выделить наиболее распространенный способ выражения жен. рода через так называемые *a*- и *i*-умлаутные огласовки корня, являющиеся отражением древних родовых основ на **-ā* и **-ī*. Имена жен. рода с указанными огласовками противопоставляются именам муж. рода с огласовкой нейтрального положения (т. е. основы на **-a*, **-u* и согласный). Опосредствованная трансформация исходных исторических показателей жен. рода **-ā* и **-ī* в языках и диалек-

⁴ См.: «Опыт историко-типологического исследования иранских языков», II, М., 1975, стр. 7—116; 451—456.

⁵ Н. Карамхудоев, Бартагский язык, Душанбе, 1973, стр. 60.

⁶ В. С. Соколова, Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959, стр. 108; е е же, Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973, стр. 184.

тах шугнано-рушанской группы через корневую часть слов играла и продолжает играть весьма существенную роль в поддержании и дальнейшем развитии структуры жен. рода и создания родовой оппозиции на уровне различных классов слов.

В зависимости от фонетических позиций и специфики языков и диалектов шугнано-рушанской группы, древние показатели жен. рода $*\bar{a}$ и $*\bar{i}$ отражаются артикуляционно сходными a - или i -образными огласовками (в виде \check{a} , \check{i} , \bar{e} , \bar{o} < \bar{a}), а формы муж. рода в целом характеризуются u -образной огласовкой (в виде \check{u} , \check{i} , руш., хуф. o , барт., ршв. \bar{o}); ср. авест. *naptī-*, шугн. *nibēs*, руш. *nabēs* «внучка» — авест. *napāt*, шугн. *nibōs*, руш. *nabūs* «внук»; $*kutī-$, шугн.-руш. *kid* «сука» — $*kuta-$, шугн.-руш. *kud* «пес»; авест. причастие муж. рода *suta-*, шугн.-руш. *sut* «стал; ушел» — жен. *subā-*, шугн.-руш. *sat*⁷ «стала; ушла».

При этом необходимо напомнить, что в шугнанском и ряде других языков в синхронном плане i -образная огласовка широко представлена и в словоформах муж. рода, а \bar{o} -огласовка выявляет омонимичность и реализуется в словах как муж., так и жен. рода. Подобная двусмысленность устраняется с точки зрения исторических и межъязыковых соответствий; ср. муж. род.: шугн. *sifīd*, руш. *sifod*, барт. *sifōd* «поднялся» ($*us-patta-$) — жен. род. *sifād* ($*us-pattā-$); шугн., барт. *vōrj*, руш. *vūrj* «конь» [$*vār(a)ka-$] — шугн. *vērj*, руш., барт. *vērj* «кобыла» [$*vār(a)čī-$].

Родовая значимость a - и i -образной огласовки более наглядно проявляется в предметных именах, не связанных с обозначением пола и не имеющих парных противоположений. Здесь тип огласовки при «благоприятных» семантических условиях⁸ может сохранить за именами их традиционную родовую принадлежность и способствовать родовому осмыслению новых заимствованных слов; ср. существительные исторически жен. рода, отражающие a - и i -умлаутную огласовку, типа *šāb* «ночь» (авест. *šāpā-*); шугн. *mēt*, руш. *mēst*, барт. *mōst* «месяц; луна» ($*masti-$, др.-инд. *mās*, авест. *mah-*); *siž* «иголка» (др.-инд. *sūcī-*, авест. *sukā-*). Имена муж. рода с огласовкой нейтрального положения типа шугн. *đorg*, руш. *đürk* «деревяшка; бревно» (авест. *dāru-*); шугн. *čīd*, руш. *čod*, барт. *čōd* «дом» (авест. *kata-*). Из числа заимствованных слов можно указать *istōl*, *sitōl* жен. род «стол», но: *istūl*, *sitūl* муж. род «стул».

При неблагоприятных логико-семантических условиях, как уже было отмечено, корневая огласовка не может выступать в качестве родовой характеристики существительных. В этой связи можно возразить М. Файзову относительно переоценки родоразличительной значимости рушанских корневых гласных в сфере всех разрядов существительных⁹. Можно привести многочисленные существительные жен. рода, содержащие корневые гласные u , \bar{u} , \check{u} , o (типа руш. *qūl*, шугн. *qūl* «озеро», руш. *pūg*, шугн. *pūd* «брод», руш. *sūg*, шугн. *sūg* «сказка», руш. *xoǰ*, шугн. *xīǰ* «теща») и наобо-

⁷ Общие для большинства языков и диалектов шугнано-рушанской группы формы здесь и далее даются без особых помет. Авестийские и древнеперсидские формы даются по работам Хр. Бартоломе и Р. Кента [Ch r. B a r t h o l o m a e, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904 (2 unveränderte Aufl., Berlin, 1961); R. K e n t, Old Persian, 2 ed., New Haven, 1953]. Этимологии памирских слов приводятся по работе В. С. Соколовой («Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы», Л., 1967) и словарю Г. Моргенштерне (G. M o r g e n s t e r n e, Etymological vocabulary of the Shughni group, Wiesbaden, 1974).

⁸ К «благоприятным» семантическим условиям мы относим те случаи, когда родовая принадлежность имен наряду с огласовкой поддерживается также и лексико-семантическими факторами, в частности, значением пола и лица, синонимическими и тематическими разрядами.

⁹ См.: М. Ф а й з о в, Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966, стр. 25.

рот, имена муж. рода, но с характерными для жен. рода гласными \ddot{a} , \ddot{i} , \ddot{e} , \ddot{o} (типа руш. *wāwn*, хуф. *wōwn*, шугн. *wūn* «баранья шерсть», *cīw* «волосок», *sit* «прах; земля», *wōḫ* «сено; саман» и т. д.).

Таким образом, родовая классификация неодушевленных имен может быть осуществлена только при одновременном анализе внешних (формальных) и внутренних (логико-семантических) факторов с учетом воздействия каждого фактора на родовую отнесенность того или иного существительного.

Существенную роль играет суффиксальный и словообразовательный способ различения рода в сфере именных частей речи — существительных, прилагательных и причастий настоящего времени со значением имени деятеля. Сравнимые языки сохранили старые родовые суффиксы $*(a)ka$ (муж. род) и $*(a)či-$ (жен. род) соответственно в виде $-j$ и $-z$; с их помощью осуществляются противопоставления парных имен типа шугн. *dōdēj*, руш. *pidij* «отчим» — шугн. *nānēz*, руш. *mōdiz* «мачеха» и т. д. В бартангском языке присоединением $-ij$ (муж. род.) и $-iz$ (жен. род.) к названиям населенных пунктов образуются родовые пары типа *sipaniij* «сипанджец; житель Сипанджа» — *sipaniiz* «сипанджка; жительница Сипанджа» (Сипандж — название селения на Бартанге).

В реализации других первичных родовых суффиксов между языками и диалектами шугнано-рушанской группы обнаруживаются расхождения, касающиеся как степени употребительности родовых формантов, так и их наличия или отсутствия в том или другом языке. В бартангском языке засвидетельствован уменьшительно-ласкательный суффикс муж. рода $-ōk$, жен. рода $-ēk$, который широко применяется на уровне всех именных частей речи — существительных (*patisōk* «двоюродный брат» — *patisēk* «двоюродная сестра»), прилагательных (*zirdōk* «желтенький», жен. род. *zirdēk*), местоимений (муж. род. *tuyōk* «ты» — жен. род. *tuyēk*).

В рушанском, хуфском и бартангском, в отличие от шугнанского, весьма развито суффиксальное образование родовых противопоставлений в причастиях настоящего времени со значением имени деятеля типа руш. *nivišūj*, барт. *nivišōč* «пишущий; писатель» — жен. род руш. *nivišēz*, барт. *nivišēc*. Подобные формы широко употребляются во второй части сложных слов типа руш. *žindam-cauyōč*, барт. *žindam-cauyōč* «жнец пшеницы; жнущий пшеницу» — жен. род *žindam-cayēc*¹⁰.

В качестве родового компонента ряда причастий используются два форманта глагольного происхождения: руш., хуф. $-xūr$, барт. $-xōr$, жен. род $-xēr$ (из $xār-$ «есть; кушать») и руш., хуф. $-vūr$, барт. $-vōr$, жен. род $-vēr$ (из $vār-$ «приносить»): руш. *wōḫ-xūr*, барт. *wōḫ-xōr* «травоед», жен. род *wōḫ-xēr*; руш. *žac-vūr*, барт. *žac-vōr* «водонос; водовоз», жен. род *žac-vēr*. Примечателен здесь также тот факт, что огласовка исходного слова преобразуется по типу уже усвоенной родовой модели (в данном случае утвердилась родовая модель для рушанского \ddot{u}/\ddot{e} , а для бартангского \ddot{o}/\ddot{e} по типу руш. *vūrj*, барт. *vōrj* «конь» — *vērj* «кобыла»).

¹⁰ Неясен вопрос о категориальной принадлежности этих причастий. М. Файзов считает, что «отглагольные образования на $-ūj$, $-ūz$ и $-ēz$, $-ēc$ полностью утратили связь с глаголом и перешли в разряд имен» (М. Ф а й з о в, указ. соч., стр. 132). Нам кажется, что указанные формы наряду с выражением имени деятеля в известной мере сохраняют и свое собственно причастное значение. Об этом могут свидетельствовать сохранение в них значения переходности, а также их способность управлять объектом и сочетаться с ним (ср. также руш. *xāt-nivišūč* «пишущий письмо» — жен. род. *xāt-nivišēc*).

В бартангском языке засвидетельствован дифференцированный по роду суффикс $-ōj$, жен. род $-ēz$, который обозначает: а) имя деятеля со значением намерений и желания (*pawšōj* «желающий спрашивать», жен. род *pawšēz*; *sawōj* «намеревающийся идти», жен. род *sawēz*); б) назначение предмета, посредством которого совершается действие (муж. род *nivišōj* — жен. род *nivišēz* «предмет для писания»; муж. род *incavōj* — жен. род *incavēz* «предмет для питья») ¹¹.

Различающие род суффиксы: муж. род руш., хуф. $-on$, барт. $-ōn$, жен. род $-ān$ образуют от основы настоящего времени причастия со значением признака и качества (обычно отрицательного): руш. *tardon*, барт. *tardōn* «драчливый, драчун», жен. род *tardān*, руш. *nawon*, барт. *nawōn* «плаксивый; плакса», жен. род *nawān* ¹².

О жизнеспособности суффиксального способа различения рода свидетельствует еще тот факт, что в родовой дифференциации имен, наряду с первичными суффиксами, активно участвуют также отыменные форманты. Переход значимых лексем в показатели рода можно считать живым явлением. Различными путями происходят формализация и грамматикализация лексических единиц. Важно подчеркнуть и то, что по использованию значимых родовых формантов все языки и диалекты шугнано-рушанской группы весьма близки и во многом совпадают.

Среди значимых родовых формантов наиболее распространенным и универсальным для шугнано-рушанской группы является уменьшительно-ласкательный суффикс $-bus$ (муж. род) и $-bic$ (жен. род) ¹³, развившийся на почве *pus* «сын», *buc* «детеныш» ¹⁴.

Сфера применения этого родового показателя весьма широка: в рамках одушевленных имен форманты $-bus$, жен. род $-bic$ используются для уточнения рода и пола любого существительного, независимо от наличия или отсутствия в нем родовой перегласовки (ср. шугн. *wārgbus*, руш. *ažorbuc*, барт., ршв. *ažōrbuc* «ягненок-самец» — шугн. *wārgbic*, руш., барт. *ažērbic* «ягненок-самка»). На уровне неодушевленных существительных, где, как правило, отсутствует парное противопоставление, к существительным традиционно муж. рода присоединяется формант $-bus$ (типа шугн. *δōrgbus*, руш. *δūrkbus* «деревяшка», шугн. *γūγbus*, руш. *γōwbus* «кушко», *qalambuc* «карандашик»), а к существительным жен. рода примыкает $-bic$ (типа *čakālbic* «маленький участок земли; участок»; шугн. *nēzbic*, руш. *nēzbic*, барт. *nōzbic* «носик»; *kitō(b)bic* «книжечка»). Таким образом, с помощью формантов $-bus$ и $-bic$ на морфологическом уровне можно уточнить родовую

¹¹ Фразовые примеры см.: В. С. С о к о л о в а, Бартангские тексты и словарь, М.—Л., 1960, стр. 139; Н. К а р а м х у д о е в, указ. соч., стр. 192.

¹² Данный тип причастия М. Файзовым рассматривается как одна из разновидностей прилагательного, что представляется правомерным и обоснованным (см.: М. Ф а й з о в, указ. соч., стр. 36). В пользу этого говорит и то, что указанные формы могут сочетаться с суффиксом сравнительной степени $-di$: руш. *nawondi* «более плаксивый», *tardondi* «более драчливый».

¹³ Поскольку в бартангском представлен специальный уменьшительный различающий род суффикс муж. рода $-ōk$ (жен. род. $-ēk$), то сфера применения $-bus$ и $-bic$ в этом языке сравнительно ограничена.

¹⁴ Формант муж. рода $-bus$ вместе с *pus* восходит к др.-ир. *puθra-* «сын». По поводу происхождения форманта $-bic$ можно высказать два предположения: либо он отражает др.-инд. *putri-* «дочь», либо возник на собственно памирской почве по аналогии с рефлексам *i*-умлаутной огласовки. Второе предположение представляется более вероятным, так как функционирование формантов $-bus$ и $-bic$ в качестве суффиксов — явление относительно позднего времени. К тому же происхождение и развитие формантов жен. рода по аналогии с рефлексам *a-* и *i*-умлаутной огласовки подтверждается и другими фактами (ср. ниже формант $-gīl$, жен. род. $-gāl$).

принадлежность всех предметных существительных — как одушевленных так (и это очень важно) и неодушевленных.

На основе существительного шугн. *kīl*, руш. *kol*, барт. *kōl* развился формант муж. рода соответственно *-gīl*, *-gōl*, *-gōl̄*, а по аналогии с *a*-огласовочной моделью — показатель жен. рода *-gāl*¹⁵. С их помощью образуются сложные прилагательные типа шугн. *tērgīl* «черноголовый», жен. род. *tērgāl*.

Особый интерес представляет определение рода сложных имен. Выделяются два вида сложных слов: а) имена с родовыми компонентами, от которых зависит род сложного слова (шугн. *rūšt-tōqi* «краснотюбетеечный; в красной тюбетейке», жен. род *rōšt-tōqi*); б) сложные имена, не имеющие родовых компонентов. Родовая отнесенность этих существительных зависит от родовой принадлежности последующего компонента, а для манифестации рода используются синтаксические конструкции согласования; ср. имена муж. рода: шугн. *guj-būst* «шкура козленка», *giĵ-būst* «шкура козочки» (*guj* муж. род «козленок», *giĵ* жен. род «козочка»). Если последующий компонент относится к жен. роду, то к тому же роду в целом относится и сложное слово, например: шугн. *dam* (жен. род) *δust-žac dāk* «дай воду для мытья рук» (*δust* муж. род «рука», *žac* жен. род «вода»).

Можно заключить, что родовая значимость последующего компонента усиливается под влиянием активизации суффиксального способа различения рода, и эти компоненты в свою очередь служат исходным материалом для грамматикализации новых лексических единиц и их перехода в родовые форманты. В целом различение рода посредством суффиксов и компонентов сложных слов является одним из важнейших морфологических средств обнаружения рода в системе имен существительных и прилагательных.

При всем этом следует признать, что на данном этапе синтаксические способы выражения рода являются более универсальными и широко распространенными. Наряду с известными атрибутивными и предикативными согласовательными моделями род существительного может быть выражен посредством необычных для других индоевропейских языков звукоподражательных и изобразительных слов, выступающих нередко в адвербиальной функции; ср. шугн. *yu žūvd čulast* (муж. род) *tis sut* «молоко с бульканьем (муж. род) вылилось»; *žac čalast* (жен. род) *tis sat* «вода с бульканьем вылилась».

Кроме обычных различающих род непереходных глаголов, засвидетельствовано около сорока глаголов звукоподражательного типа, в которых родовая дифференциация касается не только основ прошедшего времени и перфекта (чем характеризуются и обычные глаголы), но также и основы настоящего времени и инфинитива; ср. глагол со значением «глубоко дышать; пыхтеть»: шугн. муж. род: основа наст. вр. *fuš*, прош. *fušt*, перф. *fušč*, инф. *fuštōw* — жен. род. соответственно: *faš*, *fašt*, *fašč*, *faštōw*. Примеры: шугн. *a-da čiz dūnd fūši?* «мальчик, что ты так (сильно) пыхтишь?»; а *γac, čiz dūnd faši?* «девушка, что ты так (сильно) пыхтишь?».

Среди всех синтаксических уточнителей рода наиболее распространенными и всеохватывающими являются, несомненно, падежные формы ука-

¹⁵ Весьма спорна этимология форманта жен. рода *-gāl*: М. Файзов связывает обе формы со словом *kāl* «голова» (см.: М. Ф а й з о в, указ. соч., стр. 20). Происхождению *-gāl* из *kāl* противоречит тот факт, что данное существительное, как и его синонимические эквиваленты шугн. *kīl*, руш. *kol*, барт. *kōl* «голова», относятся к муж. роду; ср. шугн. *dī* (муж. род) *xu kāl zini* «мой (эту) свою голову». Можно полагать, что формант жен. рода *-gāl* возник в результате действия модели *a*-огласовки (по типу шугн. *zidār* «старшая» к *zidār* «старший»).

зательных местоимений ед. числа, которые широко выступают в качестве определенных артиклей (род существительных отражается ими также и при их употреблении в лично-указательном значении) и сочетаются с любым существительным; ср. шугн. *pi di* (муж. род) *xīr mā-čis* «не смотри на (это) солнце»; *pi dam* (жен. род) *mēst mā-čis* «не смотри на (ту) луну» (*xīr* муж. род «солнце», *mēst* жен. род «луна») ¹⁶. В этом отношении справедливо мнение В. С. Расторгуевой о том, что «в языках шугнано-рушанской группы указательные местоимения в данной служебной функции весьма близки к превращению в артикли, а сочетания существительных (утративших в этих языках флективное склонение) с изменяемыми по падежам (и родам.— Д. К.) указательными местоимениями-артиклими равны по функциям аналитическим падежным (и родовым.— Д. К.) формам» ¹⁷.

Существование категории рода теснейшим образом связано с сохранением родовых форм местоимений. По признанию некоторых специалистов утрата родовых форм в сфере имен существительных и прилагательных, при наличии их в системе местоимений, вовсе не означает исчезновения категории рода в целом, так как «языки, утратившие род в имени (включая прилагательное и артикль), сохранили его в том ключевом классе слов, каким является местоимение», ибо в данном случае мы имеем дело лишь с упрощением, а не с утратой категории рода. Это означает, что «способ выражения стал с определенной точки зрения более простым, но категория продолжает существовать» ¹⁸.

Данное рассуждение полностью применимо к язгулямскому языку, где различие рода сохраняется в косвенных падежных формах указательных местоимений.

Большой научный интерес представляют семантические аспекты категории рода в языках и диалектах шугнано-рушанской группы, а также категориальная трансформация рода в сфере одноосновных существительных.

Трансформация рода в структуре одного и того же имени впервые была затронута Л. А. Хетагуровым на материале шугнанского языка в его уже упомянутой работе о категории рода в иранских языках. По утверждению автора, изменение рода имени существительного зависит от его соотношенности с именами, обозначающими пол ¹⁹.

В действительности родовая трансформация существительных вовсе не зависит от их отнесенности к лицу того или другого пола и поэтому все приведенные автором фразы с глагольной основой жен. рода *vad* «была» подлежат исправлению на *vud* «был».

В целом содержание категории рода в сфере неодушевленных предметных существительных проявляется на двух языковых уровнях — лексическом и грамматическом. Иными словами, категория рода обладает двумя видами семантической нагрузки — лексической и грамматической.

1. Лексическая нагрузка заключается в том, что родовая принадлежность имени выступает в качестве словообразовательного элемента в сфере одноосновных существительных. Подобный тип словообразования включает две группы имен: а) морфологически мотивированные и б) внешне немотивированные. Морфологически мотивированные имена характеризуются коррелятивным способом образований оппозиционных

¹⁶ См. сводную таблицу этих местоимений по работам: В. С. Соколова, Шугнано-рушанская языковая группа, «Языки народов СССР», I, М., 1966, стр. 276, Т. Н. Иахалина, Намирские языки, М., 1969, стр. 29.

¹⁷ В. С. Расторгуева, Вопросы общей эволюции морфологического типа, «Опыт историко-типологического исследования иранских языков», I, М., 1975, стр. 180.

¹⁸ Л. Ельмслев, указ. соч., стр. 134.

¹⁹ Л. А. Хетагуров, указ. соч., стр. 81.

пар посредством родовой перегласовки корней по известной модели (*u*-образная огласовка характеризует имена мужского рода, *a*- и *i*-образные огласовки свойственны коррелятам женского рода). Отличительная черта рассматриваемых родовых пар заключается в словообразовательной значимости родовой перегласовки. Здесь перегласовка способствует не только дифференциации имен по роду, наряду с этим она образует новое слово, семантически отличное от его коррелята: муж. род *šuc* «бульон; отвар» — жен. род *šac* «вода»; муж. род шугн. *rōd*, руш. *rūd*, барт. *rōd* «нога», шугн. *rīd*, руш. *rod*, барт. *rōd* «след ноги» — жен. род: шугн. *rēd*, руш., барт. *rēd* «западня; ловушка»; муж. род: шугн. *šōd*, руш. *šūd* «дом; усадьба» — жен. род шугн. *šēd*, руш. *šēd*, барт. *šōd* «летний загон для скота»; муж. род: шугн. *luq*, руш. *loq* «ветошь; лохмотья» — жен. род: шугн. *lēq*, руш. *lēq* «старое одеяло», *lāq* «старые штаны» и т. п.

В ряде слов родовые формы используются для характеристики объема и величины предмета. При этом коррелят муж. рода обозначает маленький размер существительного, а форма жен. рода указывает на его большую величину²⁰, ср. муж. род: руш. *camīg*, хуф. *šimīg* «маленькая корзина» — жен. род: руш. *camīg*, хуф. *šimīg* «большая корзина для переноски легких грузов»; муж. род: хуф. *ardōn* «канавка; арычок» — жен. род: шугн., руш., хуф. *ardān* «большая канава; арык»; муж. род: руш. *bog* «маленький горшок» — жен. род *bēg* «большой горшок; кувшин».

Смыслоразличительная функция рода имеет широкое проявление в сфере немотивированных — омонимических родовых дериватов. По существу данная — вторая — группа родовых форм функционально (с точки зрения словообразовательной значимости) аналогична рассмотренному выше мотивированному типу. Основное ее отличие заключается в том, что в рамках немотивированных словоформ родовая соотношенность без каких-либо морфологических показателей выступает в качестве скрытого словообразовательного элемента. Это можно видеть даже среди рассмотренных выше имен, не имеющих в шугнанском коррелятивного образования.

В большинстве случаев род используется в пределах одной и той же словоформы для создания оппозиции по линии предметность — отвлеченность, конкретность — абстрактность. В этом плане муж. род имеет относительно широкое семантическое предназначение: он включает не только имена отвлеченного и абстрактного понятия, но также и имена с конкретным и предметным (вещественным) значениями. Однако для жен. рода характерны предметность и конкретность. В связи с этим происходит родовая трансформация в пределах одного и того же существительного. Так, например, по предметно-вещественному значению существительные *zōrd* «сердце», *ziv* «язык», шугн. *γēv*, руш. *γēt* «рот; пасть» при обозначении анатомических органов относятся к жен. роду, однако при употреблении их в более отвлеченном, абстрактном и переносном значениях (например, *zōrd* в значении «душа» и как символ переживания, *ziv* — как орган речи и *γēv* и *γēt* в значении «отверстие; дверь») действует механизм муж. рода; ср.: шугн. *dam* (жен. род) *šīj zōrd zēz* «бери это (жен. род) бычье сердце» — *mi zōrd as tu vīruūt* (муж. род) «мое сердце охладело (муж. род) к тебе».

Для показа семантической нагрузки родовых форм немотивированных имен можно привести многочисленные примеры из различных областей именной лексики — как исконной, так и заимствованной типа; *līb* жен. род «ночь» — муж. род «почное время; ночная пора»; шугн.

²⁰ Аналогичное явление отмечено И. М. Оранским для индийских диалектов Гиссара: ср. *kato* муж. род. «большой арык; оросительный канал» — *kati* жен. род. «небольшой арык; канавка» (см.: И. М. Оранский, Фольклор и язык гиссарских нарья, М., 1977, стр. 48). Заметим, что здесь, в отличие от наших данных, корреляты муж. рода обозначают большую величину.

mēθ, руш., барт. *mīθ* жен. род «день» — муж. род «дневное время», *sōat* (из араб. и тадж.) жен. род «часы» — муж. род «время»; *žindam* жен. род «поле, засеянное пшеницей» — муж. род «пшеница; умолот»; шугн. *γūz*, руш. *γūz* жен. род «ореховое дерево» — муж. род «плод грецкого ореха»; ср.: шугн. *wam* (жен. род) *žāb-ām yamand žōvd* «в ту (жен. род) ночь мы легли там спать» — *žāb sūt-at* (муж. род), *wād-ēn yat* «(время) стало (муж. род) вечером, и они вернулись».

Дифференциации рода имен во многом способствуют различные семантические факторы (в частности, синонимические и тематические ряды слов). При благоприятном воздействии логико-семантических факторов роль внешних родовых примет нередко нейтрализуется. Внутри синонимических и тематических полей происходит уподобление существительных по тому или другому роду. Так, обозначения всех видов и жанров фольклора и литературы, независимо от типа огласовки, относятся к жен. роду: *sōz* «песня», *matal(ā)* «поговорка», шугн. *častūn*, руш., барт. *čistōn*, хуф. *γōw-vēstak* «загадка», *dargīlik*, *dargīl-mōdik* — название колыбельной песни, *rabōyi* «четверостишие», шугн. *sūg*, руш., барт. *sūg* «сказка», шугн. *dōstūn*, руш., барт. *dōstōn* «повесть»; например: *kat* (жен. род) *sūg* (*sōz*, *častūn*) «короткая сказка (песня, загадка)». На этой почве, по всей вероятности, происходило уподобление по жен. роду многочисленных заимствованных русско-интернациональных культурных и литературных терминов — названий различных жанров типа *kancērt* «концерт», *kinō* «кино», *pēsā* «пьеса; спектакль», например: шугн. *nur čisām tam* (жен. род) *kancērt-at*, *žimnē dam* (жен. род) *kinō* «сегодня посмотрим этот (жен. род) концерт, а завтра тот (жен. род) кинофильм».

Сила действия семантических факторов в распределении субстантивов по родам настолько значительна, что родовое уподобление для отдельных разрядов имен приобретает абсолютный характер и включает целый класс семантически и тематически близких существительных, а морфологические приметы рода в этих случаях могут нейтрализоваться. Так, все абстрактные и отвлеченные имена (типа *bašāndi* «доброта», *virōdōri* «братство», *γulagi* «зрелость») относятся к муж. роду. В этом плане особенно показательны факты перехода в категорию муж. рода абстрактных имен с огласовкой жен. рода, образованных от родовых прилагательных типа: шугн. муж. род *zuliki*, (жен. род) *zaliki*, руш. муж. род *bucikay*, (жен. род) *bicikay* «детство», шугн. муж. род *rūšti*, (жен. род) *rōšti* «краснота». Форма жен. рода здесь лексикализована и по существу не является доказательством принадлежности слов к жен. роду, так как синтаксически они сочетаются с формами муж. рода указательных местоимений-артиклей и глагола; ср. шугн. *ik-y* (муж. род) *wam mūn rōšti* (*//rūšti*) *mu-rd xuš sut* (муж. род) «краснота (муж. род) того яблока мне понравилась (муж. род)»; шугн. *yā kampīr lūd: mu-nd mu zuliki* (*//zaliki*) *bašānd naγīd* (муж. род) «старуха сказала: мое детство прошло (муж. род) счастливо».

Семантический аспект категории рода в язгулямском языке характеризуется следующей особенностью: муж. род характеризует существительные, обозначающие лиц муж. пола и названия всех неодушевленных предметов, а жен. род — имена лиц жен. пола и названия всех животных — как самок, так и самцов. Причем в качестве уточнителя рода существительных используются только дифференцированные по роду косвенные формы указательных местоимений муж. рода *day*, *way*, жен. рода *dim*, *im*, притяж. *mi*, *dəmi*; ср. язг. *way-me uštsola bəč vəda*, *way ž-im* (жен. род) *k^ožta-ay* «у него был восьмилетний козел, он его (жен. род) зарезал»²¹.

²¹ Д. И. Эдельман, Язгулямский язык, М., 1966, стр. 39.

В шугнано-рушанской группе при наличии парных противопоставлений для различения пола родовая оппозиция сохраняется (*čix* муж. род «петух» — *čax* жен. род «кураца»), однако при отсутствии подобных противопоставлений названия животных и птиц преимущественно жен. рода: шугн. *yā* (жен. род) *xūrn rīwažt* (жен. род) «улетела (жен. род) та (жен. род) ворона».

Названия всех типов насекомых и млекопитающих существ (типа шугн. *žōwak* «жук», *čilbēsik* «ящерица», *čīrm* «червь», *čangin* «муха», *tivd* «жюмар», *divūsk* «змея»), как в языках шугнано-рушанской группы, так и в язгулямском ассоциируются с жен. родом, например: язг. *kaf kat-ay ded, dar im* (жен. род) *γai na šod* «галка клюнула, но в рот ей (жен. род) не попало»; шугн. *dam* (жен. род) *divūsk zin* «убей ту змею».

Все это недвусмысленно говорит о том, что лексико-семантическая нагрузка категории рода имеет весьма широкую материальную основу, и охватывает не только одушевленные имена, но также и неодушевленные существительные.

2. Грамматическая нагрузка категории рода в языках и диалектах шугнано-рушанской группы проявляется в рамках предметных существительных, относящихся традиционно к жен. роду и сопровождается их трансформацией в категорию муж. рода. При этом каждая родовая форма наполнена новым грамматическим значением, а именно: муж. род означает общее, категориальное и обобщенное понятие, а жен. род используется при обозначении единичных и конкретных предметов²². В качестве примеров можно привести субстантивы жен. рода *maš* «горох; горошина», шугн. *mīn*, бадж. *mīn*, барт., хуф. *mōwn*, руш. *māwn* «яблоко; яблоня», которые при общем, совокупном и собирательном значениях переходят в категорию муж. рода, а при единичном и конкретном значениях сохраняют свою традиционную принадлежность к жен. роду; ср., например: руш. *day* (муж. род) *xi virō māwn ar būjīn sipēn* «эти (муж. род) яблоки своего брата насыпь в мешок» — но: *dum* (жен. род) *yi māwn tū-ri dāk* «дай мне то (жен. род) одно яблоко»; шугн. *maš wēv-and ca vidjat* (муж. род), *tū-rd-ēn dāk-čūj jat* «если бы у них был (муж. род) горох, дали бы тебе» — но: *dam* (жен. род) *yi dūnā māš-ti-ta yam čix sēr nā-sūd* «от этой (жен. род) одной горошины петух не наедается».

Это означает, что жен. род переплетается с категорией единичности, а муж. род — с категорией множественности и собирательности.

На основе изложенного выше можно сделать следующие выводы о категории рода в языках и диалектах шугнано-рушанской группы:

1. Разрушение древней падежной и родовой парадигмы имени в языках и диалектах шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского) привело не к утрате категории рода (как это случилось с прочими памирскими и другими иранскими языками), а к утверждению и активизации других способов различения рода.

2. Сохранению и дальнейшему развитию категории рода в шугнано-рушанской группе наряду с активизацией аналитических (синтаксических) способов выражения рода в известной мере способствовал факт сохранения в названных языках количественного противопоставления долгих и кратких гласных, что более наглядно подтверждается фактами сарыкольского языка — языка, входящего в ту же шугнано-рушанскую группу, но отличающегося от всех языков группы, главным образом, одновременным отсутствием и категории рода, и фонологического противопоставления гласных по долготе и краткости. Элиминация категории рода в других памирских языках (ишкшимском, ваханском) также связана

²² В. С. Соколова, Шугнано-рушанская языковая группа, стр. 371.

с отсутствием в них количественного противопоставления гласных по длительности.

3. Формальное проявление категории рода в самих существительных ограничивается небольшим количеством слов. Наиболее жизнеспособным оказался суффиксальный способ различения рода в рамках имен существительных, прилагательных и причастий настоящего времени со значением имени деятеля ²³.

4. Наиболее общими показателями рода являются синтаксические способы. Именно благодаря применению атрибутивных, предикативных и адвербиальных родовых конструкций представляется возможным безошибочно уточнить родовую принадлежность выступающего в роли подлежащего, прямого и косвенного дополнения любого существительного — как мотивированного, так и не имеющего морфологического родового показателя.

5. Специфика исследуемых языков проявляется, главным образом, в семантических аспектах категории рода — в ее лексической и грамматической нагрузке. Лексическое предназначение рода заключается в том, что родовая отнесенность на уровне одноосновных существительных выступает в качестве словообразующего фактора. Грамматическое значение рода в целом сводится к обозначению формой муж. рода общего, собирательного и категориального понятия, а формой жен. рода — единичного и конкретного предмета.

²³ Детальному описанию морфонологических родовых моделей посвящена опубликованная недавно монография автора — см.: Д. Карамшов, Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа), Душанбе, 1978.

ШЕРЕР В. Э.

О ВЫРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о выражении пространственных отношений в кетском языке не нашел еще специального отражения в литературе. Он был затронут лишь косвенно в исследованиях А. П. Дульзона, Е. А. Крейновича, А. И. Кузьминой и М. Н. Валл¹.

Основываясь на анализе материалов, собранных автором у современных кетов, можно прийти к выводу, что в кетском, как и в других языках, для выражения пространственных отношений служат падежная и послеложная системы. Прежде всего нас интересовал вопрос об отграничении падежных форм от близких или синонимических сочетаний существительного или местоимения с послелогом. Как показали факты кетского языка, послелогом выражают более частные и конкретные типы отношений. Преобладающее большинство послелогов употребляется для дополнения и конкретизации значений, выражаемых падежными окончаниями, в то время как падежи сами по себе выражают самые общие отношения. «Если при выражении пространственных отношений падежными средствами мы получаем общее представление о нахождении предмета в пространстве, то сочетание послелога с именем дает нам представление о конкретном местонахождении предмета»². Мы придерживаемся в данном вопросе подобной же точки зрения, так как она полностью соответствует фактам кетского языка.

Из 11 падежей, засвидетельствованных в современном кетском языке, пространственные отношения выражаются дательным-направительным, местно-временным, местно-личным, исходным, продолжным, а также, как отмечает М. Н. Валл, иногда и основным (абсолютным) падежами³. Так, форма основного падежа может указывать на: а) место, где совершается действие: сул. *дисл қоң клабаң тайге* «Дисл на месте охоты ходит»; б) направление действия: сул. *клиң қат су: л'и десомдаң* «хорошую одежду на нарту положил».

Что касается других из перечисленных падежей, то они выражают следующие отношения пространственной ориентации: д а т е л ь н ы й п а д е ж: а) место или объект, в сторону которого направлено действие: кур. *ад дейсковле тоң ул'одиңа* «я бросал

¹ А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск, 1968; е го ж е, Кетские послелогом, «Кетский сборник. Лингвистика», М., 1968; Е. А. Крейнович, Медвежий праздник у кетов, «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты», М., 1969; А. И. Кузьмина, Функции местного падежа в кетском языке, «Языки и фольклор народов сибирского Севера», М.—Л., 1966; М. Н. Валл, Употребление падежей в кетском языке. АКД, Новосибирск, 1970.

² И. П. Сорокина, Функция послеложных конструкций в выражении пространственных отношений (на материале энецкого языка), «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках», Л., 1974, стр. 174.

³ М. Н. Валл, указ. соч., стр. 10.

⁴ Принятые сокращения: бак.—Бакланиха, ел.—елогуйский, имб.—имбатский, кел.—Келлог, кур.—курейский, мир.—Мироедиха, пак.—Пакулиха, сул.—Суломаи, сур.—Сургутиха.

камни в воду»; мир. *боуот сес'диңа* «я иду к реке»; б) место, где что-либо происходит или находится: сул. *кут'диңа д'энтир'унтаң* «к поясу прицепила ее (белку)»; сур. *қыт длаҕте ба да қауҕак си : диңа* «жир ведь быстро шпится в постель»; в) направление без указания конечного пункта: имб. *табаңдиңа толаңготин* «(они) по лесу ходили»; г) направленность действия на поверхность чего-либо ⁵: сул. *сол'иңдиңа д'эң и : с'довил'дан'* «на нарты люди мясо клали»; местно-временной и местной и ч н ы й п а д е ж и: а) место, где происходит действие: сул. *с'олг'уп-ка тса : ноол'ват* «на мысочке белку добывала»; ел. *ад хисейдиңте катунок* «я зимовал в лесу»; б) нахождение на чем-нибудь: имб. *котыне тын уйбоуот* «на переднем месте чума котел стоял»; пак. *дум саст бал'ндаңте* «птичка сидит на черемухе»; в) местонахождение предмета или совершение действия внутри ограниченного пространства: пак. *ис'ул'ге* «рыба в воде»; сур. *богдом амбел'диңам* «ружье в амбаре»; г) направление действия: сур. *ап киделиң индеңа қыбиди:л* «я свою питку в иголку вдела»; и:с' *ул'баң-диңте дата'о : мдес'* «рыбу на берег вытащил» ⁶; и с х о д н ы й п а д е ж : а) место или объект, являющийся исходным пунктом движения: кур. *буң бън' бил'қондил' оңо:нен* «они недалеко ушли от чумов»; б) лицо или предмет, который чего-либо лишают, от чего-либо освобождают, у которого что-либо берут, выхватывают, вытаскивают и т. д.: бак. *бу: ис'айдиңел'лэй доңада* «он выкладывает рыбу из мешка»; кур. *обдйал кайнъм холак* «у (от) отца взял порох»; в) предмет, с поверхности которого исходит действие: сул. *и:с' дауавил'дан' солиңдиңал'* «мясо сняли с нарт»; кур. *богдом аб дабдил' тобларақ* «ружье у меня с плеча упало»; г) предмет, внутри которого происходит действие: имб. *тел'моретдиңал'ра бутыл'с'уқ* «акула из моря высунулась», кур. *ад қустил' лэй боуот* «я из чума наружу выхожу» ⁷; п р о д о л ь н ы й п а д е ж : а) предмет, вдоль которого направлено действие: сур. *окс'оксоуон сес'бес'* «дерево плывет по реке», кур. *бу оуонен хиссейбес'* «он пошел по лесу»; б) предмет, сквозь который кто-нибудь или что-нибудь проникает: сур. *туде қаңбес'тос'е ес'еңо: нен* «через ту щель они вверх вышли»; имб. *қоспес'ка:уер буңлууон* «через дымовое отверстие внутрь взглянули»; в) предмет, внутрь которого направлено действие: сур. *блн ул'бес' һыте һоқтебилтет* «утка вниз в воду нырнула»; имб. *колбасам ыдат ба:тда қус'пес' да қауақ* «лешая (sic! — примеч. ред.) зашла в чум к старику Ыдату»; г) предел распространения действия: имб. *о:жсте қо:вуну батпил'бес'қбма* «палку срубила по колену» ⁸.

Таким образом, падежи в кетском языке выражают самые разнообразные оттенки пространственной ориентации, и, казалось бы, этих средств достаточно для выражения пространственных отношений в языке; тем не менее наряду с падежными формами в кетском языке получили широкое распространение разнообразные послеложные конструкции, дополняющие падежную систему и употребляющиеся для конкретизации и детализации выражаемых падежами пространственных отношений.

В кетском языке можно выделить следующие послеложные конструкции: 1) сочетания существительных с послелогами, 2) сочетания существительных со служебными именами, которые выполняют роль послелогов; 3) сочетания существительных с послеложными наречиями.

⁵ М. Н. В а л л, Основные значения и функции кетского дательного-направительного падежа, «Языки и топонимия Сибири», 3, Томск, 1970, стр. 43—44.

⁶ М. Н. В а л л, Употребление падежей в кетском языке, стр. 15—27.

⁷ М. Н. В а л л, Основные значения и функции исходного падежа имени в кетском языке, «Языки и топонимия Сибири», 4, Томск, 1971, стр. 19—20.

⁸ М. Н. В а л л, Продольный падеж в кетском языке, «Вопросы тюркской филологии», Кемерово, 1973, стр. 20.

1. С помощью послелогов в кетском языке выражаются самые разнообразные аспекты пространственных отношений между предметами и явлениями. Так, послелогои *кал'ге* (*кал'*), *итл'ге*, *ыл'ге*, *утес'ыл'ге* (*утес'ыл'*) указывают в сочетании с именем существительным на нахождение около предмета. Они обозначают три степени отдаленности⁹: послелогои *кал'ге* (*кал'*), *итл'ге* указывают на самое близкое расстояние от предмета, послелог *ыл'ге* — на более удаленное, а послелог *утес'ыл'ге* (*утес'ыл'*) — на самое удаленное положение предмета. Если сравнить их с русскими предлогами, то получаем следующее соответствие: *кал'ге*, *итл'ге* — около, возле; *ыл'ге* — около (но чуть дальше), *утес'ыл'ге* — вблизи¹⁰, например: кел. *ти:п дутоот окс'де кал'ге* «собака около дерева лежит», *ад диккен окс'д итл'ге* «я стою около дерева», *ап кынде ыл'ге сис'те* «около своего сына сажу», *ымбатск эллок дутес'ыл' баңыйем* «Имбатск находится вблизи Келлога».

На расположение около предмета указывает также послелог *л:л'гитке*. Но здесь имеется в виду расположение у конкретного предмета, у жилища (чума, дома, землянки, шалаша и т. п.), например: кел. *палатка дл:л'гитке эн дуккен* «около палатки сосны стоят», *қус'дл: л'гитке сел'дуккен* «около чума олень стоит».

Послелогои *итл'диңе* и *ыл'диңе* указывают на конечный пункт движения: кел. *қай ди: мбес'қус'дитл'диңе* «лось подошел к чуму»; кур. *там ас'ис ке? т аб ыл'диңе доннерий* «какой-то человек ко мне подошел».

Послелогои *итл'бес'*, *ыл'бес'* и *утес'ыл'бес'* указывают на направленность мимо, вдоль предмета: кур. *кет итл'бес' боуон'* «около человека прошел»; кел. *ад қус' дыл'бес' боон* «я иду мимо чума»; *бу оуон' ас'л'ин дутес'ыл'бес'* «он прошел мимо лодки».

Послелог *кал'диңе*, сочетаясь с существительными и местоимениями, указывает на предмет, по другую сторону которого направлено действие: кел. *ад боуон' қус' дкал'диңе* «я пошел за чум».

Послелог *кал'бес'* указывает на действие, которое происходит за предметом, т. е. под прикрытием этого предмета: кел. *ық қайде кал'бес' һлңкай дейтулут* «за лесом (под прикрытием лося) лосиха убежала».

Послелог *кал'динел'* в сочетании с существительным и местоимением называет предмет, являющийся местом, откуда исходит действие: кел. *ад долок окс'те кал'диңел'* «я вышел из-за дерева».

Послелог *һытыуе* с предшествующим существительным называет предмет, ниже которого происходит действие, например: кел. *ти:п л'амд һытыуе дутоот* «собака под столом лежит».

Послелог *қон'(ко:не)*, сочетаясь с существительным, называет предмет, являющийся пределом, у которого заканчивается действие: сул. *ақуст ткон' кууытн?* «до какого места дойдешь?».

Предел распространения действия в пространстве выражается также формой продольного падежа, но это происходит довольно редко, и основная нагрузка в выражении данного пространственного отношения падает на послелог *қон'*.

Послелог *оңтыт'ке* служит для выражения значения непосредственного следования за предметом: кур. *ад боуот ти:нде оңтыт'ке* «я иду за собакой»; сур. *ъ-т оңтыт'ке оуон кэ'т* «позади нас прошел человек».

Послелог *тән'* указывает на направление действия: кел. *ът доңет һисей тән'* «мы идем (по направлению к) к лесу». Правда, формы дательного-направительного падежа также выражают направление действия, но это

⁹ Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 88—89.

¹⁰ В. С. Бондаренко, Предлоги в современном русском языке, М., 1961, стр. 14.

направление разноплановое, т. е. действие происходит в самых разных направлениях, например: сур. *самле ул'диңа тул'дауен* «некоторые в воду упали»; кур. *қим дьл'гет буоңнам тос'ебаңдиңа* «женщина отнесла детей в ясли». Послелог же *тән'* указывает на совершенно конкретное направление к предмету, ср.: кел. *ад боуот обдаңа* «я иду к отцу (навесить его)», *ад боуот обде тән'* «я иду (по направлению к) к отцу». В первом случае мы имеем общее, отвлеченное значение направленности действия к объекту, во втором — конкретное.

Послелог *лүәт//л:т'*¹¹, *лүәтке//л:т'ке* указывают в сочетании с управляемым словом на предмет, на поверхности которого совершается действие: кел. *кон'де л:т'ке сәс'те* «на коне сажу», *ад бал'тий лүәт сәс'те* «я на ящике сажу». Это же значение выражается формами местно-временного и местно-личного падежей, но употребительнее все-таки послеложная конструкция с *лүәт//л:т'*.

Послелог *лүәтдиңе* показывает направленность действия на поверхность предмета: кел. *тик длүәтдиңе дес'омдақ* «на снег положил», *ад коннет окс'те лүәтдиңе'* «я залез на дерево». Значение данного послелога совпадает с одним из пространственных значений формы дательного падежа существительного.

С помощью послелога *лүәтдиңел'* и управляемого им существительного называется предмет, с поверхности которого совершается действие: кел. *ад сел'де лүәтдиңел' һьте динту* «я с оленя слез», *бу ти: нде лүәтдиңел' һьте дин'ут* «он слез с собаки». Заметим, что одно из пространственных значений формы исходного падежа существительного совпадает со значением послелога *лүәтдиңел'*.

Послелог *лүәтбес'* в сочетании с существительным называет предмет, поверх которого происходит действие: кел. *бал'тий дл:т'бес'* «через ящик» (прыгнул), *кет длүәтбес' боуон'* «через человека перешагнул» (букв. «протек»). Данное значение в целом совпадает с одним из пространственных значений продольного падежа, однако форма этого падежа всегда указывает на направление движения внутрь, сквозь предмет, в то время как послеложная конструкция с *лүәтбес'* — на направление движения поверх предмета.

Факты кетского языка показывают, что пространственные отношения стали в нем выражаться раньше, чем временные, причинные и другие, которые явились результатом переосмысления былых пространственных представлений. Это явление свойственно многим языкам мира. Процесс переосмысления пространственных представлений в кетском языке особенно наглядно прослеживается на примере послелога *баңдине* «до», который выражает в настоящее время только временные отношения, например: кел. *бис' баңдиңе* «до вечера», *ыр' баңдиңе* «до весны». Если расчленить слово *баңдиңе*, то получится *баң* «земля» и *диңе* — показатель дательного направительного падежа. Еще сегодня в курейском говоре современного кетского языка существуют два варианта выражения предела во времени с помощью *баң ко:не* и *баңдиңе*: кур. *ыре баң ко:не* «до весны», *ыре баңдиңе* «до весны». Причем чаще всего употребляется первый вариант, где слово *баң* выступает как самостоятельное существительное «земля» с послелогом *ко:не* «до», и дословный перевод первого варианта означает «до весенней земли».

2. Помимо собственно послелогов, в кетском языке нашли самое широкое распространение служебные имена, выступающие в роли послелогов. На вопрос о том, что такое служебное имя, Н. К. Дмитриев отвечает, например, следующим образом: «Служебными именами... можно назвать

¹¹ Форма *л:т'* возникла в результате стяжения из *лүәт*.

такие имена, которые имеют двойную функцию: первую, прямую, т. е. употребляются по своему основному материальному значению, и вторую, служебную, т. е. употребляются в ином, более абстрактном значении, передавая оттенки разного рода пространственных отношений»¹². Это положение полностью согласуется с фактами кетского языка. Мы полагаем, что в современном кетском языке к служебным именам можно отнести следующие существительные: *бал'* (*ынбал'*) «промежуток», *һат* (*һаттет*) «верх», «макушка», *һис'* «нижний край» (обычно одежды), *һый* «живот», *һат'(е)* «край», *һо* «рот», *һохти* «нутро», *һоп* «вершина», *һуп* «конец», «клюв», «губа», *һы* «середина», *ол'* «оболочка; бутылка, емкость», *һнт* «низ» (стресня). Все эти «существительные могут играть роль послеложных слов лишь в формах падежей, выражающих пространственные отношения»¹³. Такими падежами в современном кетском языке, как выше отмечалось, являются дательно-направительный, местно-личный, исходный, местно-временной, продолжный. Служебные имена при этом в основном уточняют, дополняют и детализируют своими лексическими значениями значения пространственных падежей. Служебные имена, однако, могут иногда выражать различные пространственные отношения и в форме основного падежа, например: кел. *ад сует һис'кайнем* «я за низ платья взялась». Служебные имена обозначают определенную часть предмета или пространства. Эта особенность служебных имен переносится также на выражаемые ими в сочетании с предшествующими словами пространственные отношения. Так, служебное имя *һохт* означает «нутро»; сочетаясь с именем и принимая окончания пространственных падежей, оно указывает, что действие направлено внутрь, вдоль, изнутри и т. д. предмета или пространства не вообще, а только его внутренней части.

Формы дательно-направительного падежа в подавляющем числе случаев выражают направление действия. То же самое выражают служебные имена в форме дательно-направительного падежа, но в нем эта направленность выражается более конкретно, так как уточняется лексическими значениями соответствующих служебных имен: кур. *тыс'дес'комдак ти: пде булац инбал'дице* «камень бросил между ног собаки»; кел. *ад иһус һнатдице боуон'* «я на верх крыши дома залез».

Формы местно-временного и местно-личного падежей обычно обозначают место, где происходит действие. Сочетание существительного или местоимения со служебным именем в форме этих падежей детализирует пространственное значение местно-временного и местно-личного падежей: сул. *элат һис'ке иһый бимбетә* «у входа в чум (у нижней части двери чума) шорох раздается»; кел. *ад диккен кук һоринт* «я стою у (входа) норы».

Форма исходного падежа обозначает место, от которого начинается действие. Служебное имя в форме продолжного падежа, сочетаясь с существительным или местоимением, уточняет пространственное значение данного падежа своим лексическим значением, показывая, что действие исходит всегда от конкретной части предмета или пространства: кел. *ад боуот лес' джундицал'* «я иду с опушки (конечной части) леса», *ад бок һохтдицел' кет батундок* «я из огня (изнутри, из середины) человека вытащил».

Форма продолжного падежа обозначает обычно предмет, вдоль которого направлено действие. Служебное имя в форме продолжного падежа, как и в формах других локативных падежей, с управляемым существительным или местоимением конкретизирует значение падежа: кел. *ад*

¹² Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.— Л., 1948, стр. 229.

¹³ В. А. Аврорин, Грамматика нанайского языка, М.— Л., 1961, стр. 238.

боуот де кыбес' «я на середине (вдоль середины) озера плыву», *ад иРус дынтебес' боуон'* «я около (низа) дома прошел».

Конкретность пространственных значений, выраженных служебными именами, подтверждается еще тем, что каждое служебное имя, как и послелог, выражает только одно из пространственных значений соответствующего падежа.

3. Кроме отмеченных служебных имен, в роли послелогов могут выступать и некоторые наречия. Хотя подобные наречия и «могут управлять падежом (*около дерева, возле дома*), но это не составляет их назначения; это, если можно так выразиться, их право, а не обязанность...»¹⁴, т. е. в данном случае можно говорить не о послелогах, а о послеложных наречиях, так как эти наречия, сохраняя свое основное значение, выполняют лишь в известных случаях служебную роль послелога.

В кетском языке нами выявлены следующие послеложные наречия: *һыте* «внизу», *кэуэ* «на ту сторону», *купка* «вперед», *кургом* (*курваң, курбаң, курице, курук*) «кругом», *оңте* «позади», *тэт'ке* «поперек», *тос'а* «вверх», *л'гэбас'* «кругом». Сочетаясь с существительными или местоимениями, они выражают следующие пространственные отношения: 1) нахождение под поверхностью предмета (при глаголах, не обозначающих направленного движения), направленность действия на поверхность или из-под поверхности предмета: кел. *ад дил'тет ас'л'инин дһытдиңе* «я спрятался под лодкой», сур. *енпыраш' тклығы һыте пыргейтенин* «колотушкой ударили по его голове», *ад кийнем л'амд һытдинел' бал'тий* «я из-под стола ящик вытащил»; 2) указание на предмет, впереди которого совершается действие: кур. *э.т.т. купка бок ауовет* «перед нами огонь виднеется»; кел. *бу бок купке сас'те* «он сидит перед огнем»; 3) указание на действие и пространство, преодолеваемое в результате этого действия: кел. *ад фокс' дкэуэ боот* «я пойду через ручей»; *ад фокс'тэт'ке атток бил'бет* «я через ручей построил мост»; кур. *э.т. до-но:нен с'е:с' кэуэ ас'лина:с'* «мы на лодке переправились через реку», *ад боуот кот' тэт'ке* «я иду через дорогу». Хотя наречия *кэуэ* и *тэт'ке* в послеложной функции имеют общее значение, указывая на направление через предмет (пространство), они не равнозначны, так как лексические значения наречий *кэуэ* «на ту сторону» и *тэт'ке* «поперек» различны. Вследствие этого наречие *кэуэ* в послеложной функции указывает на то, что преодоление какого-либо пространства может происходить в самых различных направлениях, а с наречием *тэт'ке* только в одном, а именно: поперек; 4) указание на предмет, вокруг которого совершается действие: кел. *ад та'нд кургом тай'уй* «я вокруг собак хожу»; пак. *кудс'л'гэбас' та:йге* «вокруг чума ходит»; 5) указание на действие и предмет как предел, за которым это действие происходит: кур. *ук кэ'т ку'с' оңте бохлаң қимнен* «твоих детей там за чумом огнем подожгли»; кел. *бу оуот эт оңте колепке* «он идет позади нас»; 6) указание на действие или предмет, на поверхности или выше которого происходит это действие: бак. *ды'н да етталоқ ку'с' тос'и* «тихонько залезла на чум»; кур. *с'оң бунт'ол'иңас' қай тос'а бьн тајендоуин* «с тяжелыми саями на гору подниматься не могут»; кел. *журавли дујәңодоқң дууас' аспулаң тос'а қолап* «журавли летят с криком над облаками».

Таким образом, для выражения пространственных отношений в современном кетском языке используются падежная и послеложная системы. Падежная система выражает самые общие пространственные отношения, а послеложная — в основном конкретизирует, уточняет и дополняет значения, выражаемые падежными формами.

¹⁴ Д. Н. Овсянников - Куликовский, Синтаксис русского языка, СПб., 1902, стр. 261.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ШИРШОВ И. А.

ПРОБЛЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

За последние годы внимание ученых привлекает проблема семантической структуры производного слова¹. Активно обсуждаются вопросы, связанные со спецификой словообразовательного значения: полисемия, омоимия², аллосемия³ словообразующих аффиксов, значение аффиксов и часть речи мотивирующих слов⁴. Вместе с тем следует отметить, что как специфика словообразовательного значения, так и принципы его описания во многом остаются дискуссионными. Не случайно Е. А. Земская пишет по этому поводу: «...выработка определений значения слова, предназначенных для словообразовательного анализа, одна из насущных задач»⁵. В настоящее время можно выделить несколько трактовок словообразовательного значения и принципов его описания.

1. Одни ученые определяют словообразовательное значение как значение, возникающее при взаимодействии категориальных значений производных и производящих, причем оно описывается в терминах категориального значения. «...Словообразовательное значение, — пишет В. Н. Хохлачева, — значение, обусловленное семантическим (категориальным) взаимодействием единиц, производных и производящих, специфическое для каждого словообразовательного типа, но единое с точки зрения общих принципов своей обусловленности»⁶. В рамках данного понимания словообразовательного значения аффиксальная морфема является средством передачи отношений производности, «...она лишена собственных значений, и роль ее заключается в функции, обуславливающей единство словообразовательного типа»⁷.

¹ И. С. У л у х а н о в, Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. АДД, М., 1975.

² А. Н. Т и х о н о в, Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. АДД, М., 1974; П. А. С о б о л е в а, Омоимия лексическая, словообразовательная и грамматическая, «Актуальные проблемы русского словообразования», Ташкент, 1975.

³ Р. С. М а н у ч а р я н, Об аллосемии и полисемии, «Актуальные проблемы русского словообразования», II, Самарканд, 1972.

⁴ И. С. У л у х а н о в, Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов, ФН, 1974, 4.

⁵ Е. А. З е м с к а я, Членимость и производность слова, «Актуальные проблемы русского словообразования», Ташкент, 1975, стр. 114.

⁶ В. Н. Х о х л а ч е в а, Словообразование существительных в русском языке (Опыт системного описания). АДД, М., 1976, стр. 36.

⁷ Там же, стр. 37.

Но если аффиксальная морфема лишена собственных значений и является средством передачи отношений производности, то во многих случаях словообразовательные типы будут различаться только формально, т. е. аффиксальной морфемой, ср.: *синий* — *синеть*, *синий* — *синить*, *лукавый* — *лукавствовать*, *хромой* — *хромать*. Словообразовательное значение во всех случаях будет одно — «процесс по отношению к признаку», так как оно обусловлено категориальным взаимодействием имен прилагательных и глаголов, а значения, «специфического для каждого словообразовательного типа», обнаруживаться не будет. Из определения словообразовательного значения, таким образом, следует исключить понятие «специфичное для каждого словообразовательного типа» ввиду невозможности его выявления и оставить только первую часть — «обусловленное семантическим (категориальным) взаимодействием единиц, производных и производящих». При такой трактовке словообразовательного значения его можно выявить только при взаимодействии производных и производящих, относящихся к разным частям речи, ср.: *учить* — *учитель*, *разверт* — *развертничать*, *белый* — *белеть*, *вчера* — *вчерашний*, *изумить* — *изумительный* и т. д. Но его нельзя выявить, если производное и производящее относятся к одной части речи и у них одно и то же категориальное значение, в таком случае оно не может быть обусловлено категориальным взаимодействием производных и производящих, а следовательно, в производных не будет обнаруживаться никаких семантических приращений, ср.: *стол* (субстанция) — *столик* (субстанция), *ехать* (процесс) — *приехать* (процесс), *красный* (признак) — *красноватый* (признак), *высоко* (признак признака) — *превысоко* (признак признака). Вот почему, характеризуя структуру «существительное — существительное», В. Н. Хохлачева вынуждена была указать, что в этой структуре «соотношение основ определяется нейтральностью, индифферентностью категориальных значений взаимодействующих единиц»⁸.

Иначе говоря, внутривербальное, внутрисубстантивное, внутриаффиктивное, внутринаречное словообразование в соответствии с таким пониманием словообразовательного значения можно описывать только на формальном уровне, без какой-либо семантической классификации. «...Словообразование, — пишет В. Н. Хохлачева, — единственная область, где взаимодействие категорий развивается в направлении „подавления“ категориальных свойств, воплощенных в производящих, во имя „торжества“ категориальных свойств производных»⁹. То, что здесь сказано о всей словообразовательной системе, скорее характеризует одну подсистему — синтаксическую деривацию¹⁰, в рамках которой образуются слова, не обогащающие язык новыми значениями. В ней действительно категориальные свойства производящих подавляются категориальными свойствами производных, лексическое же значение остается тождественным, ср.: *синий* (признак) — *синь* (субстанция), *ходить* (процесс) — *ход* (субстанция) и т. д. В такого типа производных значение синтаксического деривата есть не что иное, как категориальное значение, а само образование новых слов есть грамматическое словообразование.

В области же лексической деривации категориальные значения могут взаимодействовать, если производное и производящее — разные части речи, но такое взаимодействие может и отсутствовать, если производное и производящее — слова одной части речи. Несмотря на то, есть взаимодействие категориальных значений или нет, в словообразователь-

⁸ Там же, стр. 33.

⁹ Там же, стр. 34.

¹⁰ См.: Е. Курлович, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 58.

ном акте каждый раз рождается новое слово и новое значение, ср.: *луна* — *лунник*, *космос* — *космонавт*, *распределять* — *распределитель*, *упрямый* — *упрямец* и т. д. Значение лексических дериватов нельзя описать с помощью критерия В. Н. Хохлачевой.

В том же русле описывает словообразовательное значение П. А. Соболева. В качестве элементарной единицы словообразовательного уровня П. А. Соболева использует деривационный шаг (отношение производящего и производного), а в плане содержания каждому деривационному шагу соответствует общее словообразовательное значение, которое формулируется в категориальных терминах: «процесс, имеющий отношение к субстанции» — R_1R_2X , «субстанция, имеющая отношение к процессу» — R_2R_1X , «признак, имеющий отношение к признаку» — R_3R_3X и т. д., всего 16 возможных комбинаций категорий, значит 16 общих значений¹¹. Фактически «общее словообразовательное значение» определяется через отношение категориальных значений, и это позволило П. А. Соболевой исчислить количество таких значений.

Описывая словообразовательную систему с помощью аппликативной грамматики, П. А. Соболева обнаружила невозможность втиснуть в 16 общих словообразовательных значений все богатство и разнообразие семантических отношений производных и производящих и вынуждена была ввести понятие частного словообразовательного значения, в котором «реализуется общее словообразовательное значение». Например, деривационному шагу R_2R_1X соответствует набор из следующих частных словообразовательных значений (при одном общем — «субстанция, имеющая отношение к процессу»): 1) имя (акт) действия: *чтение*; 2) действующее лицо или предмет (орудие действия): *продавец*, *завдвижка*; 3) место действия: *раздевалка*; 4) объект действия: *находка*; 5) результат действия: *царапина*¹².

Анализируя примеры *продавец*, *завдвижка*, *раздевалка*, *находка*, *царапина*, можно отметить у них общее — значение предметности (категориальное значение) и различное — значение лица, орудия, места, объекта, результата (по П. А. Соболевой — частные словообразовательные значения). Отсюда следует, что категориальное значение не реализовалось в частных словообразовательных значениях, а существует рядом с ними, они не перекрещиваются и не вкладываются одно в другое, не переходят одно в другое, они, взаимодействуя, сосуществуют в семантической структуре слова. Вот почему тезис «общее словообразовательное значение реализуется в частных словообразовательных значениях» не может быть принят.

Проанализировав работы В. П. Хохлачевой и П. А. Соболевой, можно прийти к заключению, что описание словообразовательного значения в терминах категориального значения не вскрывает истинной картины, не позволяет выявить специфику словообразовательной семантики, а само словообразовательное значение остается неопределенным. В терминах категориальных значений можно описать только одну подсистему словообразования — синтаксическую деривацию, сущность которой не выходит за пределы морфологии¹³, так как при синтаксической деривации, кроме взаимодействия категориальных значений, никаких семантических приращений не происходит. Собственно словообразовательное значение, т. е. приращение семантики в словообразовательном акте, выявляется в

¹¹ См.: П. А. Соболева, Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. АДД, М., 1970, стр. 41 и сл.

¹² Там же.

¹³ См. об этом: П. А. Янко-Триницкая, К системности русского словообразования, ФН, 1976, 5, с. 46.

другой подсистеме словообразования — лексической деривации, а это значение в категориальных терминах описать не удастся.

2. Свообразно понимает словообразовательное значение В. И. Максимов, который определяет его следующим образом: «...общее значение, придаваемое суффиксом целой группе однотипных слов, следует называть словообразовательным (или деривативным, классифицирующим)»¹⁴. Анализируя слова *смелость*, *храбрость*, *решительность*, В. И. Максимов выявляет у них это общее значение — отвлеченный признак, который объединяет в один разряд все производные и отличает их от производящих прилагательных. Из этого определения следует, что словообразовательное значение выявляется в производных словах, а следовательно, является компонентом семантической структуры слова. Но далее В. И. Максимов замечает, что «...словообразовательное значение присуще не самим производным, а образующим их аффиксам»¹⁵, здесь тем самым утверждается автономный характер словообразовательного значения. С одной стороны, словообразовательное значение выявляется в производных словах, с другой стороны — оно им не присуще. Если верно второе, то возникает вопрос, как же определяется словообразовательное значение аффикса и можно ли его вообще выявить в языке. Какое словообразовательное значение, например, присуще суффиксу *-ин-*? Сам В. И. Максимов указывает у него ряд значений: 1) предметное значение — *конопатина*, 2) агентивное значение — *удалина* «удалая девушка», 3) вещественное значение — *давленина* «мясо удушенного животного» и др.¹⁶

Приведенные примеры показывают, что значения, передаваемые омонимичным суффиксом *-ин-*, отнюдь не автономны, они реализуются только в производных словах и во многом предопределены семантикой производящих слов. Так, прилагательное *конопатый* (ср. *конопушка*), соединяясь с суффиксом *-ин-*, может сформировать только значение единичности, а не агентивности, а прилагательное *удалой*, обозначая признак лица, при соединении с суффиксом формирует только значение лица, а не мяса животного. Иначе говоря, значение суффикса формировалось под воздействием семантики производящих слов, а сама проблема обусловленности значений аффиксов семантическими особенностями производящих должна рассматриваться как одна из самых актуальных в словообразовательной науке.

«Никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значении производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию», — писал Г. О. Винокур¹⁷. Обратив внимание на функциональную нагрузку словообразующего аффикса, Г. О. Винокур тем самым определил место словообразовательного значения в семантической структуре языка: оно заключено в производной основе и может быть выявлено только при сопоставлении производной и производящей основ.

В качестве исходного материала, с которым имеет дело лингвист, выступает слово, точнее — производное слово, сам же аффикс, как и его значение, выявляется в результате лингвистического анализа с использованием определенной методики. В результате такого анализа появляется ответ на вопрос: как образовано данное слово, посредством какого

¹⁴ В. И. Максимов, Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке, Л., 1975, стр. 25.

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ Там же, стр. 60 и сл.

¹⁷ Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, «Избр. работы по русскому языку», М., 1959, стр. 425.

словообразовательного средства и какая часть семантики производного слова передается этим словообразовательным средством? Иначе говоря, мы устанавливаем, чем обычно выражается значение, являющееся семантическим приращением к семантике производящей основы в структуре производной. Тот факт, что словообразовательное значение обычно выражается аффиксом, не дает оснований для утверждения, что это значение автономно: как морфема, так и передаваемое ею значение являются связанными по своему характеру и функционируют только в структуре производных слов.

Анализ семантики и структуры производных основ, как правило, завершается выявлением структуры и семантики словообразующих аффиксов, т.е. описанием морфемного инвентаря. Возможность вычленения значения аффиксов в семантической структуре производного слова создает иллюзию их семантической автономии, их обособленности от семантики производных слов. Эта иллюзия усиливается, когда исследователь описывает словообразовательную систему, избрав отправной точкой производящую основу — так называемый перспективный подход (в противоположность ретроспективному)¹⁸: в таком случае создается впечатление, что достаточно сложить производящую основу и аффикс (значение которого автономно!), как получится новая словарная единица. Предположим, что словообразовательное значение лица «присуще» суффиксу *-ист*, а не производной основе, в которой этот суффикс функционирует.

«Складывая» семантику производящей основы с семантикой суффикса *-ист*, наблюдаем за семантикой производных слов: *трактор* «машина» + *-ист* «лицо» = *тракторист* «лицо, которое водит трактор»; *баян* «музыкальный инструмент» + *-ист* = *баянист* «лицо, которое играет на баяне»; *гимназия* «учебное заведение» + *-ист* = *гимназист* «лицо, которое учится в гимназии»; *кавалерия* «род войск» + *-ист* = *кавалерист* «лицо, которое служит в кавалерии».

В семантике производных слов обнаруживаются семантические компоненты, которых не было ни в производящей основе, ни в аффиксе, в толковании производных слов они передаются словами *водит, играет, учится, служит*. Эти компоненты являются специфической принадлежностью производных слов, а так как они взаимодействуют со значением лица, то последнее также свойственно производному слову, оно функционирует и выявляется в производном слове. Разница между дополнительным компонентом и словообразовательным значением в том, что последнее выражается аффиксом, а первое не имеет формальных средств выражения. В. Доросhevский пишет по этому поводу: «Понятийную структуру формы *барабанщик* в ее отношении к словообразовательному строению этого слова можно выразить в формуле: „тот, кто (*-щик*) (бьет в) *барабан*“. Скобки, в которые заключены слова „бьет в“, означают отсутствие в структуре слова *барабанщик* элемента, который выражал бы понятие сказуемого»¹⁹.

Принадлежность словообразовательного значения производному слову не противоречит понятию «словообразовательный акт», т.е. процессу взаимодействия производящих основ и аффиксов при порождении слов: значение аффикса осмысливается в производных словах, закрепляется за определенной формой и используется для образования новых слов в рамках словообразовательного типа, где его связанность проявляется особенно четко.⁴

¹⁸ См. об. этом: В. В. Лопатин, Русская словообразовательная морфемика (Проблемы и принципы описания). ДД, М., 1976, стр. 10—12.

¹⁹ В. Доросhevский, Элементы лексикологии и семиотики, М., 1973, стр. 247.

3. Г. О. Винокур и его последователи определяют словообразовательное значение иначе: «...значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы», — писал Г. О. Винокур²⁰. Сопоставление значений производных и производящих основ и является собственно лингвистической задачей в изучении значений слов, в этом сопоставлении и определяется значение аффикса, которое принципиально отличается от значений основ: его особенность в том, что оно способно вносить в значение производящей основы «ту или иную модификацию», тем самым оно становится компонентом значения производной основы. Развивая эти положения Г. О. Винокура, его последователи внесли в трактовку словообразовательного значения ряд существенных уточнений.

В терминах категориального значения описывает словообразовательное значение Е. С. Кубрякова. «...обобщенные категориальные значения, имеющие специальное выражение, но не являющиеся обязательными, мы и называем словообразовательными значениями»²¹. Определив место словообразовательного значения между индивидуальным лексическим и в высшей степени обобщенным грамматическим, Е. С. Кубрякова отметила его системный, обобщающий характер. Оно по существу является групповым, принадлежащим не целому классу слов, а его части²². Описывая словообразовательное значение в терминах категориального значения, Е. С. Кубрякова замечает, что оно «подстраивается» под грамматическое значение, так как имеет обобщенно-категориальный характер, и выражается в языке деривационными аффиксами²³.

Здесь, таким образом, у грамматического и словообразовательного значения отмечен один различительный признак — грамматическое значение отвечает требованию обязательности, словообразовательное значение — этому требованию не отвечает, хотя то и другое в языке формально выражается²⁴. На содержательном уровне эти значения мало чем отличаются: словообразовательное значение — «обобщенное категориальное», а грамматическое значение — «в высшей степени обобщенное».

Е. А. Земская считает, что «словообразовательное значение... является общим для производных данного типа»²⁵, т. е. выявляется не в одном производном и не в группе производных, а в производных, построенных по формуле одного словообразовательного типа. Само словообразовательное значение «...устанавливается на основании семантического соотношения производящих и производных»²⁶. Например, следующие производящие и производные характеризуются одинаковыми семантическими соотношениями — *конь*: *конина* = *северюга*: *северюжина* = *белуга*: *белужина* = *верблюд*: *верблюжина*, т. е. «название животного»: «название мяса этого животного». Производные обозначают «мясо того животного, которое пазвано производящей основой»²⁷. Несколько ниже словообразовательное значение этих производных определяется как «мясо животного, названного производящей основой»²⁸. Здесь,

²⁰ Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 421.

²¹ Е. С. Кубрякова, Основы морфологического анализа, М., 1974, стр. 148.

²² Там же, стр. 149.

²³ Там же, стр. 148.

²⁴ См. об этом: О. С. Ахманова и др., О точных методах исследования языка, М., 1961, стр. 34; А. А. Зализняк, Русское именное словоизменение, М., 1967, стр. 24—25.

²⁵ Е. А. Земская, Современный русский язык. Словообразование, М., 1973, стр. 184.

²⁶ Там же, стр. 184.

²⁷ Там же, стр. 183.

²⁸ Там же, стр. 184.

таким образом, под словообразовательным значением понимается значение производных слов, так как эти значения полностью совпали. В рамках такого понимания словообразовательного значения процедуру семантического анализа, видимо, следует продолжать, так как семантика производного слова оказывается сложной, и в ней необходимо отыскивать семантические компоненты, которые передаются аффиксом.

Если В. И. Максимов абсолютизирует значение аффикса, отрывает его от значения производной основы, то Е. А. Земская, наоборот, все внимание сосредоточивает на семантике производных слов, значение же аффикса оказывается затемненным, растворяется в семантике производной основы. Что касается синтаксической деривации, то здесь использование методики семантического сопоставления производной и производящей вообще затруднено. Описание отглагольных и отадъективных синтаксических дериватов в терминах морфологии — отвлеченное действие, отвлеченный признак — свидетельствует о применении другой методики, о соотношении не лексических значений производных и производящих, а категориальных значений.

Вслед за Е. А. Земской М. Я. Гловинская считает собственно словообразовательным значением значение аффикса плюс значение производящей основы. Анализируя слово *нахлебник* «тот, кто живет на чужих хлебах», она выделила в его семантике две части: 1) собственно словообразовательное значение — «тот, кто» (значение *-ник*), «средства к существованию» (значение *-хлеб-*) и «с помощью» (значение *на-*); 2) фразеологическое наращение — смысл «чужие» и смысл «жить»²⁹. Общее значение производных того или иного типа (Е. А. Земская) обнаружило сложную структуру, поэтому в «собственно словообразовательном значении» выделена семантика производящей основы и семантика аффиксов, что представляется вполне логичным. Такая трактовка словообразовательного значения возможна, если в нее будут внесены коррективы. Для этого необходимо определить принципы описания семантики производных слов, например, через деривационные сочетания³⁰ или перифразы³¹, уточнить процедуру выявления значения аффикса, определить место фразеологических наращений в семантической структуре производного слова. Это тем более необходимо, что в основе описания словообразовательных значений лежит компонентный анализ. В статье же М. Я. Гловинской словообразовательное значение толкуется неоднозначно: под ним понимается то значение аффикса и производящей основы, то только «словообразовательное значение суффикса»³². Фразеологические наращения появляются только в семантике производного слова, тем не менее они выводятся за пределы словообразовательного значения, а семантика производящей основы в него включается.

Фразеологическое наращение, видимо, выполняет какую-то связующую функцию между значением производящей основы и значением аффикса. Его появление связано с особенностями семантики производящих основ и задается ими, ср.: *тракторист* «тот, кто водит трактор», *гимназист* «тот, кто учится в гимназии». Появление разных фразеологических наращений при одном и том же значении аффикса определяется семантикой производящих (*трактор, гимназия*), в них реализуется функ-

²⁹ М. Я. Г л о в и н с к а я, О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации, сб. «Развитие современного русского языка. 1972», М., 1975, стр. 33.

³⁰ В. М. Н и к и т е в и ч, Субстантив в составе номинативных рядов (К проблеме деривационной грамматики). АДД, М., 1973, стр. 15.

³¹ З. М. В о л о ц к а я, Опыт описания деривационных значений. АРД, М., 1972.

³² М. Я. Г л о в и н с к а я, указ. соч., стр. 34.

циональная нагрузка аффикса, значение которого (лицо) является чрезвычайно обобщенным. Непредсказуемость фразеологического наращения становится иллюзорной, оно (наращение) функционально нагружено и определимо. В примере М. Я. Гловинской действительно непредсказуемым компонентом является смысл «чужие», так как слово *нахлебник* выводится не из того значения слова *хлеб* («средства к существованию, заработок»). *Нахлебник* выводится из слова *хлебá* перен. «пропитание, иждивение» (пятое значение в Словаре С. И. Ожегова) и значит «тот, кто живет на хлебах», т. е. на иждивении. Смысл же «чужие» входит в значение слова *иждивение*. Таким образом, в этом слове фразеологическим наращением является смысл «жить», оно определяется семантикой слова *иждивение* и указывает на функцию лица.

Семантика производящей основы и семантика фразеологического наращения являются величинами переменными в значении производного слова, они противопоставлены семантике аффикса как величине постоянной (в пределах словообразовательного типа). В то же время семантика аффикса и семантика фразеологического наращения, появляющиеся в структуре производного слова, противопоставлены семантике производящей основы: первые значения связанные, а значение производящей основы может функционировать и самостоятельно. Наконец, значения аффикса и производящей основы, имеющие выражение в структуре производной основы, противопоставлены фразеологическому наращению, такого выражения не имеющему.

Последний вариант положен в основу теории И. С. Улуханова, который выделяет в значении словообразовательно мотивированных слов три части: 1) мотивирующую часть, выраженную словом или комплексным наименованием; 2) часть, выраженную словообразовательным формантом; 3) семантические компоненты, не входящие ни в мотивирующую, ни в формантную части (они могут отсутствовать)³³. В теории И. С. Улуханова словообразовательное значение выявляется в производном слове и закрепляется за аффиксом. Значение аффикса включает «...все те элементы значения, которые составляют семантическую разность между значением мотивированного и семантически мотивирующего слова»³⁴. В толковании производных слов при этом выделяется переменная величина (мотивирующее слово) и постоянная величина (формантная часть)³⁵, т. е. поиск словообразовательного значения осуществляется в рамках словообразовательного типа³⁶.

Впоследствии И. С. Улуханов пересмотрел соотношение между формантной частью значения и дополнительными семантическими компонентами в сторону большей нагруженности формантной части. Введя понятия инвариантных — неинвариантных формантов, он выявил специфику каждого из них. К неинвариантным относятся форманты, которые передают стандартные значения, ср.: *белеть*, *веселеть* — становится белым,

³³ И. С. Улуханов, Компоненты значения членимых слов, ВЯ, 1974, 2, стр. 76.

³⁴ И. С. Улуханов, О принципах описания значений словообразовательно мотивированных слов, ИАН СЛЯ, 1970, 4, стр. 16.

³⁵ Там же.

³⁶ Сходные идеи развивает в своих работах В. В. Лопатин. Словообразовательное значение «определяется как обобщенное значение, выявляемое в рамках словообразовательного типа и отличающее все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих», — пишет он. Носителем словообразовательного значения является формант. В. В. Лопатин отметил связанный характер словообразовательного значения, которое реализуется в сочетании с соответствующей мотивирующей базой. См.: В. В. Лопатин, Русская словообразовательная морфемика (Проблемы и принципы описания). АДД, М., 1976, стр. 12.

веселым или более, веселее; *домик, столик* — маленький дом, стол³⁷. Инвариантные форманты передают нестандартные значения, ср.: *«шиковать»* — „проявлять в чем-либо шик, щегольство“, *морализировать* — „проповедовать строгую мораль“... *сумерничать* — „сидеть в сумерках, не зажигая огня и ничего не делая“... Глаголы с суффиксами типа *-и-, -ова-/ирова-/изирова-/изова-, -нича-* и т. п. не имеют в своем лексическом значении общего семантического компонента (ср. „становиться“ у глаголов с суффикс. *-е-*)³⁸, их значение «не отождествляется с каким-либо реальным семантическим компонентом лексического значения слов с данным аффиксом, а выявляется путем: 1) „вычитания“ значения мотивирующего слова из значения мотивированного и 2) абстрагирования — сведения семантических компонентов, оставшихся после этого „вычитания“, к более общему значению — семантическому инварианту. Так, все многообразие семантических отношений глаголов с суффикс. *-и-, -ова-* или прилагательных с суффиксами *-н-, -ск-, -ов-* к мотивирующему слову может быть сведено к семантическому инварианту „действие (или признак), имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом“³⁹. Значение инвариантных аффиксов представлено в тексте нормативными реализациями (ср. *лесной дом* — «находящийся в лесу», *лесной вопрос* — «имеющий отношение к лесу») ⁴⁰, причем инвариантное значение является системным, свойственным словообразовательному типу в целом, нормативные же реализации свойственны единичным словам в пределах типа ⁴¹. И. С. Улуханов отмечает, что «контекстное значение инвариантного аффикса в значительной степени, но не полностью, предопределено значением мотивирующей основы („внутренним контекстом“): *партизанить* — „совершать действие, свойственное данному лицу“, *калечить* — „делать калекой“. В первом случае производящее имя называет лицо, которому свойственно определенное действие или поведение, во втором случае — лицо характеризуется определенными признаками» ⁴². Внутри словообразовательного типа с инвариантным значением форманта выделяются семантические подтипы «с тождественными контекстными значениями» ⁴³.

Все аффиксы И. С. Улуханов делит еще на общекатегориальные и частнокатегориальные: если инвариантным значением аффиксов (*-и-, -ова-, -н-, -ов-, -ск-*) является значение части речи, такие аффиксы называются общекатегориальными; если их значение более узкое, чем значение части речи, такие аффиксы называются частнокатегориальными, причем в последние включаются и суффиксы с отвлеченным значением *-ени/-, -к-, -б-, -ость-, -от-, -изн-* и др. ⁴⁴. Как видно из изложения, трактовка И. С. Улухановым типов словообразовательных значений привела к пересмотру границ между лексической и синтаксической деривацией.

Сходные идеи о природе словообразовательного значения развивает Р. С. Манучарян. «Словообразовательное значение, — пишет он, — это общая для ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, основанная на корреляции этих производных и соот-

³⁷ И. С. Улуханов, Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, М., 1977, стр. 86.

³⁸ Там же, стр. 88.

³⁹ Там же, стр. 88—89.

⁴⁰ Там же, стр. 91.

⁴¹ Там же, стр. 90.

⁴² Там же, стр. 94.

⁴³ Там же, стр. 94.

⁴⁴ Там же, стр. 106—107.

ветствующих производящих»⁴⁵. От обобщенных лексических значений (типа «орудие», «место») словообразовательные значения отличаются тем, что являются формально выраженными, от грамматических значений они отличаются тем, что являются необязательными в системе языка, не охватывают всех слов одной части речи⁴⁶. Как и И. С. Улуханов, Р. С. Манучарян делит словообразовательные значения на общекатегориальные и частнокатегориальные, невариативные и вариативные, причем последние представляют собой иерархию общего (инвариантного) и подчиненных ему частных (вариативных) значений⁴⁷. Инвариантные значения типа «относящийся к такому-то предмету» Р. С. Манучарян определяет как синтактико-лексически независимые, а вариативные, зависящие от варьирования внешнего контекста, как синтактико-лексически обусловленные, например: *дубовый* (стол) — «сделанный из того-то», *дубовый* (лес) — «состоящий из того-то»⁴⁸.

Признав за парадигмой функцию выражения общекатегориальных значений, Р. С. Манучарян отмечает, что категория предметности у существительных, входящих в подсистему синтаксической деривации, выражена дважды, т. е. избыточно — общекатегориальным аффиксом и системой флексий (*полив-к-а*, *темн-от-а*)⁴⁹. Думается, что это положение будет разеваться при описании специфики синтаксической деривации.

Деление словообразовательных значений на вариативные и невариативные позволило Р. С. Манучаряну применительно к словообразовательному типу дать их более дробную классификацию: в н у т р и т и п о в ы е, т и п о в ы е, м е ж т и п о в ы е⁵⁰. С другой стороны, рассмотрение словообразовательных значений в рамках семантической системы дало возможность Р. С. Манучаряну выделить более крупные единицы: словообразовательную категорию⁵¹, которая идентифицирует ряды производных с разными формантами и способами словообразования (в русском и армянском языках) на основе общности словообразовательного значения, и словообразовательно-семантическую парадигму, которая «характеризуется следующими параметрами: набором частных словообразовательных значений, набором общих, категориальных словообразовательных значений, совмещаемостью частных значений в пределах общих, противопоставлениями, образуемыми категориальными словообразовательными значениями, степенью представленности словообразовательных значений в конкретных производных»⁵².

Сама словообразовательно-семантическая парадигма представляет собой сложную структуру: в ней выделяются зоны, например, в парадигме глагола — субстантивная, адъективная и т. д. зоны словообразовательных значений, а словообразовательные значения группируются по признаку обобщенного способа мотивации, например, действие описывается через субъект (совершать действия, свойственные тому-то), объект (паделить тем-то), результат (превращать в то-то), орудие (действовать посредством того-то), место (помещать в то-то), время (проводить такое-то время), способ (производить действие в форме того-то)⁵³.

⁴⁵ Р. С. Манучарян, Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения. АДД, Ереван, 1975, стр. 12.

⁴⁶ Там же, стр. 38.

⁴⁷ Там же, стр. 20, 29.

⁴⁸ Там же, стр. 29.

⁴⁹ Там же, стр. 20.

⁵⁰ Там же, стр. 33.

⁵¹ Там же, стр. 39.

⁵² Там же, стр. 42.

⁵³ Там же, стр. 47.

Исследование Р. С. Манучаряна привлекает глубиной трактовки и системным подходом к изучению словообразовательной семантики. Работы И. С. Улуханова и Р. С. Манучаряна значительно продвинули изучение словообразования в направлении грамматики, показали, что словообразовательное значение, проходя серию обобщений, потенциально стремится к грамматическому значению. Очевидно, что подобное описание является одним из возможных подходов к словообразовательной семантике. В то же время остаются малоизученными системные отношения между частными словообразовательными значениями, а они во многом сходны с системными отношениями в лексике. Иначе говоря, изучение словообразовательной семантики должно быть повернуто и к лексической семантике. Успешный опыт такого подхода можно видеть в исследованиях В. Н. Немченко и О. П. Ермаковой: В. Н. Немченко попытался исчислить словообразовательные значения в кругу суффиксальных отсубстантивных прилагательных⁵⁴, а О. П. Ермакова — определить причины появления фразеологических наращений в семантике производного слова⁵⁵.

Остается открытой проблема, только поставленная в науке и связанная с взаимодействием лексического, словообразовательного и грамматического значений. Сюда относятся ряд вопросов: специфика словообразовательного значения в лексической и синтаксической деривации, степень обусловленности словообразовательного значения лексическим значением производящей основы, место фразеологического наращения в семантической структуре производных слов, язык описания семантики производных слов, т. е. отражение в этом описании лексического словообразовательного и грамматического значений.

Что касается последнего вопроса, то в нем много неясного. Наиболее полное описание словообразовательной системы дано в «Гр. 70». Но в ней описаны не собственно словообразовательные значения, а значения производных слов, например: «Существительные с суфф. *-щик/чик* обозначают лицо или предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом»⁵⁶.

Кроме того, не определены принципы описания семантики производных слов. Так, в одних случаях первым указывается словообразовательное значение (лицо или предмет), в других — категориальное значение глагола: «существительные с суффиксом *-аир/-ож* обозначают действие по глаголу»⁵⁷. Прилагательные описываются с помощью категориального значения: прилагательные с суффиксом *-н-* «обозначают признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»⁵⁸. В глаголах первым указывается то категориальное значение: глаголы с суффиксом *-ова(ть)* «означают действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»⁵⁹, то словообразовательное значение существительных, передаваемое суффиксом *-ство*: глаголы с суффиксом *-нича(ть)*, «мотивированные существительными, означают занятия, поступки, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»⁶⁰. Существительное *директорство* в самом деле обозначает занятие директора, а, например,

⁵⁴ В. Н. Немченко, Словообразовательная структура суффиксальных имен прилагательных в современном русском языке. АДД, М., 1976.

⁵⁵ О. П. Ермакова, Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. АДД, М., 1977.

⁵⁶ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 48.

⁵⁷ Там же, стр. 72.

⁵⁸ Там же, стр. 180.

⁵⁹ Там же, стр. 236.

⁶⁰ Там же, стр. 239.

глагол *сапожничать* имеет значение не «занятие, имеющее отношение к сапожнику», а «совершать действие, которое обычно производится сапожником».

Разный подход к описанию значений производных слов, осуществленный в одном и том же труде, свидетельствует об отсутствии единой методики в выявлении семантики словообразовательно мотивированных слов.

Проблема комплексного описания семантики производных слов уже поставлена в науке. Так, И.И. Ковалик усматривает в смысловой структуре производного слова категориальное (частеречное), словообразовательное (деривативное) и лексическое значения⁶¹. Н.А. Янко-Триницкая пишет по этому поводу: «Значение суффикса реализуется только в соединении с производящей основой, да еще в сопровождении определенной системы флексий. Поэтому правильнее было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря о значении образца»⁶². С этой точки зрения никак не может вызвать сочувствия описание семантики производных слов посредством ссылки на категориальное значение производящего слова (субъект действия, объект действия, место действия, инструмент действия), так как категориальное значение одно, а значения суффиксов почему-то оказываются разными. Это различие легко вскрывается в деривационных сочетаниях, ср.: *защитник* «тот, кто защищает»; *воспитанник* тот, кого воспитывают»; *зимовник* «то, где зимуют»; *ельник* «то, что представляет собой совокупность елей».

Для словообразовательной науки важен учет не лексических значений производящих слов как таковых, так как разные значения производящей базы формируют разные значения производных слов, а это представляет интерес для лексикологии. Для словообразовательной науки представляет интерес наличие у ряда производящих общего семантического компонента, так как именно на его основе формируется словообразовательное значение у производных. Например, существительные, содержащие в своей семантической структуре компонент «действие», формируют глагольные синтаксические дериваты, которые допускают истолкование «совершать действие, названное в существительном», ср.: *разбой* — *разбойничать*, *мордобой* — *мордобойничать*. Существительные же, содержащие семантический компонент «свойство», формируют глагольные лексические дериваты, которые допускают истолкование «совершать действие, в котором проявляется свойство», ср.: *каприз* — *капризничать*, *азарт* — *азартничать*.

Существительные, не содержащие указанных семантических компонентов, а также иного, общего компонента, не могут сформировать в глаголах на *-ничать* словообразовательного значения. Так, слова *барыш* «прибыль», *острог* «тюрьма», *обоз* «партия подвод, перевозящих грузы» не содержат общего семантического компонента, и их отношения с глаголами на *-ничать* остаются на уровне лексики, ср.: *острожничать* «сидеть по острогам», *обозничать* «находиться в обозе», *барышничать* «получать барыш». Словообразовательные отношения устанавливаются между глаголами на *-ничать* и существительными на *-ник*, так как в последних выявляется общий семантический компонент (значение лица): гла-

⁶¹ И. И. К о в а л и к, Смысловая структура производного слова, «Актуальные проблемы лексикологии», Минск, 1970, стр. 99.

⁶² Н. А. Я н к о - Т р и н и ц к а я, Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах, «Развитие современного русского языка», М., 1963, стр. 85.

голы *острожничать*, *обозничать*, *барышничать* имеют значение «вести жизнь лица», т. е. острожника, обозника, барышника.

Если при описании значения производных слов использовать понятие семантических множителей, в частности, деривационное значение и типовое значение производящих основ⁶³, то под последним следует понимать семантические компоненты, формирующие лексико-семантические группы внутри той или иной части речи. Так, глаголы *мордобойничать*, *азартничать*, *острожничать* выводятся из слов одной части речи, а словообразовательные значения в них разные, причем они формируются на основе разных типовых значений производящих, входящих в разные лексико-семантические группы.

Данные факты дают основание считать, что понятие словообразовательного типа, внутри которого формируется словообразовательное значение, требует существенных уточнений. В современной науке словообразовательный тип трактуется как формально-семантическая схема построения слов, характеризующихся общностью: а) форманта, б) словообразовательного значения, в) части речи мотивирующих слов⁶⁴. Последний признак является достаточно неопределенным. Не случайно В. Н. Хохлачева заметила по этому поводу: «Что определяет и чему служит при этом характеристика мотивирующего слова как части речи?»⁶⁵. Представляется, что наряду с частеречным признаком необходим признак семантический, т. е. принадлежность производящего к той или иной лексико-семантической группе внутри части речи. Это особенно ярко проявляется, когда слова одной части речи создаются при помощи одного форманта на базе разных частей речи и при этом характеризуются общностью словообразовательной семантики⁶⁶. Так, существительные *горбун*, *толстун*, *шалун* имеют значение лица, образованы при помощи одного суффикса. Учет части речи производящих, конечно, важен: он позволяет определить словообразовательный потенциал каждой части речи. Но не менее важно определить, почему существительные с суффиксом *-ун* образуются от разных частей речи. Причина же заключается в том, что все производящие — *горб*, *толстый*, *шалить* — содержат оценочный компонент, который и взаимодействует со значением лица в семантической структуре производных.

Проведенный анализ показывает, что словообразовательные значения не только взаимодействуют с определенными семантическими компонентами производящих, но ими во многом и определяются. Вот почему при описании семантики производных слов следует указывать не категориальное значение производящих, а их общий семантический компонент, на базе которого формируется словообразовательное значение производных. С другой стороны, указание на категориальное значение производных обязательно, так как оно взаимодействует со словообразовательным значением, ср.: *азартничать* «совершать действие, в котором проявляется азарт (свойство)», *слесарничать* «совершать действие, которое обычно производится слесарем (лицом)», *подличать* «совершать действие, в котором проявляется признак слова *подлый* (оце-

⁶³ См.: Е. А. Найдя, Анализ значения и составление словарей, «Новое в лингвистике», II, М., 1962; Л. Ельмслев, Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?, там же; М. А. Шелякин, К вопросу о сущности структурно-словообразовательного анализа, «Актуальные проблемы русского словообразования», Ташкент, 1975, стр. 31.

⁶⁴ «Гр. 70», стр. 39.

⁶⁵ В. Н. Хохлачева, Некоторые вопросы теории словообразования, ВЯ, 1973, 3, стр. 102.

⁶⁶ И. С. Улуханов, Значения словообразующих суффиксов и части речи мотивирующих слов, стр. 61—62.

ночное имя)»⁶⁷. Равноценные результаты можно получить, если первым словом в деривационном сочетании будет глагол, включающий в себя категориальное значение и передающий словообразовательное значение, ср.: *азартничать* «проявлять азарт (свойство)», *звереть* «вести себя подобно зверю (лицу с отрицательной оценкой)», *слесарничать* «заниматься ремеслом слесаря (лица по профессии)» и т. д.

Изложение существующих точек зрения на словообразовательное значение и их оценка позволяют сделать вывод, что наиболее плодотворной теорией является теория Г. О. Винокура и его последователей — Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, Р. С. Манучаряна, И. С. Улуханова, Н. А. Янко-Триницкой и др. Как было показано выше, все они считают словообразовательное значение компонентом структуры производного слова, отмечают его связанный характер и выявляют его в рамках словообразовательного типа. Наиболее глубокую трактовку этой проблемы дали И. С. Улуханов и Р. С. Манучарян, выявившие специфику словообразовательного значения и определившие принципы его описания. Вместе с тем следует отметить, что представители школы Г. О. Винокура заложили только фундамент этой теории, многое в ней еще неясно и требует дальнейших исследований. Вполне очевидно, что теория словообразовательного значения связана с целым комплексом проблем: семантической структурой производного слова, взаимодействием общих семантических компонентов производящих слов и словообразовательного значения, взаимосвязью категориального значения производных и словообразовательного значения, взаимодействием фразеологических наращений с семантикой производящих слов и словообразовательными значениями.

⁶⁷ Описание семантики производных глаголов с указанием их категориальных значений см.: И. С. У л у х а н о в, О семантической классификации мотивированных слов, «Актуальные проблемы русского словообразования», Ташкент, 1975, стр. 75—76.

КАНДЕЛАКИ Т. Л.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АН СССР

В 1975 г. Комитет научно-технической терминологии АН СССР разослал типовое письмо в научные учреждения АН СССР в целях выяснить объекты работы в области специальной лексики, аспекты работы над специальной лексикой; состояние справочно-информационной деятельности; организационные формы работы.

Задача данной публикации — показать тот размах, который в настоящее время почти стихийно приобрела в АН СССР практическая работа над специальной лексикой, и тем самым поставить вопрос о той роли, которую в ней должна быть отведена языковедам.

ОБЪЕКТЫ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

1. Систематизация понятий. Во многих ответах на типовое письмо отмечается, что работа над терминологией ведется в обязательном комплексе: «систематизация (иерархизация, классифицирование), определение понятий и терминологизация этих понятий» (классифицирование основных структурных элементов земной коры материков — Межведомственный тектонический комитет; общая классификация пластических масс — ВИНТИ, Отдел химии и т. д.).

Связана с работой над классификацией понятий и работа над «классификацией терминов», ведущаяся в ряде институтов (классификация терминов лесной пирологии — Институт леса и древесины; иерархизация терминов, относящихся к разным сферам этнографической и антропологической науки — Институт этнографии и т. д.).

2. Определение понятий. В ряде научных центров работу над уточнением понятий соответствующей области выеляют особо и придают ей большое значение (например, в опубликованной работе Н. П. Курбатского «Терминология лесной пирологии» даются определения соответствующих понятий лесной пирологии — Институт леса и древесины). Авторы ответов отмечают, что работа над осмыслением предмета соответствующих наук, над определением основных понятий, дает возможность создания специализированных терминологических словарей.

3. Язык науки и техники.

4. Специальная лексика. В письмах можно отметить различие терминологии и номенклатуры (ср. рекомендации Тектонической комиссии — «Современное состояние терминологии и номенклатуры изверженных пород», М., 1964).

Т е р м и н ы (в том числе, термины-ключевые слова). Терминологической работой в соответствующих областях занимаются многие организации АН СССР (Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии, Геологический институт, Институт геологии и геохронологии докембрия, Институт проблем механики, Институт проблем передачи информации и т. д.).

Номенклатурные наименования (номены). Номенклатуры [ср.: химическая номенклатура — Научный совет по аналитической химии при Отделении физико-химической технологии неорганических материалов; номенклатура в области стратиграфии (исторической геологии) — Комиссия по номенклатуре; географическая номенклатура — ВИНТИ, Отдел географии; Институт географии Сибири и Дальнего Востока; Океанографическая комиссия, Научный совет по географии и картографии].

Фирменные названия (ср. фирменные названия полимеров и материалов на их основе — ВИНТИ, Отдел химии).

5. Сокращенные обозначения полных наименований специальной лексики. 1) Сокращенные обозначения (ср. сокращения в области информатики — ВИНТИ, Отдел информатики); 2) Буквенные обозначения величин [ср.: «Физическая оптика». Понятия и обозначения — ВИНТИ, Отдел физики; буквенные обозначения химии («Номенклатура Международного союза по теоретической и прикладной химии» — ИЮПАК); буквенные обозначения в области ядерной физики для применения в журналах — Научный совет по ядерной спектроскопии].

Таким образом, в АН СССР в настоящее время освещались все виды специальной лексики и связанные с нею — систематизация и определение понятий. Однако единый, системный подход до сих пор не выработан, а разрабатываются лишь отдельные объекты (только номенклатура или только буквенные обозначения и т. п.).

АСПЕКТЫ РАБОТЫ НАД СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ

1. Теоретические исследования. 1) Разработка теоретических основ формирования упорядоченных терминологий; систематизации понятий; построения определений; изучение планов содержаний терминологических систем (типы семантических единиц, терминологические поля, способы описания планов содержания терминологических систем); закономерности соотношения планов содержания и планов выражения; типология терминологических систем, принципы построения плана выражения упорядоченных терминологий; соотношение упорядоченных и естественно сложившихся терминологий, динамика их развития (Комитет научно-технической терминологии АН СССР — Секция физико-технических и математических наук).

2) Общие вопросы: границы термина и нетермина; терминологическое и нетерминологическое словосочетания; специфика дефиниции термина; соотношение терминов и номенклатурных наименований; сокращения; символические обозначения терминов и т. п.; требования к терминологическим системам; взаимодействие литературного языка и подязыков науки и техники (терминологизация, детерминологизация и т. п.); взаимодействие терминов, номенов и общей лексики; переход терминов и номенов из одного подязыка в другой и др. (Институт языкознания и Институт русского языка АН СССР).

3) Разработка отдельных теоретических и практических вопросов плана выражения: нормативность термина; транскрипция и транслитерация заимствуемого термина; взаимодействие литературного языка и подязыков науки; составление словаря ономастической терминологии и лингвистического тезауруса (Институт языкознания).

4) Разработка вопросов терминологии в плане культуры русской речи — соответствие терминов нормам русского языка в плане выражения термина; лингвистические принципы отбора терминов — из состава синонимических групп; нормативность термина с точки зрения

словообразования (в том числе нормативность иностранных заимствований и использования греко-латинских элементов); нормативность в области орфографии, орфоэпии и т. д.; выпуск «Орфографического словаря русского языка» М., 1974, содержащего значительное количество терминов (Институт русского языка).

5) Разработка принципов подачи терминов и их толкований в словарях общего типа; вопросы формирования русской терминологии физики и механики в XVII—XVIII вв. (Словарный сектор, Ленинград).

6) Проблемы разработки информационно-поисковых языков традиционного и нетрадиционного типа; разработка тематических перечней рубрик; разработка поисковых тезаурусов; терминологический словарь по проблемам предметизации; терминология по литературоведению и языкознанию (Институт научной информации по общественным наукам — ИНИОН).

7) Прикладные вопросы терминологии в рамках информатики; терминология в научно-технической информации; принципы составления и разработки конкретных отраслевых словарей и тезаурусов, предназначенных для использования в автоматизированных информационных системах. Готовятся картотеки для дескрипторного словаря по всем областям знания (Всесоюзный институт научной и технической информации — ВИНТИ).

8) Разработка вопросов терминологии в связи с задачами преподавания иностранных языков и перевода научно-технической литературы (Кафедры иностранных языков АН СССР в Москве и Ленинграде).

9) Проблемы терминов при переводе научно-технической литературы; фиксирование терминологических неологизмов (Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации — ВЦП АН СССР). В АН СССР вышли теоретические исследования: Д. С. Лотте (работы 1933—1950 гг.), А. А. Реформатского, С. И. Коршунова, Г. А. Лаврентьевой, О. Н. Трубочева, Ф. П. Сороколетова, Л. А. Кутиной, В. П. Даниленко, А. В. Суперанской, Л. И. Скворцова, Л. А. Капанадзе, В. Н. Нерознака, Н. В. Подольской, Г. Г. Самбуровой, Е. Н. Толикиной, С. Е. Никитиной и др.).

Выпущены сборники, содержащие материалы терминологических совещаний или статьи по близким аспектам терминоведения: «Вопросы терминологии», М., 1961 (материалы первого Всесоюзного терминологического совещания, 1959); «Лингвистическая терминология и прикладная топонимика», М., 1964; «Особенности языка научной литературы», М., 1965; «Современные проблемы терминологии в науке и технике», М., 1969; «Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии», М., 1970; «Лингвистические проблемы научно-технической терминологии», Л., 1970 (материалы второго терминологического совещания, 1967); «Исследования по русской терминологии», М., 1971; «Терминология и норма». (О языке терминологических стандартов), М., 1972; «Проблематика определений терминов в словарях разных типов», М., 1976 (материалы третьего терминологического совещания, 1974) и др.

В АН СССР публикуются исследования, посвященные конкретным терминологиям и номенклатурам, разрабатываемым в учреждениях различных нелингвистических секций АН СССР, например: Я. И. Зубатова, О некоторых новых названиях горных пород («Изв. АН СССР», Сер. геол., 1975, 2) О. А. Воробьева, С. В. Ефремова, О классификации и номенклатуре изверженных горных пород («Советская геология», 1973, 11); М. И. Слуховский, Термин библиотека в феодальной России («Археографический ежегодник 1974», М., 1972); Д. Д. Благой, Необходимо упоряд-

дочить литературоведческую терминологию (О подготовке словаря литературоведческих терминов) (ИАН СЛЯ, 1961, 3). Вопросы, связанные с терминологией, освещаются в общих изданиях (см. издание Ленинградского отделения Археографической комиссии ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины»).

2. **Разработка методических проблем.** В языковедческих и терминологических центрах АН СССР разрабатываются следующие проблемы, связанные с практической работой над терминологией: а) принципы подачи терминов в словарях общего типа (ср. в толковых словарях русского языка), в орфографических словарях и словарях ударений; в обратных, частотных словарях и т. д.; б) методика составления терминологических словарей — толковых, двуязычных и многоязычных; принципы подачи терминов в энциклопедиях и других специальных изданиях; в) методика упорядочения терминологий; методика согласования терминологий в нескольких языках; методика разработки терминологий на языках народов СССР; г) терминологии в научно-технической информации (в плане методики работы — методики составления и разработки конкретных отраслевых словарей и тезаурусов, предназначенных для использования в автоматизированных информационных системах).

Общие основы методики упорядочения терминологии изложены в изданиях Комитета научно-технической терминологии: «Руководство по разработке и упорядочению научно-технической терминологии», М., 1952; «Как работать над терминологией», М., 1968; «Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии», М., 1979.

В некоторых институтах, комитетах, комиссиях ведется работа по выработке единых методических принципов, которые должны быть положены в основу работы над данной узкоспециальной лексикой и ее сокращенными обозначениями в конкретных областях знания, входящих в компетенцию АН СССР.

Работа над систематизацией и терминованием нередко предваряется подготовкой и опубликованием специально разработанной для конкретного издания «методики» (например: К. И. Наумычева, Т. В. Вальяжникова, Т. Е. Краснова, Л. А. Русанова — статья «Составление научно-технических терминов и их использование в системной документации», 1975 г. (ВИНИТИ, Отдел электротехники); Д. Д. Благой, П. Н. Берков и др., Материалы для русского терминологического словаря по литературоведению (содержит статьи, излагающие общие положения к составлению терминологического словаря и образцы словарных статей; ротационный — V Международный съезд славистов. Болгария, 17—23 сентября 1963 г.); «Современное состояние терминологии и номенклатуры изверженных пород», М., 1969 г. — Рекомендации Терминологической комиссии МНК для работников геологических учреждений — (Петрографический комитет); А. Н. Соколов, Литературное направление (Опыт статьи для терминологического словаря (ИАН СЛЯ, 1962, 5).

Бюро Отделения языка и литературы АН СССР 23 июня 1970 г. приняло специальное постановление, в котором просило чл.-корр. Д. Д. Благого, Д. Ф. Маркова, У. Р. Фохта и А. С. Мешкова «разработать принципы составления словаря литературоведения, определить тип словарных статей».

Распространенной формой терминологической работы является предварительное обсуждение подобных методик, публикуемых для этого в журналах или выпускаемых отдельной брошюрой. Так, например, Петрографическим комитетом АН СССР были подготовлены рекомендации по классификациям и номенклатуре плутонических пород, утвержденные

XXIV сессией Международного конгресса (Канада, Монреаль, 1972). Эти материалы были опубликованы в геологических периодических изданиях («Изв. АН СССР», сер. геолог., 1973; «Советская геология», 1972) и в специальных брошюрах.

3. Фиксация сложившегося употребления специальной лексики.

1) Идентификация терминов. Отдельные секторы и отделы ведут систематическую работу по идентификации иноязычной терминологии, нашедшей применение в зарубежной литературе (ср.: идентификацию зарубежной терминологии, проводимую в Секторе по изучению зарубежной этнологии Института этнографии).

2) Фиксация терминологических неологизмов и различий терминов: а) Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документаций выпускает серию под названием «Тетради новых терминов». Так, выпущены «Тетради»: № 1 — «Англо-русские термины по сетевому планированию»; № 2 — «Англо-русские патентные термины»; № 3 — «Французско-русские патентные термины»; № 7 — «Японско-русские термины по химическому машиностроению»; и нескот. др.; б) распространенной формой является фиксация новых терминов и различий на карточках (создание карточек, фондов, списков, словников). Например, «Картотека новых терминов», содержащая названия, структуры, морфологические формы горных пород (по советским и зарубежным материалам) (ВИНИТИ, Отдел геологии); «Фонд географических названий, имеющих различия» — 40 000 названий (ВИНИТИ, Отдел географии); «Списки основных ключевых слов по химии и химической терминологии» (ВИНИТИ, Отдел химии); «Списки основных ключевых слов по коррозии и защите от коррозии» (на 2000 терминов) (ВИНИТИ, Отдел химии); «Словник фирменных названий полимеров и материалов на их основе» (ВИНИТИ, Отдел химии).

3) Частотные словари терминологической лексики. Подготовлены словари ключевых слов-терминов по следующим разделам электротехники: «Электрические машины», «Трансформаторы», «Электрические аппараты высокого и низкого напряжения», «Силовые преобразователи», «Электроизоляционные материалы», «Светотехника» (ВИНИТИ, Отдел электротехники).

4) Справочники и словари с элементами нормализации. Здесь при отборе иногда учитывается степень распространенности имеющихся терминов-синонимов и сравнительная точность терминов, определяемая по дефиниции. Остальные критерии, применяемые для постановки того или иного из синонимов на первое место, традиционно определяются задачами речевой культуры. Ряд критериев — «степень внедренности», «точность», «систематичность» сравниваемых терминов — применяются (если они применяются) без учета места соответствующего термину понятия в системе понятий, характера терминов для связанных с ними различными отношениями других понятий¹. Различаются: а) подготовка словарных статей по отдельным терминам для энциклопедий (БСЭ и отраслевых) (например, участие в изданиях «Исторической энциклопедии», «Мифологической энциклопедии» — Институт этнографии); подготовка словников и словарных статей для «Советской лесной энциклопедии» — Институт леса и древесины); б) подготовка специальных словарей-справочников (например, словарь-справочник по общему мерзлотоведению — Институт мерзлотоведения, Якутск); в) подготовка переводческих словарей (например, рабочий терминологический англо-русский

¹ См.: Д. С. Лотте, Основы построения научно-технической терминологии, М., 1962, и другие публикации Комитета научно-технической терминологии АН СССР.

словарь по спектроскопии, люминесценции] и физической оптике — ВИНТИ, Отдел физики).

5) Разработка нормализованных алфавитных словарей, одноязычных или многоязычных, фиксирующих естественно сложившиеся терминологии. В таких словарях, на основании критериев, сформулированных Д. С. Лотте, производится выбор и рекомендация одного какого-либо термина из числа известных для данного понятия терминов-синонимов.

Выделяются два типа такой нормализации (унификации): а) нормализация (унификация) специальной лексики на основании критериев, не связанных с учетом связей терминируемого понятия. Здесь выделяются: алфавитные терминологические словники (ср. словник терминов и географических названий, применяемых в текстах атласов и карт — Институт этнографии); нормализованные списки рубрик для «Рубрикатора» (эти списки также включают термины, отобранные на основании близких к перечисленным выше критериев); толковые алфавитные терминологические словари (ср. номенклатурные кодексы, по разделам геологической науки — Институт геологии); б) унификация специальной лексики с учетом некоторых связей понятия [ср. дескрипторные словари (тезаурусы), в которых термины-синонимы, соотносимые с данным понятием, сводятся в так называемые «классы условной эквивалентности», которые представляются одним рекомендуемым термином, называемом дескриптором]. Несмотря на алфавитное расположение, за каждой словарной статьей и ее структурой в дескрипторном словаре стоит анализ места понятия в соответствующей классификации. В словарях такого типа в одной словарной статье собраны термины, представляющие понятия, относящиеся к одной классификации по разным основаниям деления; место в этих классификациях используется в качестве одного их критериев при отборе термина-дескриптора; учтены связи понятия не только типа «род — вид», но и «соподчинение», «целое — часть», «часть — целое» и др.

Однако алфавитное расположение понятий мешает отбору рекомендуемых терминов как упорядоченной системы. Будучи средством поиска информации, такие словари должны исчерпывающе отразить сложившуюся в данной области многозначность терминов и максимально учесть все известные термины-синонимы.

4. Упорядочение терминологий «методом разработки терминологических словарей системного типа». Метод упорядочения терминологии путем разработки словарей системного типа впервые был применен в АН СССР в 30-е годы и базируется на теоретических исследованиях С. А. Чаплыгина и Д. С. Лотте. Этот метод безусловно в настоящее время является наиболее совершенным, так как включает обязательный предварительный этап, называемый «выявлением системы понятий» соответствующей области знания (фиксируемой в виде системы письменных определений).

В отличие от всех рассмотренных выше форм нормализации он дает упорядоченную терминологию особого типа. Она не является фиксацией сложившегося употребления терминов с их многозначностью, а предлагает заново сконструированную, до этого не существовавшую систему значений, построенную по определенным правилам, на основании анализа выявленных вариантов значений многозначных терминов, сложившихся к моменту упорядочения. Эта новая, единственная система значений, должна предложить наиболее современное понимание понятий в упорядочиваемой области. Закрепленные за каждым элементом этой системы термины, во-первых, состоят из терминополов, имеющих определение, во-вторых, отобранные на основании сформулирован-

ных Д. С. Лотте требований, опирающихся, в том числе, на данные языковой нормы. Разработанная упорядоченная терминология является однозначной и может быть предложена для профессионального общения. Она представляет собой определенный этап развития соответствующей науки. Результаты такого упорядочения могут быть изданы в виде рекомендаций (см. серию «Сборники рекомендуемых терминов», издаваемую КНТТ АН СССР).

В системе АН СССР и в других научных учреждениях ведутся работы по подготовке рекомендуемых упорядоченных терминологий [ср.: упорядочение терминологии систем автоматизированного проектирования (САПР) — Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»; упорядочение терминологии по соосаждению — Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского].

Обычной промежуточной формой при подготовке упорядоченных терминологий разных типов является предварительная разработка «Проекта», рассылаемого на широкое обсуждение специалистам данной и смежных областей или публикуемого в виде «Материалов» (ср.: «Материалы для тектонической терминологии» под ред. акад. Ю. А. Косыгина — Междуведомственный тектонический комитет); в виде отдельных изданий (например: «Классификация и номенклатура плутонических интрузивных горных пород», М., 1975); в виде статей (например: Н. П. Курбатский, Терминология лесной пирологии, в сб. «Вопросы лесной пирологии», Красноярск, 1972; классификация терминов, определения 326 терминов и их согласование на английском и немецком языках).

Упорядоченные в АН СССР терминологии могут быть оформлены в виде ГОСТов [ВИНИТИ: ГОСТ 17033-71 «Материалы электротехнические. Термины и определения» (Отдел электротехники); Океанографическая комиссия: ГОСТ 18451-73 и ГОСТ 18458-73 на океанологическую терминологию].

5. Контроль над соблюдением единых обозначений понятий. Ставится вопрос об установлении контроля за применяемой в литературе терминологией (сб. статей «Анализ наиболее типичных ошибок в текстах по информационной теории и практике. Проблемы терминологического контроля» — ВИНИТИ).

6. Межнациональное и международное согласование научной и технической лексики. В настоящее время планируются исследования по проблемам распространения терминологического двуязычия в национальных республиках и принципам построения и упорядочения терминологий на национальных языках в Комитете научно-технической терминологии, в Институте языкознания и в Институте русского языка АН СССР. Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» интересуется проблемами терминологии, главным образом, в социолингвистическом аспекте. Особое внимание уделяется социолингвистическому аспекту создания общественно-политической и научно-технической терминологии на языках народов СССР. В состав «Научного совета по лексикологии и лексикографии» входят представители терминологических комиссий и комитетов союзных республик. Совет — координирующий центр по изучению лексики, включая терминологию.

Работа над систематизацией понятий, определением понятий и терминов ведется в АН СССР и в рамках международных организаций. Участие советской стороны может быть двух типов:

Если словарь готовится зарубежными организациями, советская сторона проводит следующую работу: перевод на русский язык материалов (определений); подбор русских эквивалентов [ср. перевод на русский язык

трех томов химической номенклатуры (куда входят и буквенные обозначения), подготовленной Международным союзом по теоретической и прикладной химии — Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского].

Если советские специалисты принимали участие в разработке предварительных материалов, советская сторона производит разработку словника и классификаций; построение определений; отбор русских терминов, перевод определений на нужный иностранный язык; подбор иностранных эквивалентов (часто эту последнюю работу делают соответствующие стороны-участники [ср. участие в доработке русской части для третьего издания Международного электротехнического словаря — по акустике и электроакустике — ВИНТИ, Отдел физики].

Аналогичные этапы выделяются в работе по русско-национальному согласованию терминологий [ср. консультативное участие в разработке шестязычного русско-англо-азербайджанско-киргизско-туркменско-узбекского словаря по автоматическому управлению (2750 терминов) — Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»].

Чаще всего советской стороне приходится вести смешанную работу — переводить на русский язык ту часть, которую подготовили зарубежные участники, готовить и переводить на рабочий язык ту часть, которая была поручена Советскому Союзу [ср. участие в подготовке «Многоязычного толкового словаря географических терминов» в рамках работы Комиссии географических терминов Международного географического союза — подготовлена часть, порученная Советскому Союзу (словник — 1200 терминов, подготовлены дефиниции на русском языке), а также осуществлен перевод на русский язык дефиниций с английского и немецкого языков — ВИНТИ, Отдел географии].

Международное согласование терминологий ведется по линии многих организаций. Среди них можно назвать: Организацию Объединенных Наций (ООН), Международную организацию стандартизации (ИСО), Международную электротехническую комиссию (МЭК), Международный географический союз, Международный союз геологических наук, Международную ассоциацию гидрологов, Международный комитет по петрологии углей, Комиссию по Международным тектоническим картам Мира, Международный союз по автоматическому регулированию (ИФАК), Международный союз по теоретической и прикладной механике, Международную федерацию инженерных организаций, Международный комитет славистов и некоторые другие организации.

Состояние справочно-информационной деятельности

1. Создание библиографических указателей терминологических изданий. В системе АН СССР подготовлены следующие издания: 1) «Библиографический указатель литературы по научно-техническому переводу за последние 15 лет» (содержит большой терминологический отдел — ВЦП); 2) «Библиографический (аннотированный) указатель по терминологии информатики» — ВИНТИ, Отдел информатики; 3) «Научно-техническая терминология» (библиографический указатель, выпускаемый Комитетом научно-технической терминологии совместно с Библиотекой технических наук и Библиотекой естественных наук АН СССР; периодичность — четыре выпуска в год; выпускается с 1976 г.); 4) «Библиография работ в области научно-технической терминологии Комитета научно-технической терминологии АН СССР» (с 1932 по 1967 г.; и с 1932 по 1978 г.); «Библиография работ в области научно-технической терминологии Комитета научно-технической терминологии АН СССР» (приложение к пособию «Как работать над терминологией, М., 1968).

В 1971 г. в Вене создана Международная организация по информации

в области терминологии — ИНФОТЕРМ, работающая под эгидой ЮНЕСКО по программе ЮНИСИСТ. Комитет научно-технической терминологии совместно с ИНФОТЕРМом участвует в разработке материалов ИСО (РГ-1); КНТТ АН СССР информирует ИНФОТЕРМ о выходе новых публикаций КНТТ АН СССР.

2. Создание информационно-поисковых тезаурусов. В ВИНТИ, Отделом металлургии, разработан информационно-поисковый тезаурус по различным направлениям черной металлургии: а) первая редакция тезауруса по различным направлениям черной металлургии — теория металлургических процессов; контрольно-измерительные приборы; обогащение руд черных металлов; подготовка руд к металлургическому переделу; технология термической и химико-термической обработки; технический анализ в металлургии; б) вторая редакция тезауруса по обогащению руд (издан под названием «Информационно-поисковый тезаурус по обогащению руд», М., 1974); в) ведется разработка первой редакции русско-английского информационного тезауруса по сварке (совместно с Институтом сварки им. Е. О. Патона); в ИНИОН АН СССР ведется разработка информационно-поисковых тезаурусов по философии и литературоведению (ведется работа над макротезаурусами по общественным наукам и экономике; завершается работа над тезаурусом по языкознанию).

3. Создание терминологических банков. Ведется разработка терминологического банка в области сварки (ВИНТИ, Отдел металлургии). Вообще же работа по созданию банков, в том числе — терминологических — у нас еще мало распространена (в Канаде, например, три банка — Оттавский, Квебекский и Монреальский).

4. Создание списков предметных рубрик (включающих термины ответственных областей знания). Ведется разработка рубрикаторов международной системы научно-технической информации стран — членов СЭВ (МЦНТИ, 1976 — ВИНТИ); ведется разработка рубрикаторов реферативного журнала «Металлургия» и отдельного выпуска реферативного журнала «Сварка» — ВИНТИ, Отдел металлургии; изданы списки предметных рубрик по следующим темам: КПСС, марксистско-ленинская философия, коммунистические и рабочие партии зарубежных стран, Великая Октябрьская социалистическая революция, ВЛКСМ, общественно-политическое движение в России, демография, империализм, теория искусства, киноискусство, телевидение, литература и литературоведение. Подготовлены к печати списки предметных рубрик по научному коммунизму, международному праву, международным экономическим отношениям, экономико-математическим методам, археологии (ИНИОН АН СССР).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ

Работа над систематизацией понятий, построению их определений, а также по разработке терминологий в некоторых научных учреждениях Академии наук нередко включается в план научных работ. Например: составление терминологического стандарта (ГОСТА) «Геология нефтегазовых месторождений. Геофизические методы поисков и разведки. Основные термины и определения» (Институт геологии и разработки горючих ископаемых). Внеплановая работа ведется в следующих формах: 1) дача письменных заключений и предложений (рецензирование) [ср.: заключение по «Vocabulary Information and Dokumentation» (ВИНТИ); [заключение по «Перечню терминов, используемых и публикуемых по комплексным проблемам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов», подготовленному ВИНТИ в 1974 г. — Институт географии; рецензирование «Краткого словаря видов и разно-

видностей документов» — Археографическая комиссия]; 2) участие в обсуждениях — в дискуссиях в журналах, по переписке, на специальных заседаниях, съездах, конгрессах (например, международная дискуссия по переписке по вулканогенным породам, чарнокитам, лампрофирам и терминам по всем группам пород, которые не рекомендуются к использованию — Петрографический комитет); 3) консультирование научных учреждений и отдельных специалистов, (ср.: консультация по работе ВНИИДАДа над «Кратким словарем видов и разновидностей документов» — Археографическая комиссия; консультирование по вопросам лесоведческих терминов в «Большой советской энциклопедии» — Институт леса и древесины); 4) участие в подготовке отдельных статей для энциклопедий, терминологических толковых словарей (ср. участие в составлении «Геологического словаря» — Междуведомственный тектонический комитет; 5) научно-популяризаторская работа — лекции, участие в работе массовых периодических изданий, телевидения, прессы, где затрагиваются содержания отдельных понятий, их термины, системы понятий (например, деятельность Института этнографии).

Распространенной формой является совместная работа нескольких организаций и привлечение к работе широкой общественности [ср.: разработка информационно-языкового тезауруса (по различным направлениям черной металлургии, по обогащению руд, по сварке — ВИНТИ, Отдел металлургии, совместно с Институтом электросварки им. Е. О. Патона; подготовка словарей по охране окружающей среды — ВИНТИ, Отдел географии совместно с Институтом географии АН СССР, МГУ, Институтом эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР, Центральным экономико-математическим ин-том АН СССР и другими учреждениями].

Обычной формой проведения терминологических работ в АН СССР является создание специальных комиссий или групп — внутриинститутских, внутрисекционных, междуведомственных [например, Терминологическая комиссия Петрографического комитета Отделения геологии, геофизики и геохимии АН СССР, включающая восемь подкомиссий (гранитоидов, щелочных пород, основных и ультра-основных пород, вулканогенных пород, кимберлитов, лампрофиров, чарнокитов, метаморфических и метасоматических пород)].

Такие терминологические комиссии могут быть постоянными (Междуведомственный тектонический комитет); и временными [Временная научно-техническая комиссия по разработке терминологии систем автоматического проектирования (САПР)].

Большинство рассмотренных в этой статье практических терминологических работ ведется специалистами в соответствующих областях знания без участия лингвистов. Большие массивы специальной лексики и происходящие в них процессы оказываются вне поля зрения языковедов. В отдельных случаях оценки и решения в области специальной лексики производятся специалистами-нелингвистами на основании их непрофессионального понимания языковой нормы и недостаточного знакомства с современными идеями в области терминоведения и методикой различных видов терминологической деятельности. На наш взгляд, языковеды должны принять самое активное участие в терминологической работе научных учреждений Академии наук СССР. Необходима теоретическая, методическая и чисто координационная помощь.

РЕЦЕНЗИИ

Р. А. Будагов. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. — М., «Наука», 1978. 248 стр.

Перу Р. А. Будагова принадлежит серия книг¹ и около двухсот статей², в которых рассматриваются многочисленные и самые актуальные проблемы общей и специальной лингвистики.

В своих публикациях последних 8—10 лет Р. А. Будагов ведет открытую, настойчивую и принципиальную борьбу против различного рода лингвистических и философских концепций, направлений и течений, стремящихся извратить марксистско-ленинское понимание природы и сущности естественного языка как общественного явления, как важнейшего средства человеческого общения³.

В списке трудов Р. А. Будагова рецензируемая книга занимает особое место. В ней ставятся и оригинально⁴ решаются

такие принципиальные вопросы современного теоретического языкознания, как понятие точности в филологии (гл. I), проблема соотношения знака — значения — вещи (явления) (гл. II), степень применимости теории относительности к конкретному материалу национальных языков (гл. III), соотношение социальных и имманентных факторов в науке о языке (гл. IV), понятие нормы литературного языка (гл. V), взаимодействие конкретных и абстрактных моделей в грамматике (гл. VI). Книга содержит также «Заключительные замечания» и «Приложение» с заметками автора о русском языке в современном мире. Затронутые в книге Р. А. Будагова вопросы решаются с позиций марксистской методологии, которая «приобретает особую роль как основной критерий оценки и выбора пути исследования»⁵.

Ограниченные размеры данной рецензии не позволяют нам детально представить все ценные положения книги. Остановимся на некоторых наиболее главных из них.

Р. А. Будагов по праву объявляет несостоятельными попытки, ставшие уже традиционными, противопоставлять так называемые «точные» и «неточные» (гуманитарные) науки. К последним, как известно, относят и филологию. В наше время представители структурного направления в языкознании усиленно предлагают «внести точность» в лингвистику на основе математики — «царицы точных наук». По их мнению, существует лишь одна точность — математическая. Р. А. Будагов справедливо не соглашается с такой постановкой вопроса, подчеркивая, что понятие точности — это функциональное понятие, зависящее от специфики каждой конкретной науки (стр. 10), что его нельзя ни ассоциировать, ни отождествлять с понятием подлинной научности. Филология не под-

¹ Укажем лишь те, которые вышли в последние 10—13 лет: Проблемы развития языка, М.—Л., 1965; Введение в науку о языке, 2-е изд., М., 1965; Литературные языки и языковые стили, М., 1967; Язык, история и современность, М., 1971; История слов в истории общества, М., 1971; Человек и его язык, М., 1974 (2-е изд., 1976); Что такое развитие и совершенствование языка?, М., 1977.

² Сб. «Общее и романское языкознание: Члену-корреспонденту АН СССР профессору МГУ Р. А. Будагову в честь его 60-летия», М., 1972, стр. 7—15. См. также журналы «Вопросы языкознания», «Известия АН СССР СЛЯ», «Филологические науки» за 1971—1978 годы.

³ Ср. Ф. П. Филин, Советское языкознание: теория и практика, ВЯ, 1977, 5, стр. 5.

⁴ Об оригинальности предлагаемых Р. А. Будаговым решений по самым сложным теоретическим вопросам писал недавно румынский академик А. Граур в своей рецензии на книгу «Что такое развитие и совершенствование языка?», М., 1977 (см. журнал «Studii și cercetări lingvistice», București, XXIX, 1978, 3, стр. 359—360). Ср. также мнение М. М. Маковского, высказанное в рецензии на ту же книгу (ВЯ, 1978, № 4, стр. 138—142).

⁵ В. Н. Ярцева, Г. В. Колшанский, Ю. С. Степанов, А. Л. Уфимцева. Основные проблемы марксистского языкознания, М., 1974, стр. 4.

дается простой схематизации, она продолжает оставаться «трудной наукой, требующей огромной предварительной подготовки и самых разнообразных знаний» (стр. 11). Более того, техническая строгость лингвистического исследования не всегда сочетается с глубиной мысли исследователя, с верными философскими установками, и наоборот, нередко в работах, не отличающихся внешними признаками точности (например, в трудах Гумбольдта, Потебни и др.), встречаем поразительную внутреннюю точность мысли, глубокую продуманность и логичность изложения. И в самом деле, еще А. Эйнштейн подчеркивал, что «в начале каждой физической теории являются мысли и идеи, а не формулы»⁶.

Р. А. Будагов выступает против формалистического метода анализа языка и литературы⁷, когда формы изучаются как бы сами по себе и для себя, когда категории формы противопоставляются категориям значения, которые, по мнению некоторых лингвистов, никогда не поддаются изучению «точными методами» (стр. 21—22). В художественной литературе точность определяется функционально, контекстуально, характер точности определяется характером стиля, замыслом текста, индивидуальностью каждого автора и т. д., а не арифметическим путем. Тут особую важность приобретает способность автора передавать языковыми средствами смысловые, грамматические, фонетические и прочие оттенки. Вслед за Л. В. Щербой и другими советскими и зарубежными учеными Р. А. Будагов выступает за единство формы и значения в филологии, видя в формализме реальную угрозу науке о языке. Такая постановка вопроса вполне оправдана, ибо «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»⁸.

Полностью соглашаясь с тем, что в художественной литературе точность приобретает не арифметико-математическое выражение, а функциональное, что стилистические явления «требуют весов гораздо более чувствительных, чем статистические подсчеты» (А. В. Чичерин), все же хочется отметить, что различного рода подсчеты и другие математические приемы способны более полно передать

иногда специфические черты языка и стиля писателя, предпочтение тем или иным автором определенных языковых оборотов, конструкций, могущих ярче и выразительнее передать задуманное содержание. Ведь выявление количественных характеристик языка дает основу для качественных оценок⁹, для определения перспектив развития определенных языковых явлений, для выявления тенденций в языковом развитии.

С древнейших времен ученых интересовала проблема соотношения знака — значения — вещи (явления), причем эти категории получили самую противоречивую трактовку. Разнообразие доктрин, по мнению Р. А. Будагова, можно свести к трем методологически принципиально различным концепциям: 1) естественные языки являются такими же языковыми системами, какими оказывается искусство, литература, религия и прочие семиотические системы, 2) язык выступает как последовательно знаковая система, тогда как художественная литература к знаковым системам непосредственно не относится; 3) ни один естественный язык не может быть знаковой системой (стр. 47).

Р. А. Будагов, вслед за такими русскими учеными, как Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др., последовательно отстаивает третью концепцию. По его мнению, в языке имеются лишь «элементы знаковости (фонетика), тогда как в целом язык не может быть знаковой системой, ибо он непосредственно связан с мышлением»¹⁰, является нашим реальным, практическим сознанием и оперирует не односторонними, а двусторонними единицами (и в лексике, и в грамматике), наделенными определенными значениями (стр. 48); «...значение слова — это исторически образованная связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании и находит свое выражение в самом слове» (стр. 50).

Следовательно, слова не могут быть простыми знаками, так как знаки сами

⁹ Ср.: Б. Н. Головин, *Язык и систематика*, М., 1974, стр. 17; «Количественный подсчет занимает определенное место в работах, посвященных как истории языка, так и описанию его состояния, поддающегося наблюдению в настоящее время. Желательно, чтобы этот метод постепенно вводился и в исследования различных семей языков» (М. Коэн, *Современная лингвистика и идеализм*, ВЯ, 1958, № 2, стр. 58).

¹⁰ Анализ языкового знака в плане взаимоотношения языка и мышления, см. В. З. Панфилов, *Философские проблемы языкознания*, М., 1977, стр. 45—89.

⁶ А. Эйнштейн. *Собрание научных трудов*, IV, М., 1967, стр. 530.

⁷ См.: Р. А. Будагов, *Что такое развитие и совершенствование языка?* (глава «Эстетические возможности языка»); его же, *Об одном опыте построения истории русского литературного стиля* (по поводу книги А. В. Чичерина, *Художественная литература*, М., 1977), ФН, 1978, № 5, стр. 45 и сл.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, I, стр. 159.

по себе значений не имеют, без значения¹¹ нет и самого слова. Вполне логично автор заключает, что с е м а с и о л о г и я, исследующая значение слов, важнейшая область лингвистики.

Останавливаясь на проблеме мотивировки слова, Р. А. Будагов подчеркивает, что у языкового знака наблюдается т р о я к а я о б у с л о в л е н н о с т ь; он соотносится с внеязыковой действительностью, контактирует с другими знаками в языке, взаимодействует с адресатом. Именно мотивированность языкового знака отличает естественные языки от всевозможных искусственных кодов (стр. 61). В книге подвергаются справедливой критике некоторые советские и зарубежные ученые, осмысляющие знак в идеалистическом плане, пытающиеся превратить значение в *quantité négligeable*, считающие, что значение — категория неязыковая по своей природе (А. Г. Волков, Л. Блумфилд, Э. Хэмп, Н. Хомский и др.). Лингвисты, материалистически осмысляющие роль знака в познании, всегда считали, что, хотя название вещи и природа вещи — это разные категории, все же существует проблема исторического происхождения названий в любом языке, в любой группе родственных языков (стр. 67). Таким образом можно выделить две диаметрально противоположные концепции: «Согласно одной из них, категория значения (во всех ее разновидностях) — это центральная лингвистическая категория, согласно другой, противоположной, категория значения — это нелингвистическая или экстралингвистическая категория» (стр. 69). Автор со всем основанием заключает, что во втором случае язык оказывается в стороне от процесса познания, предстает как элементарная знаковая система¹².

Тесно связанной с категорией значения следует считать и категорию о т н о ш е н и я в языке. Р. А. Будагову приходилось уже не раз писать по этому вопросу¹³, однако в настоящей книге указанная проблема ставится необычай-

но остро. И в самом деле, целая плеяда лингвистов, главным образом, предшественники глоссематики направлением, пытались трактовать язык в антисубстанциональном плане, как идеальную систему чистых отношений¹⁴. Развивая сосюрровские положения о том, что язык есть форма, а не субстанция, что в языке все покоится на отношениях, Л. Ельмслев еще в начале 50-х годов подчеркивал, что «лингвистика описывает схему языковых отношений, не обращая никакого внимания на то, чем являются элементы, входящие в эти отношения»¹⁵.

Мысли о превалирующем значении категории отношения впоследствии стали развиваться лингвистами, философами (например, Э. Гуссерлем), литературными-формалистами из Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) в 20-е годы и др. Со временем стала оформляться теория а б с о л ю т н о й р е л я т и в н о с т и, полностью отрицающая субстанцию, объективные свойства материи. Согласно этой теории, значение слова не существует объективно, а лишь контекстуально, определяется потенциально возможными сочетаниями и другими словами (стр. 85). Эту концепцию разделяли, в принципе, И. Трир (в своей знаменитой теории семантического поля слова), Л. Витгенштейн, для которого «значение слова существует только в процессе его употребления»¹⁶, Г. Кронассер (считающий, что все определяется ситуацией *hic et nunc*)¹⁷, Г. Вейнрих (для которого «слова и предложения — за пределами того или иного контекста — это сплошная фикция»)¹⁸.

После критического разбора концепции абсолютной релятивности значения слова Р. А. Будагов заключает, что «...каждое слово любого естественного языка сохраняет свою известную самостоятельность независимо от других слов того же языка, сохраняет свое общее (основное) значение. Вместе с тем контексту тоже принадлежит важная роль: слово уточняется в контексте, приобретает дополнительные акценты и оттенки» (стр. 94).

Свое понимание соотношения категории значения и категории отношения в языке, слова и контекста Р. А. Будагов поясняет разбором известной формулы

¹⁴ А. С. М е л ь н и ч у к, Философские корни глоссематики, ВЯ, 1976, № 6; его же, Глоссематика, сб.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании, М., 1977, стр. 125—158.

¹⁵ AL, Copenhagen, 1951, N 2—3, стр. 64.

¹⁶ L. Wittgenstein, Philosophical investigations, Oxford, 1953, стр. 121.

¹⁷ G. Kronasser, Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952, стр. 82.

¹⁸ H. W e i n r i c h, Linguistik der Lüge, Heidelberg, 1966, стр. 33.

¹¹ О включении значения в знак см.: В. М. С о л н ц е в, Языковой знак и его свойства, ВЯ, 1977, 2.

¹² Критику концепций, не признающих значение, см. в кн.: «Философские основы зарубежных направлений в языкознании», М., 1977. В настоящее время и за рубежом многие лингвисты критикуют антиментализм и все смелее выступают за признание категории значения (см. У. Л. Ч е й ф, Значение и структура языка, М., 1975; Р. А. Х о л л м л., Критика теории Хомского, ВЯ, 1978, № 5, стр. 54—65).

¹³ Соплелся лишь на последнюю фундаментальную его работу «Что такое развитие и совершенствование языка» (М., 1977).

логики — отношений aRb , где a и b являются предметами, а R — отношение между ними. Р. А. Будагов подчеркивает, что « R (отношение) оказывается возможным только при соотносительности a и b на данном этапе развития определенной науки» (стр. 113). Стало быть конкретная субстанция (материя) не сводится к абсолютной релятивности. Такой вывод основывается на ленинском понимании материалистической диалектики.

В данной и в других своих работах Р. А. Будагов, вполне обоснованно выступая сторонником полисемичности слова, подчеркивает, что «если бы лексика современных языков утратила полисемию, она потеряла бы лучшие свои свойства: передавать понятия, представления и чувства людей во всем их сложном и подвижном многообразии»¹⁹. И в самом деле, опыт показывает, что каждое или почти каждое слово как языковой знак, как элемент отражения акта мышления всегда «необходимейшим образом оказывается заряженным бесконечными семантическими взаимоотношениями»²⁰.

Вместе с тем Р. А. Будагов поясняет, что «как бы ни было многозначно слово, среди его разнообразных значений всегда имеется общее или основное, цементирующее остальные значения в определенную эпоху жизни языка» (стр. 103). Известной самостоятельностью, известным значением обладают все слова, в том числе и служебные, которые, безусловно, «в большей степени зависят от различных словесных окружений» (стр. 110). На большом фактологическом материале, почерпнутом из романских и других языков, автор показывает движение самостоятельных слов к служебным и служебных — к самостоятельным.

В рецензируемой книге смело и принципиально ставится вопрос о социальных и имманентных факторах в науке о языке. Дело в том, что за рубежом, а порой и в нашей стране, некоторые лингвисты склонны противопоставлять такие понятия, как «лингвистические процессы, вызванные социальными факторами» и «языковые процессы, вызванные имманентными факторами» (стр. 125) или, что одно и то же, отождествлять понятие социального в языке с понятием внеязыкового, внешнего в языке. Р. А. Будагов убедительно доказывает, что понятия социального и лингвистического не должны пониматься как антагонистические, ибо в таком случае нельзя объяснить самую социальную природу языка. К сожалению, и в истолковании социальной

природы языка в последнее время наметились явные методологические расхождения (стр. 128).

Спору нет, социальный и лингвистический — это разные понятия. Однако не следует забывать, что социальный характер «заложен» в самом языке, он «действует» сквозь призму языка, его системы. Для исследователя важно не только разграничить эти понятия, но и «показать их взаимодействие в процессе функционирования каждого конкретного языка или группы языков» (стр. 126). Известно, что не все уровни языка в одинаковой степени социально обусловлены. Хотя социальная обусловленность лексики выражена в большей мере, все же это не дает основания утверждать, что грамматика находится «вне всякой социальной обусловленности», так как «социальная природа языка обнаруживается и в грамматических процессах живых языков человечества» (стр. 153). Долголетние и тщательные наблюдения автора над конкретным языковым материалом позволили ему заключить, что именно социальными факторами можно объяснить становление во французском языке личных местоимений как обязательных спутников личных форм глагола, большую зависимость конструкции предложения в старых языках от ситуации широкого контекста, чем в новых языках, общее движение от сочинения к подчинению, препозицию постпозицию прилагательных и др.

Заметим, что изложенные наблюдения, хотя они сами по себе интересны и оригинальны, все же крайне недостаточны, а порой и спорны. Хорошо известно, что при попытке объяснить грамматические явления языка социальными факторами исследователя всегда преследует опасность впасть в вульгарный социологизм, о чем, между прочим, предупреждает и сам автор (стр. 126). Кроме того, для удовлетворительного решения сложной проблемы социальной детерминации грамматики того или иного языка очевидно потребуются совместные усилия большей группы ученых смежных наук: лингвистики, истории, социологии, этнографии и др.

Норма выступает центральным, основным понятием в теории литературного языка. Процесс упорядочения литературного языка путем принятия определенных категорий норм означает по существу превращение потенциальных языковых возможностей в определенные модели лингвистического общения, сознательно принятые языковым коллективом в данный исторический период. Все эти обстоятельства стабилизации литературных норм преимущественно социального, иногда и политического порядка, неминуемо ведут к дискуссиям, борьбе идей и направлений.

Р. А. Будагов в своих работах большое

¹⁹ Р. А. Будагов, *Язык, история и современность*, стр. 103.

²⁰ А. Ф. Лосев, *О бесконечной смысловой валентности языкового знака*, ИАН СЛЯ, 1977, 1, стр. 8.

внимание уделяет вопросам литературных языков. В частности, он вполне справедливо отмечает, что «в наше время проблема литературных языков может иметь не меньшее теоретическое значение, чем проблема семиотических аспектов языка» (стр. 170). И это понятно особенно в такой многонациональной стране, как СССР, где «проблема языкового строительства и планирования приобрела не только теоретическое, но и практическое значение» (стр. 177). В советском языкознании принята основная концепция о том, что хотя язык и развивается вполне объективно по определенным свойственным ему закономерностям, все же носители языка воздействуют на процесс его продвижения вперед, в том числе и на процесс образования и кодификации литературных норм.

И в данной главе Р. А. Будагов оперирует разнообразным фактическим материалом из русской, французской, итальянской языковой действительности. Следует сожалеть только о том, что не использован весьма богатый материал о той борьбе, которая велась вокруг литературных языков и их норм в странах юго-восточной Европы, где борьба идей и направлений на языковом материале могла быть весьма ярко и убедительно показана и доказана.

У автора данной книги имеется свое сredo: «Всякая наука обязана считаться с фактами, которые составляют объект ее изучения»²¹.

Сказанное целиком и полностью относится к шестой главе «Взаимодействие конкретных и абстрактных моделей в грамматике». Здесь предлагается строго и последовательно различать грамматику естественных языков и грамматику всевозможных искусственных сигнальных систем. Для первой характерно взаимодействие конкретного грамматического материала и различных видов грамматических моделей (термин *модель* понимается как определенный тип грамматического обобщения). Для второй характерно то, что грамматические модели выступают статично и неподвижно, они не имеют синонимов и употребляются во всех сходных случаях совершенно одинаково (стр. 225).

Скрупулезный анализ фактического материала, относящегося к моделям выражения рода и числа имен существительных, степеням сравнения качественных прилагательных, некоторым глагольным парадигмам в западно- и восточнороманских языках, подсказывает, что грамматические модели этих языков распадаются на своеобразные «подмодели», подвиды, что конкретная реализация одной и той же модели получает разные формы в раз-

ных родственных языках, что, наконец, грамматические модели оказываются в прямой зависимости от намерений говорящих (пишущих) людей.

Оригинально построено в «Приложении» исследование вопроса о распространении русского языка в современном мире. Р. А. Будагов старается обратить особое внимание на ряд теоретических проблем, возникающих при контакте языков вообще и, в особенности, при воздействии русского языка на языки мира. Автор подчеркивает то, что В. И. Ленин (Полн. собр. соч., 2, стр. 13) связывал интерес к определенной стране со знанием языка ее народа. И К. Маркс, и Ф. Энгельс изучали русский язык, читали книги на этом языке.

Интересные данные приводит Р. А. Будагов относительно знакомства различных зарубежных писателей с языком, а через него и культурой русского народа на протяжении ряда веков.

Весьма актуальной является проблема о воздействии русского языка на языки мира. А. Мейе, заключая свой фундаментальный труд²², должен был призвать: «Превращение русского языка в великий литературный язык и мировое политическое значение России поставили его в новое положение: русские слова также стали проникать в западные языки, увеличивая словарь этих языков».

Р. А. Будагов рассматривает данную проблему в малоизученном до сих пор аспекте, имея в виду переосмысление некоторых иностранных слов и словосочетаний на русской почве. Анализируется пример фр. слова *avant-garde*, которое в русском получило и переносное значение, зарегистрированное затем и во французских словарях. В этом же плане можно говорить об образовании на русской языковой почве таких терминов, как: дирижёр, гримёр, дублёр, доктринёр, фуникулёр и др.²³

Действительно, проблемы, затронутые в «Приложении» к рецензируемой книге, нуждаются в глубокой и тщательной обработке исследователями, так как они весьма актуальны для выяснения и осмысления проблемы социальной природы языка в определенном конкретном случае.

В целом новая монография Р. А. Будагова заслуживает самой высокой оценки, поскольку с подлинно научных позиций марксистского материалистического языкознания автор стремится тщательно анализировать сущность и характер борьбы идей в такой сложной области, как наука о языке.

²² А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 412.

²³ V. K i p a r s k y, *Sur quelques mots «pseudo - français», «Studii și cercetări lingvistice», București, XXVI, 1975, 5, стр. 515—517.*

²¹ Р. А. Будагов, Что означает словосочетание *современная лингвистика?*, ВЯ, 1975, 6, стр. 17.

Нам кажется вполне приемлемым положение автора о понимании абстракций в науке о разумных и неразумных абстракциях (стр. 231—232). Советские лингвисты должны исходить в данном случае от известного положения Гегеля.

Все это объясняет, почему книга Р. А. Вудагова встречена с большим интересом читателями самого широкого круга.

Корлятуя Н. Г., Чобану А. И.

«**Принципы описания языков мира**». — М., «Наука», 1976. 334 стр. + 1 схема.

Цель рецензируемой книги, как указано в «Предисловии», — «ответить на вопрос, — какими способами можно описывать языки мира и как преодолеть наиболее существенные трудности, которые могут встретиться на этом пути» (стр. 4). Трудности эти весьма значительны: огромное разнообразие языков, различные подходы, применяемые при их описании, неодинаковая степень их изученности. Все это затрудняет работу даже тех лингвистов-типологов, которые занимаются лишь частными вопросами или изучают только определенные языки или группы языков. Проект «Энциклопедии языков мира», для подготовки которой по замыслу авторов должны служить статьи рецензируемого сборника, ставит и другую, более сложную цель — дать типологическое описание отдельных языков, не игнорируя при этом особенности и специфику каждого из них. Идеальной основой для такого описания была бы «общая типология», с помощью которой можно было бы интерпретировать индивидуальные характеристики того или иного языка. Только на такой основе теоретические исследования и сопоставительные штудии получили бы прочный фундамент. Однако типология пока еще далека от подобного идеала, хотя именно описание отдельных языков мира и является одной из важнейших предпосылок создания общей типологии.

Опыт показывает, что крупные научные проекты наиболее целесообразно начинать с дискуссии, отражающей разнообразные точки зрения, часть которых в дальнейшем может стать фундаментом проекта, а другие в той или иной мере будут учтены или вовсе отвергнуты. Это особенно важно в лингвистике, где имеется широкий простор для самых разных подходов.

Необычайно разнообразное и богатое содержание рецензируемой книги не позволяет в небольшой рецензии коснуться всех поставленных в ней вопросов и высказанных идей — мы ограничимся лишь ознакомлением читателя с основными идеями отдельных статей.

Разделы, содержащиеся в рецензируемой книге, можно распределить по четырем группам. В первую группу входят разделы, в которых изучаются пробле-

мы описания внутренней системы языков. В разделах второй группы изучается связь внутренней системы языка с внешней средой данного языка или с другими языками. Если в первых разделах основное внимание уделено способам описания, обеспечивающим выход в конкретные приемы и технику проекта и учет современного состояния описания языков, то в разделах третьей группы выдвигаются лишь принципы описания. В разделах последней группы рассматриваются специфические вопросы фонологии и словаря, которые дополняют проблематику статей первой группы, где в центре внимания стоит грамматика.

Из разделов первой группы на первое место следует поставить работу В. М. Солнцева «О соизмеримости языков» (стр. 105—121) как наиболее общую по своей тематике. Автор ставит вопрос — «имеются ли объективные предпосылки в устройстве языков различных типов для выбора таких единиц описания, такого терминологического аппарата, который позволял бы представить разноструктурные языки как достаточно соизмеримые?» (стр. 106). В дальнейшем в изложении своего позитивного ответа автор рассматривает создание специальной терминологии, единиц описания, которые представляли бы понятия, в одинаковой степени применимые к различным языкам мира, например, новое универсальное определение фонемы, морфемы и т. д.

Мне кажется, что подобное разъяснение языковых категорий и соответствующих терминов является необходимым предпосылкой для успешной разработки описания языков мира.

Раздел Б. А. Серебренникова «Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предзнаменность описания» (стр. 7—52) дает ценный обзор различных подходов к описанию языков, из которых он явно отдает предпочтение описанию «от значений к средствам их выражения». В этом с ним согласится, как мне кажется, большинство современных типологов-лингвистов. Данный подход демонстрируется на примере частей речи: «При определении частей речи следует положить в основу учение о функционально-семантических разрядах.

В этом состоит самое главное. Второстепенным объектом изучения являются различные степени морфологизации частей речи, дающие очень пеструю картину в разных языках. Слабая морфологическая оформленность не означает отсутствия разряда. Функционально-семантические разряды — основа учения о частях речи» (стр. 27). С морфологической точки зрения автор подразделяет языки по двум основным признакам — языки с развитой морфологической системой и языки с неразвитой морфологией. Обосновывая свою методику описания языков со слабо развитой морфологической системой, он отмечает: «Нам представляется, что этот специфический метод должен складываться из рационального сочетания следующих методов: 1) метод описания языков по понятийным категориям, 2) метод описания языков „от значений к форме их выражения“ и 3) метод описания языков с развитой морфологической системой... Следовательно, части речи будут в этих языках устанавливаться в первую очередь по понятийным категориям предметности, атрибутивности, глагольности и т. п. (стр. 39). Автор, разумеется, анализирует части речи и при помощи других методов.

В. Н. Ярцева в своем разделе «Грамматическая основа описания языков» (стр. 64—104) изучает ряды морфем, служащие для выражения значений. В. Н. Ярцева также сосредоточивает основное внимание на соизмеримости языков с развитой и неразвитой морфологией и использует понятие «ряд» для установления их соизмерения. Она пишет: «...под „рядом“ мы подразумеваем любое объединение по тому или иному структурно выраженному признаку словесных единиц в языке...». «„Ряд“ в вышеуказанном понимании представляет собой более общее понятие и включает те явления, которые традиционно рассматриваются на парадигматической и, отчасти, на синтагматической оси» (стр. 80). Рассматривая отношения семантико-грамматических категорий, выражаемых в различных рядах, В. Н. Ярцева отмечает: «Грамматическая категория существует как набор частных (дробных) значений, объединенных одним ведущим, центральным смысловым началом» (стр. 97). На мой взгляд, понятие «ряд» является весьма существенным с точки зрения составительного описания языков, однако нуждается еще в детальной разработке.

Аналитический метод является преобладающим при типологическом описании грамматики отдельных языков, причем в таком описании морфология занимает центральное место. Синтаксис сравнительно мало изучен. Однако Г. В. Колшанский в разделе «Использование язы-

ковых универсалий при описании языков мира» (стр. 53—63), в отличие от других авторов, выдвигает на первый план синтаксис: «Предложение (простое и сложное) и является, в сущности, исходной ячейкой структуры языка, диктующей способ описания языка» (стр. 58). В синтаксисе существенную роль играют универсалии, их признание «заранее обуславливает определенный подход к анализу коммуникативных единиц конкретного языка, независимо от способов проявления соответствующих универсалий» (стр. 58). Далее он отмечает: «Глобальным основанием классификации языков, по существу, и должен служить главный существенный признак, свойственный данному конкретному языку в организации предложения» (стр. 58—59). Нельзя не согласиться с подходом, предложенным Г. В. Колшанским, и не учитывать, что типология синтаксиса пока недостаточно разработана: наши сведения о многих языках весьма скудные и не дают возможности сделать исчерпывающее типологическое описание на основе синтаксиса. Тем не менее, никакое описание современных языков мира немислимо без синтаксиса, поэтому в сборнике следовало бы обратить значительно большее внимание на синтаксис, особенно на круг описываемых явлений и на метод их исследования и описания. Хотя статья Г. В. Колшанского дополняется исследованием Г. А. Климова, в сборнике все же отсутствуют работы, посвященные конкретной проблематике описания синтаксиса.

Переходя к статьям второй группы, следует обратить внимание на раздел Г. В. Степанова «Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой» (стр. 147—163), где автор, анализируя общую проблематику, пишет: «...исследователь должен учитывать три вида объектов, находящихся в определенных взаимоотношениях: социум ↔ внешняя система языка ↔ внутренняя структура языка» (стр. 153). Как отмечает автор, «описание внешней системы конкретного языка, его онтологических свойств целесообразно проводить на основе нескольких понятий, организованных в оппозиции: синтопия — диатопия, синстратия — диастратия, монофункция — полифункция. Онтологические свойства внешней системы могут рассматриваться как в статике, так и в динамике...» (стр. 151). После разъяснения этих оппозиций Г. В. Степанов иллюстрирует соотношения трех объектов на примерах из ряда языков.

Раздел Н. З. Гаджиевой «Принципы ареального описания языков» (стр. 164—202) является ценным вкладом в ареальную типологию. После введения в общую проблематику автор дает образцовый анализ ряда фонетических явлений тюркских языков и делает интересные теоре-

тические выводы. Характеристика лингвистических ареалов мира — исключительно важный вопрос типологии, причем при описании отдельных языков необходимо выяснить, в какой мере они представляют собой цельный ареал. Такое описание, однако, по необходимости ограничится самыми существенными чертами, релевантными для общей типологии, и не будет настолько детальным, как анализ тюркских языков, данный в статье Н. З. Гаджиевой.

Обратимся к статьям третьей группы. В своем разделе «Вопросы контенсивно-типологического описания языков» (стр. 122—146) Г. А. Климов исходит из того, что «именно принципы структурной организации лексики определяют соответствующие особенности синтаксического и через его посредство — морфологического уровня» (стр. 127). Он характеризует пять целостных языковых типов: нейтральный, классный, активный, эргативный, номинативный. Изучение контенсивных типов представляет собой вид комплексного подхода к типологии, который, по мнению Г. А. Климова, обладает объяснительной и диагностирующей силой. Два из них уже были подробно описаны в отдельных книгах Г. А. Климова, другие нуждаются в детализации. Их следует учитывать при описании отдельных языков, потому что они показывают внутрисистемные связи данного языка и выявляют определенные языковые типы. Однако из-за недостаточного описания лексических классов многих языков в этой области и в дальнейшем будет возникать целый ряд проблем. Несмотря на то, что гипотеза Г. А. Климова является весьма интересной, описание отдельных языков и их типологии, на мой взгляд, пока нельзя строить на лексических классах, так как лексика до сих пор остается одной из наименее изученных областей языка. Типологическая классификация, установленная Климовым, с большим успехом может быть использована в грамматике, особенно в синтаксисе, где она играет центральную роль.

В разделе Ю. С. Степанова и Д. И. Эдельман «Семиологический принцип описания языка» (стр. 203—281) сущность этого принципа формулируется подробно и точно: «Итак, семиологический принцип — это определенная система взглядов на язык, совокупность взаимосвязанных положений, обусловленных объективным устройством самого объекта — языка: язык рассматривается в тесной связи с мышлением, раскрывающейся как отношение между системой „означаемых“ (содержания, языковых значений, смысла) и системой „означающих“ (выражения, звуковой материи языка, текста) (принцип знака); ...указанное отношение наиболее адекватно раскрывается, во-первых, в виде сложной иерархии единиц (принцип иерархии), во-вторых,

в виде совокупности процессов (принцип метаморфизма)» (стр. 206—207). Авторы устанавливают и другие частные принципы — непосредственной наблюдаемости, антропоцентризма. В применении к задачам проекта семиологический принцип «выступает прежде всего как принцип классифицирующий: он позволяет классифицировать известные факты языка в определенной системе, заключающей в себе объяснение, а затем соотнести их с соответствующими (наличными и отсутствующими) фактами другого языка» (стр. 208). Авторы затем детально излагают свой принцип и демонстрируют его на примере плана содержания и выражения. Однако, несмотря на иллюстрации, данные в книге, применение указанного принципа по отношению к проекту остается невыясненным. Это естественно следует из его новизны для рецензента.

Последняя группа разделов посвящена фонологии и словарю. Раздел В. А. Виноградова «Фонологический аспект описания языков» (стр. 282—312) дает хороший обзор проблематики, современной фонологии, что в немалой степени будет способствовать правильному выбору методов фонологического описания. В другом разделе той же группы «Словарь как компонент описания языков» Ю. Н. Караулов использует известный словарь Р. Халлига и В. Вартбурга в качестве эталона, с которым сравниваются «структурированные области лексики» и «синонитическая схема, которая... в силу своей универсальности может служить аналогом лексико-семантической системы» (стр. 315). При этом допускается, что группа слов, выделенная из этих словарей, близка к характеру к семантическому полю при широком понимании этой категории. Автор детально рассматривает ряд специальных исследований, посвященных структурированию групп слов. В результате получается весьма интересный обзор лексико-семантических исследований, который с интересом будет воспринят широким кругом специалистов. Значительные трудности возникают, однако, из-за слабой изученности лексики. Если коллектив проекта решится включить характеристику лексики, то путь, предложенный автором, следует признать наиболее правильным, если не единственно возможным.

В заключение необходимо отметить, что при составлении проекта «Энциклопедия языков мира» важно определить те языковые процессы и закономерности, которые можно рассмотреть при описании отдельных языков. Нельзя не принимать во внимание ограничение, о котором в книге мало говорится — наличие в лингвистике сведений о структурных и функциональных особенностях систем различных языков на всех уровнях. Мой личный опыт работы с описанием

разных языков показывает, что лексика не описана в такой мере, чтобы она могла быть систематически представлена в описании отдельных языков. О фонологии и грамматике мы располагаем гораздо большим количеством информации, но следует ограничиться основными, существенными характеристиками, особенно если учитывать соизмеримость языковых подсистем, чему уделено такое большое внимание в книге. Важно, в частности, дать описание системы фонем, классов морфем, слов и их рядов, основных типов структуры предложения, расположения его элементов и правил их преобразования. Описание должно охватить и основные характеристики функционирования данного языка в обществе.

Выявление индивидуальных черт, однако, будет плодотворным лишь тогда, когда в отдельных главах 1) оно будет дополняться описанием типов и универсалий человеческого языка и 2) в описании отдельных языков будет выделяться основной тип или типы языковой структуры. Удовлетворить второму требованию значительно труднее, чем первому: оно зависит не только от разработанности тех разделов типологии, которые отражены в описании отдельных языков, но и от того, удастся ли применить их на практике. Несмотря на эти трудности коллективу проекта необходимо рассмотреть вопрос об обобщении и применении результатов общей типологии внутри рассматриваемого круга явлений. Кроме того,

следовало бы подробно охарактеризовать и те лингвистические ареалы, которые уже выявлены, а при описании отдельных языков отметить, в какой мере они являются представителями целого ареала.

Если мое представление о задачах проекта рассматриваемого типа более или менее близко концепции коллектива составителей будущей «Энциклопедии языков мира», то статьи рецензируемой книги должны быть проанализированы с точки зрения их значимости для проблематики самого проекта. Выше я уже отмечал, что одни статьи представляют собой реальный вклад в разработку проблематики описания языков мира, другие же должны быть только учтены. На мой взгляд, книга представляет собой лишь первый шаг на пути к осуществлению указанного проекта, второй шаг должен быть значительно конкретнее первого: сосредоточить внимание на осуществимых задачах и на разработке комплексного, но единого подхода. Первый шаг же, как известно, труднее всех других. Рецензируемый сборник вскрыл те возможности, конкретные методические приемы и подходы, которыми располагает современная лингвистика для описания разных аспектов отдельных языков. Тем самым заложено прочное основание для фундаментального труда «Энциклопедия языков мира». Лингвисты разных стран с интересом ждут результатов этого крупного предприятия советского языкознания.

Дэжэ Л.

M. Dillon. Celts and Aryans. Survivals of Indo-European speech and society.—Simla, 1975. XXVI+153 стр.+24 рис.

Кельтологическая литература не изобилует крупными обобщающими работами. Поэтому появление монографии, охватывающей в той или иной мере основные направления в диахроническом изучении кельтских языков, вызывает вполне понятный интерес. М. Диллон известен своими трудами не только в кельтологии, ему принадлежат исследования в области индоевропеистики и индологии. Научный диапазон ныне покойного ученого чрезвычайно широк: от издания текстов до исторического синтаксиса и версификации¹.

Рецензируемая книга вышла в свет уже после смерти автора; ее издание было завершено благодаря стараниям С. К. Чаттерджи и Д. А. Бинчи. В первой главе («Введение») автор дает обзор истории изучения индоевропейских языков, уделяя особое внимание кельтологическим студиям. Вопрос о связях

кельтских языков с древнеиндийским впервые был поставлен в работах старшего поколения компаративистов и кельтологов XIX в.—Ф. Боппа, К. Цейса, А. Пикте. Позднее в этой области работали Н. Циммер и Э. Виндиш, У. Стоукс и Ж. Вандриес. С возникновением лингвистической географии оказалось возможным объяснить сохранение архаизмов в маргинальных ареалах. Эта тема — пережитки индоевропейского языка и культуры на периферии, а именно в Ирландии и в Индии — и является главной, проходящей через всю книгу.

Вторая глава («Кельты») посвящена предистории кельтских народов. Появление последних в Европе связывается многими археологами с культурой полей урн и относится приблизительно к 1200 г. до н. э. Вслед за Дж. Кларком и С. Пигготом М. Диллон считает возможным датировать обособление кельтов более ранним временем (стр. 20—21). Идентифицируя часть индоевропейцев с культурой боевых топоров, автор допускает

¹ Полную библиографию трудов М. Диллона см.: «Celtica», XI, 1976.

существование «кельтоязычного общества» в начале II тыс. до н. э., а заселение кельтами Британских островов — 1800 г. до н. э. (традиционная дата — 600 г. до н. э.). Такая датировка, по мнению М. Диллона, лучше объясняет архаизмы, наблюдаемые в ирландском языке, культуре и т. п. (стр. 21). В принципе, с этим можно согласиться, но не стоит забывать о существенных разногласиях среди археологов как по поводу хронологии, так и этнической идентификации культур боевых топорков и полей урн.

В третьей главе («Санскрит и ирландский») дается детальный анализ языковых особенностей, которые являются общими для ирландского и древнеиндийского и унаследованы от индоевропейского состояния. Речь идет не только и не столько об исключительных индоевропейских изоглоссах, но и о развитии тенденций, истоки которых лежат в праиндоевропейском языке.

Еще в начале нашего века была принята попытка объяснить кельтские мутации теми особенностями индоевропейской синтаксической фонетики, которые обнаруживаются в древнеиндийских правилах сандхи (Н. Циммер). Из этого следовал вывод о несамостоятельности слова в индоевропейском. Известна и противоположная точка зрения, которой придерживался А. Мейе. Л. Рену, оценивая под этим углом санскритский материал, следует А. Мейе. «Истина, — пишет М. Диллон, — может быть, состоит в том, что обе модели существовали в древнейший период и соответствие между древнеиндийским и кельтским есть пережиток общего архаизма» (стр. 35). Тот факт, что в ирландских рукописях группа слов, объединенных одним ударением, пишется слитно, по-видимому, отражает положение вещей, сходное с древнеиндийским².

К сожалению, М. Диллон не воспользовался в полной мере результатами последних разысканий в области индоевропейского синтаксиса. Широкое распространение клитик в индоевропейском предложении, а также обнаруженные закономерности их дистрибуции (ср. правило Майда, расширенное Л. Г. Герценбергом³, согласно которому атонные частицы располагались лишь по одну сторону от ударного слова) как будто свидетельствуют об известной ограниченности автономии индоевропейского слова.

Одной из характерных особенностей кельтской и италийской морфологии является окончание генитива ед. числа тематических основ на *-i*. М. Диллон принимает интерпретацию этого явления,

предложенную Я. Ваккернагелем который сопоставил генитивное окончание с окончанием *-i* в санскритских *o*-основах перед глаголами: *bhu-*, *ki-*: *kiṣṣi-~ka-* *gōi* «делает черным». «Данная идентификация может быть в общем принята. Это могло быть старое адъективное окончание, когда генитив и прилагательное были близки» (стр. 37).

Далее автор детально рассматривает вопрос о происхождении ирландских инфигированных местоимений. Сравнительный материал взят из Ригведы. Теория, принимаемая М. Диллоном, неоднократно излагалась в литературе и хорошо известна⁴. Также достаточно известна теория Уоткинза — Майда о происхождении ирландской абсолютной и конъюнктивной флексии. Диллон предлагает ареальный комментарий к ней: «Даже если бы ирландская система не была первоначальной, сохранение древней немаркированной („инъюнктивной“) формы как составной части презентной системы было бы надежным звеном (strong link) между древнеирландским и древнейшими частями Вед. Ирландский сохранил эту индоевропейскую систему как неотъемлемую часть парадигмы, тогда как в ведическом находим только ее остатки (vestigial survival)» (стр. 45).

Явления тмеса и закона Бергина, т. е. те случаи, когда порядок слов в предложении противоречит норме классического древнеирландского языка (глагол в конечном положении, а не в начальном, как обычно), трактуются М. Диллоном как «маргинальный» пережиток архаической особенности языка (стр. 50), находящий соответствия в языке Вед. Г. Вагнер высказал мнение о том, что конечное положение глагола следует объяснять особенностями стихотворной речи (ритм, аллитерация, рифма, метрическая схема слова и т. п.), ибо в прозаических текстах явления закона Бергина не засвидетельствованы⁵. Но, как полагает Диллон, есть, по меньшей мере, два аргумента, подтверждающие реальность существования синтаксических конструкций, описанных О. Бергином: а) древность текстов, в которых засвидетельствованы данные явления; б) соответствия в других языках, прежде всего в санскрите.

На стр. 51 отмечена любопытная аналогия «между санскритом как каноническим языком, который используют брахманы по всей Индии независимо от диалектных различий, и древнеирландским

⁴ См., например: C. Watkins, Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the old Irish verb, «Celtica», 6, 1963.

⁵ H. Wagner, Zur unregelmäßigen Wortstellung in der altirischen Alliterationsdichtung, «Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie», Innsbruck, 1967.

² L. Renou, Histoire de la langue sanscrite, Paris, 1956, стр. 16.

³ Л. Г. Герценберг, Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л., 1972, стр. 163.

языком, в котором также не заметно диалектных различий». Отсутствие заметного варьирования в древнеирландских текстах может объясняться тем, что мы имеем дело с письменным, литературным языком, койне, созданным древнеирландскими «литературными кругами». Это может служить дополнением к наблюдению М. Диллона.

Глава 4 («Придворная поэзия и героическая традиция») посвящена одной из актуальных тем современной индоевропеистики — поэтическому языку и условиям его функционирования в древних обществах. В более ранних работах М. Диллона преимущественное внимание уделялось таким аспектам, как поэт и общество, общие сюжеты и элементы культуры пережиточного характера, метрика и т. д. Этот несколько экстралингвистический уклон чувствуется и в данной главе. Считается, что жанр хвалебной поэзии, в частности поэзии, воспевающей воинские подвиги, восходит к глубокой древности⁶. В древнеиндийской поэзии можно выделить *dāna-stuti*, стихотворения, в которых восхваляется щедрость патрона (гесп. царя). Сочинитель таких панегириков (*brahmarṣi*) принадлежал к касте брахманов. Воинскую доблесть воспевал поэт *gājarṣi* (из кшатриев) в *pāgāśamsī*, поэмы этого типа исполнялись, как правило, на больших праздниках и торжественных церемониях (стр. 53, 97). Подобное разделение жанров, хотя во многих случаях трудноразличимое (стр. 53, 57), возможно, отражает существовавшую разницу между сакральной и светской поэтическими традициями (стр. 55). В отношении древнейшей формы хвалебной поэзии, такой, какой мы находим ее в Ведах, можно сказать, что это были силлабические поэмы, лирические по форме и героические по содержанию (стр. 58).

О существовании подобной традиции в Галлии можно судить по свидетельствам античных авторов (стр. 59).

Ирландские поэмы, сравнимые с *pāgāśamsī*, собраны и изданы К. Майером⁷. В Ирландии они назывались *nath*. Есть две разновидности *nath* — короткие поэмы, не имеющие специального обозначения, и обширные генеалогические поэмы — *fursundud* (букв. «освещение»). По всей вероятности, *nath* можно рассматривать как форму устной поэтической традиции, причем *fursundud* оказываются более поздними в лингвистическом отношении, чем короткие *nath*.

Попытка найти ирландские эквиваленты к индийским *brahmarṣi* и *gājarṣi*

наталкиваются на ряд затруднений. Известно, что ирландский поэт (*fili*) занимал высокое положение при дворе короля и в обществе. Существовала сложноорганизованная корпорация поэтов, включавшая семь разрядов, соответствовавших степени профессиональной подготовленности *филидов*. На верхней ступени иерархии стоял *ollam* (букв. «высочайший; величайший»). Однако в текстах встречаются и другие названия придворного поэта, например, *prīmīli* букв. «первый поэт». М. Диллон предлагает видеть в другом «неканонизированном» титуле — *gígīli* — соответствие *gājarṣi* (стр. 97). Этот термин употребляется даже по отношению к Финду Фили, королю-поэту, но из текста⁸ не вполне понятно, имеем ли мы дело с эпитетом или с реальной терминологической единицей. Тем не менее, сравнение это можно считать правдоподобным. Очевидно, структура корпорации поэтов, которую мы встречаем в ирландских источниках, есть результат многочисленных трансформаций, имевших место в течение веков. Кроме «внутренней» эволюции эта социально-профессиональная группа испытала немало изменений в связи с распространением христианства, повлекшего за собой исчезновение друидов. Много неясного остается до сих пор и в вопросе о других категориях поэтов, таких, как барды, *fáith* (= лат. *vates* «пророк; поэт»). Роль этих групп в каждой кельтской стране отлична (стр. 97, 23—25). М. Диллон завершает первую часть главы словами: «...ясно, что песни, восхваляющие героев и их предков, были индоевропейской традицией». Особенно хорошо реликты этой древней традиции сохранились в Индии и в Ирландии, где в исключительных случаях они дожили до наших дней (М. Диллон присутствовал при исполнении хвалебных песен в Джайпуре — стр. 58 и 77).

Во второй части данной главы изучаются особенности героических сказаний, преданных в Ирландии сагами, а в Индии — джатаками. Присоединяясь к теории, выдвинутой еще Э. Виндишем, Диллон, привлекая дополнительный материал, утверждает, что сочетание прозаических рассказов со стихотворными вкраплениями является формой повествования, унаследованной от индоевропейской эпохи. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения служит совпадение сюжетов (стр. 79 и сл.). Стихотворно-прозаическая форма встречается и в других традициях — греческой, славянской. В свое время Ж. Вандриес пришел к такому же выводу⁹.

⁶ В этой главе автор широко использует известные работы М. Пэрри и А. Лорда, а также исследования В. М. Жирмунского.

⁷ K. Me yer, Über die älteste irische Dichtung, APAW, 1913, 6; 1914, 10.

⁸ K. Me yer, указ. соч., стр. 38.

⁹ J. Vendryes, Sur un caractère traditionnel de la poésie celtique, «Mélanges Hieltmslev», стр. 408.

Вопросы о положении поэта в обществе, сюжетах и формах произведений непосредственно связаны с разработкой гипотезы о существовании эпоса у носителей индоевропейского праязыка. Реконструкция индоевропейского поэтического языка не вызывает принципиальных возражений. Но все-таки нужно отметить ряд слабых мест. Многие формульные соответствия относятся скорее к сакральной сфере, нежели к поэтической. Метафоры, которые часто служат исходным материалом для реконструкции индоевропейских сочетаний типа *τέκτωνες ἑπέων, φαφαυτες ποιιδη*, могут возникать независимо в различных традициях (ср. у Жуковского «неутомимый ткач стихов») ¹⁰.

Настораживает еще и то, что при обилии экстралингвистических совпадений между ирландским и санскритом, «формульные» соответствия, связывающие эти языки, исчисляются единицами. Изложенные соображения — это не призыв к отказу от поисков в этом направлении. Материал, приведенный в рецензируемой

¹⁰ В. А. Жуковский, Стихотворения и поэмы, Л., 1958, стр. 228.

книге и в других работах, заслуживает должного внимания.

Последняя глава посвящена религии. Большой интерес вызывают сопоставления известных представителей кельтского пантеона со сходными ведийскими божествами. Такие сопоставления оказываются продуктивными (стр. 139 и сл. о кельтском боге Луге).

В краткой рецензии невозможно охватить все вопросы, так или иначе затронутые в монографии М. Диллона. По замыслу автора, книга должна служить введением в кельтологию для индийских читателей и в то же время привлечь внимание к индологии в англоязычном мире (стр. 146). Нам представляется, что рецензируемая книга выходит за указанные рамки и может быть полезной всем индоевропейцам. Достоинством книги следует считать и введение в широкий научный оборот материала, использование которого прежде было ограничено рамками узких дисциплин.

Наиболее важные из замеченных опечаток: стр. 61 третья строка сверху: должно быть *Cú cen mathair*; стр. 62 пятая строка снизу: должно быть *ardrig*.

Кацугин В. П.

«Linguistische Studien. Beiträge zur Klassifizierung der Wortarten». Hrsg. von G. Helbig.—Leipzig. Veb Verlag Enzyklopädie. 1977. 205 стр.

Несмотря на свою многовековую историю, вопрос о классификации частей речи на материале разных языков представляется одним из наиболее спорных и многоаспектных вопросов языкознания. Общепризнано то положение, что данная классификация необходима как для теории языка, так и для практических целей, прежде всего для методики преподавания языков. Однако принципы и критерии классификаций различны не только в отношении разных языков, но и в отношении отдельного языка. Примечательно также то, что именно в современной науке о языке классификация частей речи подвергается пересмотру по сравнению с классической грамматикой и характеризуется различными точками зрения. Поэтому появление сборника, специально посвященного данной проблеме, представляется оправданным и своевременным.

В «Предисловии» к сборнику его издатель подчеркивает многообразие соответствующих классификаций, характеризующихся не просто количеством выделенных частей речи, но прежде всего

применяемыми критериями, отражающими различные концепции авторов.

Сборник содержит 13 статей ученых как ГДР, так и других стран: Болгарии, Венгрии, СССР, Франции, Чехословакии. Большинство статей написано на основе немецкого языка; статья Н. С. Поспелова посвящена рассмотрению материала русского языка; статья П. Борисевича связана с сопоставлением немецкого, русского, болгарского языков; статья Х. Шницбардта содержит модель описания частей речи английского языка.

В связи с разнообразием концепций издатель не считал целесообразным искусственно объединить статьи согласно этим концепциям: статьи расположены в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Однако, независимо от теоретических посылок, статьи можно разделить по их целеустановке на два типа: 1) исследующие как основную цель выявления критериев и осуществление на их базе соответствующих классификаций частей речи; 2) сочетание общих критериев классификаций частей речи с более част-

ними вопросами синтаксиса или морфологии.

Из числа статей первого типа прежде всего следует остановиться на статье Г. Хельбига «К некоторым проблемам классификации частей речи немецкого языка».

Автор называет три критерия классификации частей речи — морфологический, синтаксический, семантический, признавая необходимость исходить из одного из них как основного при учете остальных, а также стремится выявить сущность каждого критерия. Согласно концепции автора, ведущим является критерий синтаксический, раскрываемый в двух аспектах: «критерий А» (синтаксическая функция части речи, субституция) и «критерий В», определяемый путем трансформации явлений поверхностного уровня предложения в явлениях его глубинного уровня. Семантический критерий, подчиненный синтаксическому, рассматривается в свете теории отражения как обобщенное значение слов, входящих в часть речи, и как формируемое в процессе мышления. Морфологический критерий определяется путем связи с синтаксисом, т. е. соотношения частей речи и членов предложения, и актуален в основном для неизменяемых частей речи. Статья вызывает интерес насыщенностью материала, дающего представление как о концепции автора, так и о других концепциях. Автор выделяет «собственно части речи» (глагол, существительное, прилагательное, наречие) и «функциональные слова» (артикли, предлог, союз, частицы, модальные слова и «эквиваленты предложений», в которые частично входят междометия). Отдельные положения представляются спорными, как-то: примат синтаксического критерия, отнесение прилагательного в адвербиальной функции к качественным наречиям (что противоречит наиболее принятой в настоящее время точке зрения на синтаксические функции немецкого прилагательного); отрицание самостоятельности как частей речи числительных и местоимений на основе синтаксического критерия. В то же время в статье имеется ряд существенных положительных моментов. Таково выделение межкатегориального пласта слов-проформ, к которым относятся местоимения, местоименные наречия, наречия типа *heute*, *gestern*, *damals* и т. д., некоторые прилагательные, например, *hiesig*, *damalig*, *dortig* и т. д., глаголы *machen*, *tun* и др. Таково, далее, специальное внимание, уделяемое модальным словам и их соотношению с наречиями и частями речи на основе иерархия лингво-семантических, синтаксических и морфологических признаков, представленной в наглядной таблице. В статье же обойден еще почти не разработанный логический критерий выделения частей речи на основе общих логических функ-

ций языковых форм в логическом суждении (ср. четыре подобных «части речи» у Ф. Шмидта). Статья заканчивается итогом принимаемой автором классификации в ее отличии от классификации в традиционной грамматике.

В отличие от Г. Хельбига, В. Флеминг в статье «К грамматической классификации словарного состава в немецком языке» хотя и исходит из многоаспектности слова, особо подчеркивает важность морфологических критериев при классификации частей речи. Он предлагает схему частей речи в первую очередь на основе их изменяемости — неизменяемости: первый пласт далее делится на слова спрягаемые и склоняемые, второй — на слова с функцией члена предложения и лишённые этой функции. Дальнейшее членение, по возможности, также опирается на морфологические особенности слов: наличие — отсутствие артикля у склоняемых слов, наличие — отсутствие степеней сравнения; у неизменяемых слов — связь с падежом (предлог), отсутствие этой связи (союз). Артикли и числительное в самостоятельные разделы не выделены. В заключение автор подчеркивает оправданность разных типов классификаций и их вариантов при преподавании неродных языков. Предложенная им классификация имеет практическую значимость для преподавания немецкого языка как родного, что проверено методическим опытом.

В содержательной и насыщенной материалом статье О. И. Москальской «К теории частей речи» последние рассматриваются как грамматические категории, как научное понятие грамматики. Характеризуясь морфологическими грамматическими категориями и соответствующими парадигмами, части речи в то же время могут рассматриваться как грамматические модели функционирования слов в речи. Нет сомнения, что определенные комплексы частей речи характеризуются именно синтаксическим признаком. Однако, признавая наличие синтаксических, а также и морфологических свойств частей речи, О. Москальская, в отличие от авторов двух названных выше статей, сосредотачивает внимание на содержательном характере частей речи как их наиболее ярком признаке, что соответствует господствующей точке зрения в советском языкознании. Автор подчеркивает, что именно на основе сдержания выявляются и особенности синтаксического функционирования частей речи. Далее в статье ставится вопрос о понятии грамматического значения части речи в отличие от лексического значения входящих в нее слов. Специальный интерес представляет показ взаимодействия лексического и грамматического значения в составе части речи. Так, делексиализация слова может привести к новому

грамматическому значению, ср. особенности артикля, служебных глаголов *haben* и *sein*. Другой вид взаимодействия обоих видов значений наблюдается у знаменательных слов, например, существительных, способных обозначать не только материальные и идеальные предметы (например, *Haus, Mensch, Baum, Idee*), но и признаки (*Schonheit* — ср. *schön*), действия (*Wirkung* — ср. *wirken*) и т. д. — всем этим словам присуще грамматическое значение предметности. Таким образом, выявляются центр и периферия в составе части речи. Морфологические характеристики частей речи не являются ни единственными, ни важнейшими признаками частей речи; при этом не все грамматические категории релевантны для отдельных частей речи. Гетерофункциональность различных частей речи требует исходить при их описании, как и описании их комплексов, из того или иного доминирующего дифференциального признака как основного.

В статье Е. Шпица «Опыт функциональной классификации классов монем» отправным пунктом классификации является понятие слова на основе иерархии уровней языка. Термин «монема» употреблен в качестве обозначения слова как грамматически организованной минимальной единицы языка в совокупности всех его грамматических форм. Одна монема или последовательность монем с номинативной функцией является лексемой: лексема включает семему или несколько семем в зависимости от моно- или полисемии лексемы. Монема как элемент синтаксического уровня является синтагмой. При анализе синтагм автор исходит из предложения с полной предикацией и реализованной валентностью, признавая наличие более слитных построений вплоть до текста. В своей «функциональной классификации частей речи» автор исходит из семантического, морфологического, синтаксического критериев при примате последнего. Классификация частей речи, отображенная в таблице, включает три класса монем: А эквиваленты предложения (всегда в изолированной позиции); В. синтагмоспособные монемы; С. атрибутивные монемы. Отдельно рассматривается класс D — нексемы (сочинительные и подчинительные союзы).

Статья выполнена оригинально и представляет интерес, несмотря на ряд спорных положений (приравнение к словам отделяемых элементов глаголов, членение местоимений на заместители существительных и их детерминанты, чрезмерное расширение понятия атрибутивности и др.). В ней выделены некоторые категории, обычно не рассматриваемые (например, формулы вежливости, сляпные предлога, требующего падежа, с соответствующей формой артикля). В качестве общего недочета следует отметить отсутствие

четкой связи функционального классификации с семантикой, несмотря на внимание, уделяемое словам как лексическим единицам.

А. Т. Кривоносов в статье «К классификации неизменяемых классов слов в немецком языке» дает с особых позиций общую классификацию частей речи немецкого языка. Предлагается «структурно-функциональная модель» синтаксического анализа частей речи, в которой находят выражение: оперативные классы слов в соответствующей морфологической форме; линейное расположение слов, находящихся во взаимной дистрибуции; типы их синтаксических функций; непосредственные синтаксические отношения слов, конструирующих предложение, реализация непосредственных синтаксических отношений; иерархические ряды слов. Путем сложных операций осуществлены «пробы», ведущие к выделению 194 взаимодействующих признаков слов, образующих систему, которая ведет к другой системе — неизменяемых классов слов. Данная модель с ее многоярусным построением должна служить для формализации и объяснения классов слов. Такая модель (в виде матрицы) со сложной системой «сеток», через которые «пропускаются» слова и где скрещиваются их разнообразные признаки, была построена автором в целях классификации неизменяемых классов слов.

Из числа статей, в которых, помимо общих вопросов классификаций частей речи, затронуты вопросы более частного порядка, три имеют в основном синтаксическую направленность.

В статье П. Борисевича «Часть речи как строительный элемент предложения» слова квалифицируются как «минимальные фразы», выполняющие референтную функцию и служащие элементами построения предложения. После уточнения синтаксического критерия частей речи автор переходит к системе отражения в сознании человека явлений действительности, начиная от их первичного восприятия, затем перехода последнего в мыслительные образы и в их линейные сочетания в речи. В заключение автор уточняет семантический критерий выделения частей речи на основе их семантико-реляционных значений. Значения частей речи соответствуют их основным синтаксическим функциям: словосочетания должны рассматриваться как расширенные части речи или свернутые предложения. Помимо хотя и спорной, но глубокой постановки проблемы, статья представляет интерес благодаря показу частей речи в их синтаксической реализации в объемных таблицах, включающих сопоставление частей речи в немецком, русском, болгарском языках.

Основным постулатом статьи Г. Грещано «Содержание и функция как клас-

сифицирующие критерии для теъеровского „узла“ является сформулированное Фурке положение, что основная заслуга Л. Теъера заключается не в теории валентности, а в выявлении основных единиц синтаксического строя. Теъер придерживается бинарного членения частей речи на слова полные (*mots plains* — MP) и слова пустые (*mots vides* — MV). Речь идет о выявлении основных единиц, для которых характерна функция сочетаемости в предложении. Из традиционных частей речи прежде всего отбираются четыре — соответствующие требованиям «функции узла». Валентность представляет собой преобразование элементов узла в члены предложения. Фурке принимает «узел» Теъера как основу для построения своей собственной модели, в котором он этот узел совершенствует и дополняет. В качестве исходного пункта принимается ограничение семантико-онтологических признаков частей речи от чисто категориальных, Теъером еще недостаточно уточненное. В теъеровской версии грамматики зависимости имеется отход от статического определения языковых единиц. Путем качественной интерпретации узловой функции существительного, глагола, прилагательного, наречия и квантитативного понимания глагола в смысле валентности, «узел» Теъера выявляет традиционные функции членов предложения.

В статье Н. С. Поспелова «Части речи современного русского языка с точки зрения изучения их грамматической сочетаемости» в качестве одного из важнейших критериев вычленения частей речи рассматривается их различная сочетаемость в предложении. В частности, на базе сочетаемости как основного признака в русском языке выделяется категория состояния, характеризующаяся аналитическим выражением времени (путем наличия—отсутствия связи) и —ограниченно — наклонением. Слова категории состояния не изменяются по лицам в качестве «безлично-предикативных слов». Категория состояния не выражает чьего-либо признака, что, однако, не снимает их сочетаемости со словами других классов: управление дательным падежом, сочетание с инфинитивом и относительным придаточным предложением. В статье прослеживается процесс перехода предикативных наречий в категорию состояния на основе превращения глагола *быть* в связку.

В сборник включены также статьи, имеющие преимущественно морфологический характер (хотя и связаны частично с синтаксисом).

Специального внимания заслуживает статья Е. В. Гулыга «Классификация частей речи применительно к модальным словам», во-первых, потому, что данная категория слов еще мало изучена, во-вторых потому, что их характеристика

подана на фоне общей классификации частей речи. Примыкая к делению всего комплекса частей речи В. В. Виноградова на четыре структурно-семантических типа (основные знаменательные части речи с номинативной функцией, служебные слова, модальные слова, междометия), автор переходит к подробному описанию модальных слов. Их общим значением является выражение предположения/убежденности разной степени со стороны говорящего в отношении содержания высказывания. Центром модальных слов служат собственно модальные слова (предположения) и слова усилительные. Отдельные группы представлены словами субъективной оценки и утверждения — отрицания. К общему свойству модальных слов относятся особенности их функционирования: невозможность стать центром словосочетания, отсутствие способности номинации, особое расположение в структуре текста.

В статье И. Я. Харитоновой «К вопросу центра и периферии части речи в немецком языке» идет речь о том, что в составе разных классификаций прочное место занимают автосемантические части речи — существительное, глагол, прилагательное, наречие, что не снимает ряда трудностей и нерешенных вопросов при их характеристике. В каждой из них выделяются центр и периферия. Исходя из синтаксической позиции как главного критерия на основе субституции, автор в то же время рассматривает наличие категориальной семантики, морфологических особенностей и дистрибуции в качестве существенных признаков частей речи.

Слово относится к центру части речи, если оно отражает в рамках соответствующей дистрибуции все многообразие свойств данной части речи, а по мере нейтрализации этих свойств отходит к пластам периферии. В качестве иллюстрации приведен пример сочетаемости существительных разной этимологии с инфинитивом + *zu*. Рецензируемая статья вызывает интерес по своей проблематике, а также по методике анализа, хотя и имеющей частный характер, но убедительной и служащей эталоном для возможности дальнейшего изучения центра и периферии частей речи на базе их сочетательных потенций.

Оригинально поставлена проблема в статье Фюлей-Сцанто Эндре «К системе детерминантов», основой которой является то положение, что может быть выделена иерархия отношений между двумя или несколькими сегментами языка — детерминантами и детерминатами. Детерминация имеется в одной словоформе (артикль — детерминант существительного; в личной форме глагола окончание — детерминант основы); в более сложном сочетании (модальный глагол детерминирован инфинитив); в различных вариантах текста (в диалоге различаются стимул

и реакция: направление от лица к лицу и коммуникативно-эмоциональная интенция служат детерминантами, как и ответная реакция при вопросе). В статье подробно рассмотрены части речи и отрезки предложения и текста с точки зрения детерминации. В последней части статьи функция детерминации рассматривается с позиций логики. В заключение автор останавливается на творческой способности языка создавать названия новых предметов и явлений на основе общего понятия, служащего детерминантом. Дальнейшее изучение детерминантов должно стать предметом лингвистики текста.

Статья Г. Штарке «К разграничению субклассификации прилагательных и наречий» посвящена соотношению прилагательных и качественных наречий. На основе подробной полемики в отношении разных точек зрения, автор высказывает положение, что к прилагательным относятся все слова, выражающие признаки предметов, процессов и других явлений в том случае, если они способны быть препозитивными атрибутами (исключение составляют прилагательные, употребляемые только предикативно). Затем предлагается внутренняя классификация прилагательных на основе дистрибутивной функции: 1) прилагательные, употребляемые только атрибутивно (*erden, baldig*), 2) прилагательные — только предикативы (*gewahr, gram...*), 3) прилагательные, употребляемые атрибутивно и адвербиально (*anfänglich, baulich*); 4) прилагательные, употребляемые атрибутивно, предикативно и адвербиально (*gut, streng...*).

В заключение приводятся прилагательные и наречия — омонимы: *auf ebener Straße, der Zug ist eben angekommen; er hat ganze Arbeit geleistet, ganz kleine Bissen*.

В отличие от всех рассмотренных выше статей статья Х. Шницбардта «Методы классификации слов для автоматической обработки явлений языка» преследует цель показать, каким образом лингвистические данные могут явиться основой методики автоматической обработки языка для машинного анализа текста и практики перевода. Проводится мысль,

что при этом релевантны те же методы, что имеют место в логике и теории познания. Необходимо прежде всего лингвистическая база: анализ при существенной роли классификации частей речи.

Как явствует из краткого разбора статей сборника, они разнообразны по теоретическим посылкам и анализируемому материалу. Тем не менее могут быть выявлены общие черты, объединяющие статьи и оправдывающие их подачу в общей работе:

1. Эксплицитность критериев классификаций частей речи, характерная для современной лингвистики в противоположность их имплицитно принимаемым признакам в большинстве традиционных грамматических работ.

2. Признание системности частей речи на основе совокупности трех основных критериев при примате одного из них (колебания имеются в основном между семантическим и синтаксическим критериями).

3. Стремление связать грамматическое учение о частях речи, независимо от принимаемых критериев, с логикой и теорией познания.

4. Наряду с тенденцией к сокращению числа частей речи (наблюдаемой в основном у зарубежных авторов) внимание к отдельным категориям слов, ранее не выделяемым (модельные слова, частицы, проформы и некот. др.).

5. Хотя грамматика текста не является предметом данного сборника, в отдельных статьях она попутно затронута (см. статьи О. Москальской, Е. Гулыга, Фюлей и некот. др.).

В целом сборник представляет интерес именно тем, что он содержит, как то подчеркивает его издатель, дискуссионные вопросы, подлежащие дальнейшей разработке. Следует отметить также, что большинство статей могут быть непосредственно использованы в методических целях преподавания языка и частично (принимая во внимание статью Х. Шницбардта) для практики машинного перевода.

Степанова М. Д.

А. К. Шагиrow. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков,
отв. ред. чл.-корр. АН ГрузССР К. В. Ломтатидзе, т. I — А — Н, 290 стр.,
т. II — П — I, 224 стр. — М., «Наука», 1977.

Выход в свет первого «Этимологического словаря адыгских (черкесских) языков» А. К. Шагиrowa — значительное событие в исследовании иберийско-кавказских языков. В словаре дается словообразовательно-этимологический анализ основных пластов лексики адыгских языков.

Словарь состоит из двух томов. Первый том представлен тремя частями: «Введение», раздел «Источники и принятые сокращения» и основная часть — этимологическая разработка адыгских слов (А—Н). Вводный раздел Словаря имеет самостоятельную ценность как краткая, но содержательная теоретическая работа по ха-

рактике задач, методов этимологических исследований на современном этапе и о предпосылках создания этимологического словаря. Далее следует этимологический анализ 986 слов.

Второй том Словаря состоит из основной части, заключающей в себе анализ 564 слов (II—I) и указателей. Наличие семантического указателя и указателя материала других языков значительно облегчает работу со словарем.

Различным аспектам исследования словарного состава адыгских языков с привлечением материала других иберийско-кавказских языков автор Словаря посвятил около четверти века. Это говорит о том, что созданию «Этимологического словаря» предшествовала большая предварительная работа исследователя по изучению лексики данных языков.

Научная актуальность и важность этимологического словаря бесспорны и очевидны. Ценность рецензируемого Словаря усиливается еще и тем, что он, прослеживая генетические связи слов, восстанавливает и историю лексики младописьменных адыгских языков, отчасти выполняя, таким образом, и роль исторического словаря. Создание этимологического словаря младописьменных языков поставило автора перед рядом специфических трудностей объективного характера.

Хотя в области изучения адыгских языков, исследования их фонетической, лексической, грамматической системы и разработки сравнительно-исторической фонетики, лексики сделано немало, а труды советских и зарубежных кавказоведов создали необходимые предпосылки для этимологического анализа адыгской лексики, отсутствие традиций глубоких этимологических исследований, более или менее полных толковых, а также сравнительных, исторических и диалектологических словарей затрудняло задачу составления этимологического словаря.

Имеется и целый ряд других объективных факторов, осложняющих работу составителя этимологического словаря младописьменных адыгских языков: отсутствие древних письменных памятников, малокоинсонантный характер фонологической структуры корней (основ), наличие большого числа омонимов, особенности в установлении регулярных соответствий в абхазско-адыгских языках, вероятное исчезновение генетически близких звеньев и т. д.

Несмотря на наличие подобных специфических причин, загромождающих этимологические разыскания, А. К. Шагирову удалось создать труд, являющийся результатом кропотливой исследовательской работы и отвечающий современным принципам этимологических исследований.

Словарь построен в основном на общеадыгском лексическом материале, заглавный словарь состоит главным образом из общенародных слов. При наличии каких-

либо расхождений на первое место в заглавном словнике выдвигается кабардинский вариант. Выбор составителя объясняется тем, что фонетический облик, так же как и морфологическая и семантическая структура слов кабардинского языка, претерпели более значительные изменения по сравнению с другими адыгскими языками.

Близкородственные адыгские языки наглядно иллюстрируют, как в процессе исторического развития этимологически прозрачные формы одного из родственных языков (в данном случае адыгейского) становятся неузнаваемыми, неясными, как изменяется соотношение частей слова и как затемняется его внутренняя структура, см., например, каб. *ыбэзэ* «проклятие» и адыг. *бъыбэзэ* (из *бъ н* «проклонять» + *бэзэ* «язык»), каб. *абгъуэ* «гнездо» при адыг. *набгъуэ* (из *нэ* «глаз» + *бгъуэ* «широкий») и др.

Составитель словаря не ставил перед собой задачи реконструировать адыгские праформы и пражначения. Но хотя А. К. Шагиров исходит не из протоадыгских (проточеркесских) реконструкций, он стремится, «не связывая себя рамками определенного хронологического уровня, дать этимологический анализ как общеадыгской, так и специфической для отдельных адыгских языков лексики» («Введение», стр. 23).

Лексико-семантические реконструкции протоадыгского хронологического уровня в большинстве случаев сопоставляются с данными родственных языков, но и в этих случаях автор стремится «по возможности производить внутренний этимологический анализ материала» (там же). Таким образом, рамки словарной статьи не ограничиваются ретроспективной этимологией, и автор не довольствуется констатацией общеадыгской праформы: прослеживание формальной и смысловой истории лексем, выяснение генетических связей исследуемых слов подчинено установлению этимологии слова.

Ключевые слова этимологического словаря представляют основные пласты лексики адыгских языков. Среди этимологизируемых слов преобладают имена, что частично объясняется большой прозрачностью составных частей (корня, основы и формантов) большинства глаголов. В словарной статье представлен почти полный справочник по этимологии заглавного слова. Поиски происхождения слова начинаются с критической регистрации существующих этимологических версий и толкований состава структуры слова. Словарная статья построена таким образом, чтобы высказывания отдельных авторов, дополняя друг друга, давали представление о строении и составе слова. Таким образом, словарная статья, кроме заглавного слова, включает справочный раздел и основную часть, где представлен этимологический анализ слова.

Особого внимания заслуживает то, что составитель выдерживает последовательность авторства этимологий, предложенных в литературе.

Словарная статья характеризует большую емкостью, лаконичностью и выразительностью. При наличии приемлемых этимологических решений в литературе А. К. Шагиров двумя-тремя словами определяет свое отношение к существующим этимологиям (см. слова *бадэ* «муха», *блэн* «гореть», *блы* «семь» и т. д.).

При составлении этимологического словаря максимально учтен материал, представленный в специальной литературе по абхазско-адыгским и другим иберийско-кавказским языкам.

Для восстановления древних и утраченных значений слов широко применяется метод внутренней реконструкции. В большинстве случаев он сочетается со сравнительно-историческими и типологическими сопоставлениями с другими родственными и неродственными языками; см.: *армуу/армэу* «нескладный, неуклюжий» (каб.), «лентяй» (адыг.), *гъавэ/гъажъуэ* «хлеба в зерне, на корню; урожай зерновых» (каб.), «просо в зерне» (адыг.), *гъышыгъ/гъыгъ/гъышъ/гъышъы* «жалость; милосердие; пощада», *гъышыгъ/гъышъы* «шутка» (каб.) «слово; речь» (адыг.) и др.

Знание звуковых закономерностей исследуемых языков и установленных в них звуковых соответствий дает возможность автору Словаря удачно расшифровать затемненные значения слов, реконструировать исчезнувшие из адыгских языков лексические единицы или компоненты сложных и производных слов; см. слова: *бэзгъурацъ* адыг. «косноязычный», в каб. *бэзгъурафэ*, *бэзгъуэрэф*; *джэныжъу* адыг. «очаг; место перед очагом»; *дзасэ/цацэ* «вертел»; *дыгъ/цыгъэ* «доверие; решительность», *гъывэн/гъыжъуэн* «задерживаться; запаздывать»; *гъыгъэн* «надеяться, иметь надежду»; *дзэгу/цакъуэ* «тупой (не острый)»; *дыгъгъэ/цыгъгъэ* «мышь»; *гъэмагъуэ/гъэмаф* «лето»; *пабжэ* каб. «кустарник; кусты; заросли», «бурьян»; *шуу/шыуы* «всадник» и т. д.

Автор Словаря исключительно широко привлекает материал родственных абхазско-абазинских языков. Все сопоставления с родственными языками (нахскими, дагестанскими, картвельскими) проводятся на основе материалов, содержащихся в опубликованных трудах.

Большое место в Словаре отводится иноязычной лексике. Иноязычная лексика, выявленная исследователями не только иберийско-кавказских, но и индоевропейских и других языков, полностью учтена автором; см.: *алъп/алп* «сказочный конь-богатырь», *гъып/къып* «группа», *къей/къэй* «округ; квартал»; *къГин/къин* «апризный» (каб.), «трудный» (адыг.) и др.

Наряду с заимствованиями, ранее выявленными в литературе, А. К. Шагиро-

вым установлен иноязычный характер большого количества слов; см.: *алабгъуэ*, *хълабгъуэ/хълабгъу* «лещ»; *алмасты/къуылбасты* «кикимора»; *амыкъан* «бязь»; *басмэ* «ситен»; *бохъшэ* «кошелек, бумажник»; *брул/бырул* «чалый»; *быж* «пряжка»; *гъэбэнэч/гъуэбэнэч* «пастуший войлочный плащ»; *гъул* «озеро»; *гъулмдын/къуылымдан* «газовый головной платок»; *жагъын/джаргъэн* «воровистый (о лошади)» и т. д.

Сравнительно-сопоставительный анализ во многих случаях позволяет автору выявить заимствования из адыгских языков. В Словаре зафиксированы заимствования из адыгских языков в абхазском, абазинском, осетинском, ногайском и других языках.

В ряде случаев составитель обращается к экстралингвистическим фактам для подтверждения, предполагаемых этимологий или отклонения неприемлемых суждений; см.: *жор/джор* «крест», *темэн* (адыг.) «плавни», *тгъэ* «бог» и др.

Идеосемантические сопоставления, проводимые автором, дополняют и подтверждают этимологический анализ, проведенный при помощи сравнительного метода; например, *армуу/армэу* «нескладный; неуклюжий» (каб.), «лентяй» (адыг.) разъясняется с помощью родственного убыхского языка (убых. *армау* «лентяй» при *армэ* «левый», и одновременно для подтверждения подобного семантического перехода дается ссылка на франц. *gauche* «левый; неловкий; нескладный; неуклюжий»).

Большинство оригинальных этимологий, раскрытых автором Словаря, убедительны и поражают кажущейся простотой решения вопросов состава и происхождения этимологизируемых лексических единиц: *пагэ* «гордый; высокомерный, надменный» из *пэ* «нос» и *гы* ← *бгы* «гора»; *пабжэ* (каб.) «кустарник; кусты; заросли; бурьян», в адыгейском: *пабжэ(э)* — *архаизм* — «густая высокая трава» — членится на *па* из *пэ* «растение» (ср. абх. *па* в *а-пашу* «корень (растения)» и *бжэ* «то, что выдается, возвышается» и др.

Учитывая определенную недостаточность существующих методов, а также ряд других объективных причин, затрагивающих этимологический поиск, А. К. Шагиров предельно осторожен в своих выводах и старается избегать категорических суждений. Но несмотря на это, как и в любом этимологическом словаре, достоверность отдельных этимологий представляется спорной.

1. Непосредственно составляющими *псылъэбан* (контекстное — *псылъэбанэ*) «лука» автор признает *псылэ* и *бан* ← *абанэ* «ямка». Фактически в данном случае налицо атрибутивное лексикализирующееся словосочетание. В «Адыгейско-русском словаре» даны две взаимоисключи-

чающие друг друга орфограммы: 1) *псыльэбан* «лужа», 2) в словарной статье *лъэбан*: 2. *Псы лъэбан* «лужа». В этом же слове *лъэбан* приравнивается к *лъэгуан* со значением «низина; низменность». Этимологизируемая единица по существу не успела окончательно лексикализироваться, чем объясняется и орфографический разбой в ее написании. *Лъэ* — является частью второго компонента, и его нельзя толковать как суффикс со значением «вместилище».

2. Слово *абанэ* адыг. «лунка (для растений)» представляется как возможное иноязычное заимствование из тюркских языков (ср. казах. *абан* «старый, обвалившийся колодец»). Тюркский пласт в адыгских языках велик, но в Словаре нам представляется несколько преувеличенным слой иноязычной лексики, особенно заимствования из тюркских языков. Из-за отсутствия древней письменности, большого количества утерянных в близкородственных языках лексических единиц, ряд исконных слов здесь трудно этимологизировать.

Сопоставление ряда слов с однотипными по форме и близкими по значению словами неродственных языков не всегда убедительно, так как не исключена возможность случайных совпадений. Сомнения вызывает в первую очередь ряд лексем, источник которых возводится автором к тюркским языкам. По звукосоответствиям и звуковым законам адыгских языков некоторые лексические единицы должны быть отнесены или к исконной лексике, или к заимствованиям древнейшей поры, к которым исторически трудно причислить заимствования из тюркских языков.

К подобным лексическим единицам относится и, вероятно, *абан* (э), *лъэбан* «лужа». Иноязычный характер данной лексемы трудно обосновать и лингвистически (ср. переход *п* в *б* и в адыгском и в кабардинском), и экстралингвистически. Понятие «старый, обвалившийся колодец» имеет определенную социальную значимость в условиях безводных пустынь, но оно менее существенно для народов Северного Кавказа. Представляется более вероятной связь слова *абан/лъэбан* с корнем глаголов *ы-лъэ-уы-ба-гъ* «он втоптал; затоптал; утрамбовал», *р-и-уы-ба-гъ* «набил», (ср. *кы-р-бы*, *кы-м-бы*, *бы*).

3. Слово *пашьIэ/пачIэ* «ус; усы» этимологизируется как «дно носа» со ссылкой на возможность чередования *чьIэ/чIэ* по литературным источникам. В современном адыгейском языке имеются некоторые случаи смещения *чьI* и *чI*, но превербь *чьIэ* и *чIэ* материально и функционально являются разными формантами: *чIэ* «обратная сторона; нижняя сторона; низ» (например, *чIабээ* «подкладка»), *чьIэ* «дно». Для этимологии слова

пашьIэ/пачIэ как «дно носа» необходимо обосновать переход *чI* в *чьI*.

4. *Бэйауын* «умолкнуть; успокоиться; перестать» — кабардинский вариант. Не приводится адыгейская форма: *бийауын*.

5. Учитывая экспансию султанской Турции и Крымского ханства на Северном Кавказе в XVI—XVIII вв., исторически как будто можно принять семантическое изменение татар. *би* «князь» в кабардинском языке в *бий* «враг; противник», но наличие звукосоответствий *п/б* указывает на более древний период появления слова в адыгских языках, если даже предположить его иноязычный характер. Кроме того, если оно восходит к тюркским языкам (татар. *би*, балк. *бий* «князь; вельможа; господин»), то необходимо объяснить причины оглушения в адыгейском языке начального *б*: *б* → *п*.

6. *Дзэсэ/цаэ* «вертел» этимологизируется сравнением первого компонента *дзэ/ца* с абхаз. *а-ца* «горячий; злой; обжигающий» и второго компонента *цаэ* с *сэ* «нож». Первый компонент вероятнее связать с *дзэ/цэ* «зуб; зубец; резец» (см. словарную статью *дзэ/цэ* «зуб; зубец; лезвие; резец»).

7. *Йэбз* «навоз», думается, скорее этимологизируется как исконное слово, а не заимствование из тюркских языков: *йэ* «плохой» + *бз* суффикс интенсивности — «сплошь плохой, совсем плохой».

8. *АдрышьI/адрэчI* «противоположная сторона (обычно реки)» членился на *адрэ* «другой» и *шьIы/чьIы* «земля». Этимология слова, как и в слове *пачIэ*, основывается на перебое превербов *чьIэ* и *чIэ*. Данное положение представляется спорным. Примеры, приводимые для подтверждения перебора, показывают, что эти превербь имеют разное значение: *чьIэлъхъан* «подложить»; (см. также *чьIэгъэуыцъэн* «подставить» и др.). но *чIэдэн* «подшить», *чIэIуыIэн* «подбить», когда имеется в виду не местонахождение под предметом, а «низ; нижняя, обратная, противоположная верху сторона». Отсюда *чIабээ* «подкладка» и т. д.

9. *Гъэгъэн* каб. «цвести». В адыгейском языке имеется и *къэгъэгъэн* «цвести; расцветать», а не только описательно: *къэгъэгъэ хъуын*. Глагол *къэгъэгъэн* «цвести» не оказался зафиксированным словарями адыгейского языка, но см., например, в сб. Х. Беретаря «Шульэгту закъу» («Единственная любовь»): *Мэкъэгъэгъэх сэ сичъыгхэр, мэкъэгъэгъэх...* (стр. 56).

10. При этимологизации *йэмьлыдж/йэмьлыч* «дикий, необъезженный» автор не учел статью, где представлено, на наш взгляд, убедительное разъяснение данного слова¹.

¹ И. Г. Добродомов, К этимологии марийского названия лошади, «Советское финно-угроведение», 1970, VI.

Несмотря на исключительно трудный набор, Словарь издан на высоком издательском, полиграфическом уровне и отвечает современным требованиям, предъявляемым к научным изданиям.

В написании некоторых слов (их перечень невелик) допущены опечатки: I: стр. 39 *ш'Іу-S'⁰* надо *ш'Іу = S'⁰*; стр. 52 *бежитинский* надо *бежитинский* или *бежитинский*; стр. 63 *аръан* надо *аръан*; стр. 141 *adāb* надо *'adāb* и др.; II: стр. 190 *а-ўыра* 1296 надо *а-ўыра* 1294; стр. 192 *бэкхъэ* 181 надо *бэкхъэ* 179; стр. 197 *цъэ* — 214, 573 надо *цъэ* — 573; стр. 207 *зохо* надо *зохо*; стр. 208 *дошув* 24 надо *дошув* 424; стр. 210 *'alūfa* 1299 надо *'alūfa* 1292; стр. 212 *ar* надо *ʔar*; стр. 212 **gaušayati* 285 надо **gaušayati* 286; стр. 215 *курт* (диал.) 426 — *курт* (диал.)

772; стр. 215 *лаговка* (диал.) 772 — *лаговка* 788.

В целом «Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков» подытоживает собой определенный этап в изучении адыгских языков. Глубокое и тонкое знание лексики адыгских языков, использование методов современного этимологического анализа, владение материалом близкородственных языков позволили А. К. Шагрову создать ценное исследование, представляющее большой интерес не только для представителей иберийско-кавказского языковедения, но и для этимологов широкого профиля и представителей других наук (историков, этнографов, работников культуры и т. д.).

Керашева З. И.

«Русская разговорная речь. Тексты». Отв. ред.: Е. А. Земская и Л. А. Кацанадзе. — М., «Наука», 1978. 307 стр.

Авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь» (М., «Наука», 1973), вызвавшей многочисленные отклики ученых, сглубиковали новую книгу под близким названием, преследующую иные цели и задачи. Если в монографическом описании разговорной речи анализировались ее основные признаки и внутрисистемные отношения, то рецензируемая книга представляет собой хрестоматию текстов — магнитофонные записи русской устной литературной разговорной речи, переведенные в письменную форму. Хрестоматия, подготовленная сотрудниками Института русского языка АН СССР — это первый опыт научной публикации живой русской разговорной речи.

Изучение живой разговорной речи (далее — РР) в ее непосредственной записи началось, как известно, совсем недавно. Оно интенсивно развивается, сформировавшись в одно из наиболее перспективных направлений современного языковедения¹. Однако исследователи письменной формы литературного языка, живо интересуясь РР, не имеют четкого представления об объекте анализа «разговорников». И в этом нет ни-

какого парадокса: говорящие не фиксируют внимание на своей речи, фактически не слышат ее и поэтому не могут судить о ней на строго научных основаниях².

Возникают вопросы: «Как мы говорим?», «Что представляет собой живая, безыскусственная речь?», «Чем отличается она от строго нормативного литературного языка?». Ответ на эти и многие другие вопросы мы найдем в рецензируемой хрестоматии. Правда, при осмыслении этого ответа у читателя возникнет еще больше вопросов, но это, как думается, не недостаток хрестоматии, а ее основная цель: дать реальное представление о нашей каждодневной речи и вызвать интерес лингвистов к ее всестороннему изучению.

Во вступительной статье к хрестоматии (стр. 3—26) обосновывается авторское понимание РР и задач ее исследования, обсуждаются принципы ограничения РР от сосуществующих с ней речевых сфер, определяются жанры РР, говорится о методике записи и приемах передачи РР на письме, рассматриваются некоторые паралингвистические свойства язы-

¹ Формирование и развитие этого направления в значительной мере определялось исследованиями советских русистов. Кроме указанной уже монографии «Русская разговорная речь» (1973), см. также: Г. Г. И н ф а н т о в а, Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи, Ростов-на-Дону, 1973; О. Б. С и р о т и н и н а, Современная разговорная речь и ее особенности, М., 1974; О. А. Л а п т е в а, Русский разговорный синтаксис, М., 1976. Библиографию и обзор литературы по проблематике РР см. в названных работах.

² Авторы рецензируемой хрестоматии напоминают данные эксперимента, описанного еще в их монографии 1973 года: «Когда большую группу весьма образованных лиц спросили, можно ли в бытовой речи употребить форму типа „Грибы я рада что купила“, многие с гневом отвергли такой порядок слов. Между тем установлено, что это одно из характернейших построений устной речи» (стр. 7). К сказанному следует добавить, что тогда же, т. е. в 1973 г., авторы констатировали: «Результаты этого опыта не принесли нам неожиданностей» («Русская разговорная речь», 1973, стр. 37).

ка. В этом широком круге вопросов особое место отводится принципам отбора информантов и характеристике их речевого поведения. К информантам предъявлялись строгие, если не ригористичные требования. На магнитофон записывались только москвичи и ленинградцы, родившиеся и выросшие в городе, имеющие высшее и среднее образование, для которых русский язык является родным. Такие принципы отбора информантов, не будучи необходимой предпосылкой всякого изучения РР, исключают иноязычное и диалектное влияние на записываемую РР и, не оставляя сомнений в нормативности языка информанта, позволяют представить РР в наиболее чистом виде (без примеси просторечия и жаргона).

Запись РР на магнитофон при ее кажущейся простоте — дело необыкновенно трудное. А подготовить из этих записей хрестоматию, составленную по заранее продуманному плану, строго отражающую живую речь, разнообразную по жанрам и тематике и, наконец, просто интересную для чтения, значительно труднее. Поэтому не приходится сомневаться в том, что работа составителей была весьма трудоемкой и сложной.

В хрестоматии строгая и четкая рубрикация: два первых раздела («Фонетическая транскрипция», «Интонационная транскрипция») выделяются как особые виды транслитерации РР, все остальные разделы представляют собой группировку текстов по их жанровым и тематическим признакам. Тексты первого раздела (стр. 27—41) даются в двух вариантах: в фонетической транскрипции и в орфографической записи. Помимо обычных, в транскрипции используются дополнительно введенные авторами знаки. Во втором разделе (стр. 42—79) мы видим попытку представить интонационное богатство звучащей речи. Для обозначения интонационных конструкций используется система знаков Е. А. Брызгуновой (с некоторыми добавлениями к ней). Все эти записи дают достаточно полное представление о фонетике РР, но идеальной формой издания хрестоматии была бы, конечно, запись этих разделов на пластинках или магнитофонной ленте.

Основной корпус текстов составляют записи трех жанров — рассказы, диалоги, полилоги (стр. 80—218). Если в кодифицированном языке границы между жанрами являются более или менее определенными, то в РР эти границы размыты, и один жанр естественно перетекает в другой. Подчеркивая это обстоятельство, составители хрестоматии вместе с тем отмечают, что жанровое членение РР не совпадает с соответствующим членением речи кодифицированной. Так, например, совершенно различной оказывается значимость реплик в этих двух сферах общения: монологу (кодифици-

рованный язык) они противопоставлены, рассказ же (РР) практически без них не бывает, здесь они вполне естественны и даже необходимы. Эта особенность сближает рассказ с диалогом — самым распространенным жанром РР. Коммуникативные условия предопределяют разнообразие видов диалога. Одна из наиболее обособленных его разновидностей — разговорная миниатюра (микродиалог), т. е. «такое общение людей, когда почти все задано ситуацией и „общностью ашперцепционной базы“» (стр. 15). Полилог — это беседа нескольких активных участников. При таком жанре речи ряд диалогов или полилогов проходит параллельно, временами перекрещиваясь.

Жанровое своеобразие записей предопределяет в известной мере и их тематику. В рассказе преобладают воспоминания информанта о прошлом: впечатление о походе по Крыму во время легкого отпуска, разговор о музыкантах и концертах прошедшего фестиваля, рассказ о давнем путешествии по Италии и др. Среди записей этого жанра особо хотелось бы выделить воспоминания писателя Л. В. Успенского об известных филологах — Б. А. Ларине, Н. К. Дмитриеве, Б. А. Эйхенбауме (стр. 80—88). В диалоге обсуждаются события, обычно так или иначе связанные с настоящим — моментом речи, что ярче всего проявляется в записях телефонных разговоров и микродиалогов. В полилоге, который удачно определяется авторами как «нерасчлененная языковая полифония», выступает беседа о явлениях и событиях прошлого, значимость которых актуальна для настоящего и для всех или многих участников речевого акта. Но тематическая концентрация в определенных жанрах не является замкнутой, и не случайно поэтому в разделе «Диалоги» мы находим две записи (стр. 134—143) с воспоминаниями о детстве и юности.

В разделе «Языковое существование» дано семь записей. Особый интерес вызывает первая — «День в семье» (стр. 218—230) — «языковая жизнь» семьи в течение одного дня. В текстах этого раздела господствует диалог, который нередко тесно смыкается с разговорной миниатюрой (в следующем разделе — стр. 253—261), так как в том и другом случае развитие речевого акта определяется исходной или только что возникшей конситуацией.

В заключительных разделах хрестоматии представлены стереотипы РР и формулы этикета (стр. 269—305). Здесь мы находим образцы и формулы общения в магазине, у газетного киоска, в пригородных кассах, при покупке мороженого, газированной воды и т. д. Публикация этих записей нам представляется совершенно необходимой, поскольку стереотипы — это «готовые формулы не только с точки зрения их морфологосинтаксической структуры, но и с точки

зрения их лексической наполненности» (стр. 269—270). На эту область языка лингвисты, к сожалению, почти не обращали внимания, и мы, пожалуй, еще не осознаем в полной мере ее социальной значимости. Однако если бы стереотипы и формулы этикета были изучены, рекомендованы к нормативному использованию в сферах массовой коммуникации и активно усвоены говорящими, то в социальном климате большого города могли бы произойти некоторые благоприятные изменения. Хрестоматия не отражает, естественно, всего разнообразия стереотипов, но сама публикация их образцов вызовет исследовательский интерес и будет способствовать их дальнейшему обстоятельному изучению.

Характеризуя состав хрестоматии, нельзя не сказать о неприметной, но важной особенности всех публикуемых записей: в тексте последовательно даются пояснения, касающиеся констигуации. Эти краткие, точные, а потому и незаметные ремарки вместе со вступительным представлением информантов позволяют воссоздать процесс речевого акта и учесть причины и условия его развития.

Рецензируемая хрестоматия воспринимается как естественное продолжение предыдущей работы авторского коллектива, с которой мы знакомимся в монографии, опубликованной в 1973 г. Научные результаты исследовательского описания РР находят в хрестоматии вполне убедительное подтверждение. Но теперь за этими результатами мы яснее и четче видим большой и далеко не простой труд авторского коллектива, руководимого Е. А. Земской. Так, например, нельзя не заметить, что некоторые явления морфологии и синтаксиса, обстоятельно характеризованные в монографии 1973 г., встречаются в хрестоматии отнюдь не на каждом шагу, и, следовательно, их анализ потребовал изучения («прослушивания») большого текстового материала.

Отметим и такой примечательный факт. В языковых примерах монографии, рассматриваемых по другому поводу, изредка встречается предикативное употребление полной и краткой формы прилагательных, выступающих в качестве однородных членов предложения. В хрестоматии нам не удалось зафиксировать ни одного такого примера. Эти факты свидетельствуют, как думается, о том, что РР обладает неисчерпаемым богатством выразительных средств и о том, что природе своей сиюминутны, трудно доступны для изучения и поэтому могут просто не попасть в поле зрения исследователя, если он не располагает достаточно большим количеством записей, подобных тем, которые представлены в хрестоматии.

Следует также сказать и о том, насколько ярче стали наши представления о живой («летучей») РР: едва ли не на каждой странице хрестоматии мы обна-

руживаем необычные или редкие для кодифицированного языка построения, своеобразный порядок следования компонентов синтаксических единиц, выразительные номинации, незабываемые окказионализмы. Приведем несколько примеров из «Рассказа о походе», по которым, как думается, можно будет судить и о методике записи текстов хрестоматии, и о некоторых свойствах русской РР. Ср.: «По этому каньону мы шли-шли / Андрей конечно хотел его насквозь пройти // Потом... Ира... (девочка) провалилась в воду/бедяга/ в ледяную воду/но она вот просто мужественный человек/она только в тот момент когда упала/она (изображает прерывистое дыхание) так вот... знаешь/испугалась/вот так/судорога от холодной воды/ну потом она моментально стала улыба-а-ться всем/чтобы подбодрить» (стр. 90); «Мы идём-идём/идём-идём/с ребё-о-нком/идем одно бревно/другое/мы думаем там еще бревнее есть бревно» (стр. 91); «Поднимаемся/поднимаемся по склонам/притом да/эти шлемовидные/они значит сказали/мы вам будем засечки оставлять на деревьях//» (стр. 92). Языковые особенности, представленные в приведенных отрывках (повторы, окказионализмы, значимость интонации и удлинения гласных, ритмичность и прерывистость речи, свободная связь синтаксических структур и др.), не могут не привлечь внимания. Анализируя их, мы приходим к выводу о том, что все эти особенности не являются особенностями РР, это ее обычные свойства, которые, однако, известны нам скорее из лингвистической литературы, чем из повседневной жизни, в своей речи мы их просто не замечаем.

Особая значимость русского языка в современном мире обуславливает непреходящий интерес исследователей к его функционированию в разговорной форме. Миллионы людей во многих странах мира учатся говорить по-русски. И научное изучение русской РР, и практическое знакомство с нею теперь, после публикации рецензируемой хрестоматии, трудно уже представить без сборников текстов живой речи — разнообразных по замыслу, целям, содержанию. Такие издания позволяют осуществить всесторонний и углубленный исследовательский анализ русской РР, они необходимы высшей школе для развития филологического образования, они будут иметь широкий круг читателей и, конечно же, найдут самое активное применение в преподавании русского языка нерусским. Составление и издание новых сборников текстов русской РР — задача первостепенной важности. Хрестоматия «Русская разговорная речь. Тексты.», заслуживающая общего внимания и самой высокой оценки, может быть образцом для последующих изданий живого русского слова.

Чернов В. И.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

27 февраля 1979 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР состоялось заседание, посвященное памяти акад. В. М. Жирмунского.

В кратком вступительном слове чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая отметила огромную роль творческого наследия акад. В. М. Жирмунского в отечественной и мировой германистике.

В докладе «В. М. Жирмунский о структуре немецкого языка эпохи нации» А. И. Домашнев показал, что в публикациях разных лет В. М. Жирмунским были высказаны суждения, совокупность которых формулирует концепцию, отражающую оригинальную интерпретацию структуры современного немецкого языка¹.

В докладе В. М. Павлова «Проблемы немецкой исторической грамматики в исследованиях В. М. Жирмунского и его школы в 30-е годы» внимание было сконцентрировано на вопросе об актуальности, которую сохраняют до настоящего времени монография В. М. Жирмунского «Развитие строя немецкого языка» (1935) и материалы сборника статей «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении» (1935) под его редакцией и с его статьей «От флексии к анализу».

И. П. Ивановна в своем сообщении «Роль В. М. Жирмунского в развитии отечественной англистики» отметила, что В. М. Жирмунский нередко обращался в своих трудах к английскому языку. В главе 8-й «Введения в сравнительно-историческое изучение германских языков» дана история становления древне-английского из племенных диалектов и отмечены черты, сближающие кентский диалект с фризским. Очень важно указание на то, что в завоевании Британии

участвовали не юты (скандинавское племя), а эуты, соседствовавшие с франками. В книге «Национальный язык и социальные диалекты» изложены основные пути и этапы становления германских национальных языков, в том числе и английского.

В. М. Жирмунский строил обобщения на строго объективном анализе фактов языка, поэтому, если явления языка не соответствовали той или иной теории, он допускал существование переходных форм, не пытаясь заключить их насильственно в готовые жесткие рамки. Его концепция языка как нежесткой системы логически вытекала из исторического изучения языка.

Смирницкая С. В. (Ленинград)

*

23—24 октября 1978 г. в Дессау (ГДР) проходила Республиканская научная конференция по теоретическим и методологическим проблемам языкознания, на которой с докладами выступили многие известные представители этой науки из ГДР и СССР. О важности конференции свидетельствует также участие в ней представителей других общественных наук (философии, науковедения); их доклады в рамках дискуссии показали, что решаемые в этом круге проблем вопросы носили отчетливо междисциплинарный характер.

Конференция была организована совместно Советом языкознания Центрального института языкознания АН ГДР и Секцией «Теоретическое и прикладное языкознание» университета им. Карла Маркса в Лейпциге. Она явилась результатом интенсивной работы ученых ГДР за истекшее десятилетие над коренными проблемами языкознания как марксистско-ленинской общественной науки. Это нашло свое отражение прежде всего в

¹ Доклад А. И. Домашнева будет опубликован в одном из номеров журнала «Вопросы языкознания» за 1980 г.

основополагающем труде «Теоретические проблемы языкознания» («Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft», I—II, Berlin, 1976). Говоря о задачах лингвистической методологии в ГДР, председатель Совета языкознания, А. Нойберт (Лейпциг) в своем вступительном слове отметил, что задача заключается в дальнейшем укреплении методологических принципов марксистского языкознания и что узловые пункты лингвистического исследования — диалектический и исторический материализм, теория языка и практика общественной коммуникации — должны рассматриваться не только как единство, но и что это единство необходимо последовательно реализовать в конкретных исследованиях. А. Нойберт подчеркнул также важность методологических проблем, приобретающих все большее значение и для языкознания, что связано с возрастающей ответственностью языкознания за свой собственный вклад в развитие марксистско-ленинских общественных наук и достигнутый уровень лингвистического исследования. Он указал на необходимость основательной оценки теорий и методов, относящихся к обоим комплексам проблем, — «язык — мышление» и «язык — общество» и имеющих большое значение в международной дискуссии. В этой связи были затронуты некоторые аспекты буржуазных концепций социалингвистической ковариантности и теории речевых актов.

Уже из первого доклада ясно — и это подтвердили многие выступившие на конференции, — что речь идет о сложных связях между различными аспектами предметной области языкознания (в том числе его самоопределением), вытекающими отсюда общими методами и оценкой частных методов и приемов исследования. И именно в решении этих вопросов должны быть получены еще более эффективные результаты. Поэтому настоящая конференция и выдвинула задачу — укрепить методологическое сознание, понимаемое с марксистских позиций как стимулирование систематического анализа исследовательского процесса.

На конференции было прочитано девять основных докладов, семнадцать сообщений, был поставлен целый ряд вопросов и замечаний.

Г. В. Степанов (Москва) в своем докладе «Соотношение общей методологии и специальных методов языкознания» говорил об ответственности языкознания за чистоту марксистско-ленинской методологии. Эта ответственность возросла с тех пор, как на передний план лингвистического исследования все больше стали выдвигаться вопросы семантики. Он подчеркнул, что марксистско-ленинская общая методология не должна сводиться к анализу концептуального аппарата наук, а должна исследовать задачи науки в обществе и объяснять основные научно-

теоретические понятия, например, такие, как понятия конкретного целого, отношения, существенного, логического и исторического и др. Конкретизация результатов осуществляется затем при помощи специальной методологии частной науки и прежде всего путем определения ее специальной задачи. Лишь на такой основе можно теоретически оценить частные методы и построить иерархию методов данной науки. Поскольку же эта основа в настоящее время сформулирована в общем виде, ее необходимое развитие можно представить только эскизно. Г. В. Степанов продемонстрировал это на примере традиционной и структурной диалектологии, указав при этом на границы применимости структурных и математико-логических методов.

В докладе В. Ноймана, В. Мотча и В. У. Вурцеля (Берлин) «Вопросы определения предмета лингвистических теорий» была показана роль основных положений марксистско-ленинской философии при определении предмета лингвистики. Было показано что принцип материальности исследуемого объекта требует воспринимать языковую деятельность в ее реальном контексте, т. е. как специфический элемент общественного процесса воспроизводства. Только осознавая эту общую связь, можно определить предмет лингвистики, необходимые для его объяснения данные и специальные методы исследования. Предметом лингвистики является система знаний, охватывающая отношения между звуковыми структурами и значениями, составляющая и воплощающая в себе как систему социальных норм и правил, так и единство текста высказывания, совместного текста (Ko-Text) и реального контекста во все новых коммуникативных ситуациях. Эту систему знаний следует реконструировать из таких данных, как свойства высказывания, суждения говорящего, самонаблюдения и признаки социальных процессов и отношений. Отношение языкознания и теории языковой коммуникации рассматривается как отношение частичного совпадения, причем еще неясно, какие эмпирические и теоретические проблемы должна решать теория коммуникации.

Этот доклад своим оригинальным подходом к определению предмета лингвистики вызвал оживленную дискуссию. Были вопросы об основополагающем понимании языка: можно ли понимать язык только как механизм подчинения (Zuordnungsmechanismus) или как систему норм, какое отношение между системой языка и нормой, языком и языковым знаком? Определение предмета языкознания было воспринято частично как слишком узкое. Проблема подчинения значения звуку была затронута также в сообщении К. Вельке (Берлин).

В докладе Р. Ружицки, Р. Конрада, Г. Егера, А. Нойберта

и Г. Вальтера (Лейпциг) обсуждалось «Соотношение общей методологии и методологии лингвистики». Марксизм-ленинизм понимается авторами как общая методология тогда, когда он рассматривается в аспекте его регулирующей функции в научной деятельности. Общая методология соотносится с частной методологией двояким образом. Во-первых, она обеспечивает «теоретическое понимание» данного предмета как диалектически построенного целого в его отношении к другим явлениям; этим создаются необходимые условия для выбора и развития частных методов. Во-вторых, общая методология своей направленностью на цельность предмета управляет процессом развития каждой частной науки от эмпирически конкретного через абстрактное к теоретически воссоздаваемому конкретному. Устанавливаемые между общей и частной методологиями отношения существуют на основе интеграции наук и научных областей с той или иной ведущей наукой, обеспечивающей основное понимание общего предмета. Во второй части доклада был дан интересный анализ ряда примеров пренебрежения диалектикой в процессе лингвистического исследования [например, рассмотрение герменевтики как тщетной попытки преодоления позитивизма, языка лингвистики как методологической проблемы, о чем говорил и Б. Кёнигс (Лейпциг)].

Б. А. Серебренников (Москва) в своем докладе «О материалистическом понимании языка» дал анализ лингвистических точек зрения, которым свойственна односторонность подхода, как, например, непосредственное выведение всех свойств языка из конкретных общественных условий, интерпретация языка как анонимной структуры, абстрагированной от ее носителей и ее развития, а также логицистическое понимание языка, игнорирующее объективную диалектику внутри исследуемого предмета. Основополагающий признак марксистского понимания языка Б. А. Серебренников, ссылаясь на Ф. Энгельса, охарактеризовал следующим образом: язык следует понимать таким, какой он есть, без всяких чуждых привнесений. Б. А. Серебренников поставил также вопрос о специфике языкового развития, которое, по его словам, осуществляется без скачков. Вопрос о том, как все-таки происходят качественные изменения в языке, требует еще дальнейшего обсуждения.

Доклад В. З. Панфилова (Москва) «Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания» был посвящен ряду коренных проблем языкознания¹.

Г. В. Кошланский (Москва)

озаглавил свой доклад «Некоторые вопросы диалектики лингвистических исследований». Для него определение языкового знака есть пробный камень теории языка. Языковой знак он рассматривает как билатеральную, интересубъектную, одновременно индивидуальную и социальную величину, обеспечивающую языковую коммуникацию и тем самым общественный характер сознания. Языковые знаки и, следовательно, язык существуют только в коммуникации. Различие между языком и речью есть не что иное, как диалектика общего и частного. Каждый фрагмент коммуникации указывает категориальные свойства, детерминирующие его принадлежность к определенному классу языковых явлений. Для оценки метода отсюда следует: марксистско-ленинское языкознание может признавать только те методы, которые позволяют исследовать язык в его единстве как атрибут коммуникативной и познавательной деятельности.

Среди проблем, затронутых Б. В. Якушиным (Москва) в его докладе «Некоторые методологические аспекты прикладной семиотики», особое внимание привлекли его соображения о различных возможностях формализации языка и о природе языкового знака. Б. В. Якушин определяет знак как чувственно воспринимаемую данность, которая в процессе мышления и коммуникации используется для получения, хранения, преобразования и передачи информации и в этом отношении является носителем информации. Знак наделен значением, ибо с ним связаны указания на его применение, и он может пониматься как команда построения денотатов и общения с ними (с отражениями реальных явлений). С этой точки зрения коммуникация есть процесс построения или реализации знаковых указаний через передатчик или приемник. Исходные и конечные продукты этого процесса суть мысли, т. е. понятия в определенных отношениях. Анализ полученной таким образом семантической информации и ее многоступенчатого перекодирования в процессе коммуникации (например, знание — текст — знание), как и технические возможности ее применения, составляют предмет прикладной семиотики.

Дискуссия по прослушанным докладам показала, что понятие методологии, отношение между материалистической диалектикой как философским методом и методами частных наук, применимость понятия знака в лингвистике и его определение, соотношение диалектики и абстрагирующей идеализации, критерии расширения предметной области языкознания, как и сам предмет языкознания, образуют комплекс проблем, решение которых еще требует значительных усилий.

Важные проблемы были подняты и в сообщениях, причем некоторые из них

¹ Доклад В. З. Панфилова в переработанном виде опубликован в № 4 журнала «Вопросы языкознания» за 1979 г.

по своему содержанию непосредственно примыкали к основным докладам. Так, например, В. Гартунг (Берлин) в своем докладе «Общественный характер языка как предмет лингвистического исследования» развивает мысли докладчиков из Берлина (В. Нойман и др.), подробно остановившись на вопросе о детерминантах предметных определений. Он подчеркнул, что признак общественности языка можно адекватно определить только как внутреннюю связь языка и общества, а не как корреляцию двух независимых величин.

Мировоззренческий характер дискутируемых проблем лингвистического исследования подчеркнули многие основные докладчики и участники дискуссии, как, например, Г. Фейдель (Берлин). В этой связи большое значение имело на конференции и обсуждение философско-мировоззренческих установок определенных буржуазных направлений в языкознании и вытекающей из этого методики исследования. Э. Альбрехт (Грейфсвальд) осветил некоторые основные методологические течения в ФРГ, показав, что ни современные разновидности неопозитивизма (критический рационализм, операционализм, логицизм), ни модные герменевтические течения, стремящиеся объединить структурализм, феноменологию и герменевтику, в конечном счете не в состоянии научно познать объективную действительность. Он потребовал основательного и дифференцированного обсуждения этих вопросов. Д. Фивегер (Берлин) изложил некоторые аспекты интеракционистских теорий действий, противопоставив им материалистическую концепцию деятельности.

Участники конференции высказались за необходимость уделять больше внимания историческому методу исследования. Р. Эккерт (Лейпциг) подчеркнул, что язык следует рассматривать в его развитии, а не как нечто устоявшееся. Близкую точку зрения высказал и И. Шильдт (Берлин), который из анализа изменений в структуре форм существования немецкого языка первой половины XIX в. сделал некоторые выводы относительно необходимого расширения предметной области лингвистики.

У. Рикен (Галле) высказал мысль о необходимости разработки истории науки, которую не следует понимать главным образом как «поиски предшественника» для некоторых позиций, ибо такой подход привел бы к историзированному самоотражению и самоутверждению отдельных позиций современной лингвистики; по его мнению, необходимо направить усилия на исследование того, в каких направлениях идет и какими историческими мотивациями и препятствиями сопровождается развитие лингвистического познания. С конкретным вопросом из области истории языкознания (в частности, о понятии

лингвистического закона в первой половине XIX в.) выступил Г. Шмидт (Берлин).

На обсуждение был выдвинут целый ряд проблем, связанных с языковой коммуникацией. В некоторых докладах, например, речь шла о том, как можно использовать марксистскую теорию деятельности в конкретном исследовании процессов языковой коммуникации.

В. Шмидт (Потсдам) сделал попытку (с учетом сознательного поощрения коммуникативных навыков у учащихся) с помощью коммуникативных планов и действий добиться систематизации продуктивной коммуникативной деятельности. При этом под коммуникативными планами и действиями понимаются обобщенные отражения существенных компонентов общественной коммуникативной деятельности, которые усваиваются индивидуумом и находятся в его распоряжении как типы руководств к действию для решения конкретных коммуникативных задач. В этом плане функционально-коммуникативные признаки коммуникативных действий (т. е. специфические по содержанию признаки коммуникативных действий, в которых отражаются инвариантные признаки определенных классов коммуникативных предметов и определенных классов ситуаций) занимают ключевую позицию; они образуют связующее звено между действиями, с одной стороны, и особенно существенными для преподавания языка возможностями реализации языка — с другой. Об этих функционально-коммуникативных признаках говорил и П. Шиппан (Эрфурт). В дополнение к этому Г. Михель (Потсдам) для педагогической практики предложил модель построения текстов.

К. Менг (Берлин) в своем выступлении соопоставила существующие концепции исследования процессов языковой коммуникации, указав на необходимость основательного обсуждения затронутых вопросов в отношении целей и путей познания языковой коммуникации.

Ключевую позицию в этом комплексе проблем занимают, несомненно, языково-коммуникативные нормы, понимаемые в широком плане как социальные нормы. Этой проблеме в докладах и сообщениях также уделялось большое внимание. Р. Гроссе (Лейпциг) в рамках своего философски обоснованного изложения социолингвистических аспектов соотношения общественного и индивидуального сознания подчеркнул важность этих норм, а П. Порш (Лейпциг) справедливо выступил против выведения норм из текстовых признаков и потребовал расширить предметную область лингвистики на основе анализа нормативных предложений и высказываний говорящего о нормативности. В целом доклады и выступления по теме «языковая коммуника-

ция» показали, что, несмотря на все усилия прошлых лет, в ближайшее время потребуются дальнейшее изучение предмета и методики исследования языковой коммуникации.

В. Ф л е й ш е р (Лейпциг) на примере диалектики лексикализации и продуктивных словообразовательных конструкций выявил влияние коммуникативной деятельности на дальнейшее развитие языковой системы, а П. З у х с л а н д (Иена) обсудил методологические проблемы

объективации суждений говорящего через грамматичность и приемлемость высказываний.

Конференция в Дессау продемонстрировала развитие лингвистических исследований в ГДР за истекшее десятилетие и своими итогами будет способствовать дальнейшему развитию науки о языке.

Менг К., Тешмейер Б. (Берлин)
Перевел с немецкого *В. Н. Бондаренко*

CONTENTS

Articles: Mel'ničuk A. S. (Kiev). On the genesis of Indo-European vocalism; **Discussions:** Axmanova O. S., Minaeva L. V. (Moscow). Once more on so-called «theoretical linguistics»; Birenbaum Ja. G. (Magnitogorsk). Horizontal syntactical links; Soboleva P. A. (Moscow). Defectiveness of the paradigm and the semantic identity of the word; Umарxоdžаev M. I. (Andizhan). Topical problems of phraseography; Privalova M. I. (Leningrad). Proper names and problems of homonymy; **Materials and notes:** Abdullaev Z. G. (Makhachkala). Correlation and role of form and content in the definition of syntactical categories in Daghestanian languages; Cykin V. A. (Moscow). Semi-affixation in the system of Chinese word-formation; Karamšoev D. (Dushanbe). The category of gender in the Pamir languages, Serer V. E. (Rostov-on-Don). Means for the expression of space relations in the Ket language; **Surveys:** Širšov I. A. (Grozny). Problems of derivational meaning in modern Soviet science; Kandelaki T. L. (Moscow). Terminological research in the scientific institutions of the USSR Academy of Sciences; **Reviews.**

SOMMAIRE

Articles: Mel'ničuk A. S. (Kiev). Sur la genèse du vocalisme indo-européen; Axmanova O. S., Minaeva L. V. (Moscou). Une fois de plus sur la soi-disant «linguistique théorique»; Birenbaum Ja. G. (Magnitogorsk). Liens syntaxiques horizontaux; Soboleva P. A. (Moscou). Deficience du paradigme et identité sémantique du mot; Umарxоdžаev M. I. (Andijan). Problèmes actuels de la phraseographie; Privalova M. I. (Léningrad). Noms propres et problèmes de l'homonymie; **Matériaux et notices:** Abdullaev Z. G. (Makhachkala). Rapports et rôle des aspects formel et sémantique pour la définition des catégories syntaxiques dans les langues du Daghestan; Cykin V. A. (Moscou). Sémi-affixation dans le système de la dérivation en chinois; Karamšoev D. (Douchanbe). La catégorie de genre dans les langues de Pamir; Serer V. E. (Rostov-sur-Don). Moyens de l'expression des relations spatiales en iéniéssien; **Revue:** Širšov I. A. (Grozny). Problèmes de la signification dérivationnelle dans la linguistique soviétique contemporaine; Kandelaki T. L. (Moscou). Travaux terminologiques au sein des institutions scientifiques de l'Académie des Sciences de l'URSS; **Comptes rendus.**

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 28.06.79	Подписано к печати 22.08.79	Т-4492	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆		
Высокая печать	Усл. печ. л. 14,0	Уч.-изд. л. 14,0	Бум. л. 5	Тираж 7115 экз.	Зак. 2010

Издательство «Наука», 105177 ГСП, Москва, К-61, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 10